

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Материалы
Международной научно-практической конференции

21 – 22 ноября 2025 г.

Москва
2025

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

**Материалы
международной научно-практической
конференции**

21–22 ноября 2025 г.

Москва
2025

УДК 316.6
ББК 88.5
Э91

Рецензент:

Бучек А.А., доктор психологических наук, директор методического центра
Института реализации государственной политики и профессионального развития
работников образования, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»

Э91 Этнопсихология: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции (21–22 ноября 2025 г.) / Отв. ред. В.В. Гриценко, О.С. Павлова. – М : ФГБОУ ВО МГППУ, 2025. – 252 с.

ISBN 978-5-94051-377-3

Представленные тезисы докладов и сообщений стали предметом обсуждения на Международной научно-практической конференции «Этнопсихология: теория и практика», прошедшей 21–22 ноября 2025 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете. В сборник вошли статьи ученых из России и зарубежных стран, в которых отражены результаты теоретических и эмпирических исследований проблем межкультурной коммуникации в различных сферах профессионального взаимодействия.

Сборник представляет интерес для психологов, педагогов, этнологов, антропологов, социологов и всех, кто интересуется решением задач оптимизации и повышения эффективности межкультурного и межетнического взаимодействия.

Авторская позиция и стилистические особенности публикаций сохранены.

УДК 316.6
ББК 88.5

ISBN 978-5-94051-377-3

© ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет», 2025

Содержание

Акжигитов Р.Б.

Степень выраженности ценностей татарской молодежи в зависимости от уровня религиозной активности..... 12

Аль-Хаяни Муаадх Г.М., Балыков В.В.

Арабские студенты в образовательной среде: психологические и культурные особенности..... 14

Арестова О.Н., Ван Жуйхань

Психологические особенности молодежи с близорукостью и отношение к проблемам миопии в китайской культуре..... 17

Афанасьева Ю.А.

Копинг-стратегии и этническая идентичность: межкультурная перспектива 19

Ахметов К.Р.

Роль цифровой эмпатии в преодолении коммуникативных барьеров в многонациональной студенческой среде 21

Баницикова Т.Н., Соколовский М.Л.

Межкультурная компетентность и ценностные ориентации студентов в полиэтнической образовательной среде: запрос на психологическое сопровождение 24

Барабанова Е.Д.

Роль эмоциональной саморегуляции при конфликтах в мультикультурном коллективе 26

Барина Н.Г.

Нарративная идентичность в межкультурном браке: переписывание «Я» в пространстве диалога культур..... 28

Басимов М.М.

Возрастные и национальные виды толерантности и их связи с типами личности..... 30

Бикбулатова И.А.

Содержание социальных представлений о подарке и дарении у русских..... 32

Булковская С.С.

Кросс-культурные различия в сочувствии к себе и социальном сравнении студентов: Россия и Южная Корея..... 35

Бульцева М.А., Берриос Кальехас С.А.

Воспринимаемая роль креативности в адаптации иностранных студентов 37

Бутовская М.Л., Ростовцева В.В.

Половой диморфизм лица в четырех традиционных африканских популяциях как результат полового отбора..... 39

Ваганова Ю.А.

Цифровой межкультурный барьер: анализ коммуникативных неудач
в корпоративной среде (по результатам эмпирического исследования).....41

Ван Жуйхань

Личностные и социальные факторы адаптации
китайских студентов в поликультурной образовательной среде.....44

Вознюк А.В., Бекасова Е.Ю.

Сказкотерапия как метод этнопсихологической
практики: анализ современного отечественного опыта.....46

Войно А.Д., Шорохова В.А.

Социальные представления о мигрантах у православных христиан.....48

Воробьева Т.С.

Инновационные подходы к адаптации семей
с миграционной историей: опыт Челябинской области50

Гавронова Ю.Д.

Восприятие феномена дружбы
представителями русской и индийской этнокультур.....53

Голубятникова Е.А.

Содержание этнической
идентичности у психологов-консультантов в России.....56

Гребень Н.Ф.

Психологическое консультирование
через призму этнокультурной идентичности клиента.....57

Гуриева С.Д.

Этнический вербальный этикет в межкультурной коммуникации59

Дагбаева С.Б., Сараева Н.М., Суханов А.А.

Жизнеспособность человека: кросскультурный аспект.....62

Данчевская О.Е., Матвеев А.В.

Развитие межкультурной компетентности в сфере
управления персоналом: трудовая этика в различных культурах64

Двойнин А.М.

Религиозные репрезентации как ментальный
ресурс клиента в психологическом консультировании66

Джуад Ю.Ю.

Система социально-психологического
сопровождения иностранных обучаемых (опыт НИУ МГСУ).....68

Дронова Д.А., Бутовская М.Л.

Образование и этнокультурный
контекст в Танзании: антропологический анализ.....71

<i>Заварницина А.Е.</i> Школа студенческого наставничества для иностранных студентов в вузе: организация и роль в системе академической поддержки.....	73
<i>Зверовская Я.П.</i> Мотивация студентов в моделях межкультурного взаимодействия: социокультурный и психологический ракурсы	76
<i>Звонова Е.В.</i> Музыка в тренинге межкультурной коммуникации	78
<i>Ивенков В.Э.</i> Кросс-культурное исследование представлений о надежде у разных религиозных групп (на примере православных и мусульман).....	81
<i>Каверина В.А., Миронов А.В.</i> Особенности психолого-педагогического сопровождения детей-мигрантов в общеобразовательных учреждениях ХМАО-Югры.....	82
<i>Карев К.А., Александрова Е.А.</i> Содержание этнической идентичности членов Московского общества греков в инокультурной среде: гендерный и возрастной контекст	85
<i>Кауненко И.И., Хорозова Л.Ф.</i> Динамика этнической идентичности студенческой молодёжи в Республике Молдова	87
<i>Керимова И.А.</i> Исследование субъективного благополучия монгольских студентов, обучающихся в России.....	89
<i>Ким О.И.</i> Взаимосвязь между психологическими особенностями и профессиональной успешностью топ-менеджеров на примере управленцев из России и Китая.....	91
<i>Корнев Д.А., Барский К.А.</i> Особенности медико-социального сопровождения иностранцев граждан, пребывающих в миграции.....	93
<i>Кривуть М.Л.</i> Формирование межкультурной компетентности в УО «Барановичский государственный университет».....	95
<i>Кривцова А.С., Парушина А.Е.</i> Миграционные намерения и региональная идентичность жителей посёлка городского типа Красная Горбатка.....	98
<i>Кудинов С.С., Шевельденкова Б.С.</i> Исследование взаимосвязи этнической идентичности и ценностно-смысловой сферы личности бурятских, калмыцких и тувинских студентов	102

<i>Лобанова Т.Н.</i> Развитие межкультурной компетентности в организациях «будущего»	104
<i>Лямин Д.П.</i> Кросс-культурные особенности обучения китайских студентов в вузах Беларуси.....	107
<i>Ляпина Т.Е., Гуриева С.Д.</i> Потенциал гражданской идентичности как фактора просоциального поведения молодежи.....	109
<i>Майский Д.О.</i> Меры профилактики распространения насильственной радикализации среди молодежи.....	111
<i>Мамедова И.О.</i> О мерах, реализуемых в сфере защиты национальных меньшинств, развития их языка и культуры в Азербайджанской Республике.....	113
<i>Матвеев Д.Е., Беловолов В.А., Беловолова С.П.</i> Межэтнические установки и межкультурное диалоговое взаимодействие субъектов поликультурной образовательной среды военного института.....	116
<i>Маховская О.И.</i> Сценарный подход к исследованию аккультурации семей постсоветских иммигрантов во Франции и США.....	118
<i>Машкова А.С.</i> Проблемы межкультурной коммуникации иностранных студентов в российских вузах и меры по эффективному их решению (на примере Белгородского государственного университета)	121
<i>Мезенцева А.А., Ростовцева В.В., Дронова Д.А., Бутовская М.Л.</i> Эмоции на нейтральном лице: особенности запечатленной мимики у кабардинцев и балкарцев	124
<i>Мещерская-Робустова Е.В.</i> Пение крезя как архетипический способ саморегуляции у бесермян	126
<i>Митина О.В., Дзоу Д.</i> Построение и анализ многомерного имиджа этноса (на материале китайских респондентов).....	128
<i>Митина О.В., Цуй Ж.</i> Восприятие народного танца как предмет этнопсихологического исследования.....	131
<i>Миткинова Н.Б.</i> Межкультурные взаимодействия в системе долговременного ухода: вызовы и конфликты (на примере работы сиделок в Москве)	133

<i>Михайлова О.Б., Десич И., Стоишч Л., Балтезаревич Р.</i> Особенности ценностных ориентаций и представлений об успешности у российских и сербских студентов.....	135
<i>Морозова О.А., Музыченко Ю.Н., Буланкина Е.А., Задорин В.В., Ся Бинюй, Куликов С.П.</i> Переосмысляя роль языка в кросс-культурной адаптации: случай китайских студентов в России.....	139
<i>Мохнатли Д.К.</i> Культурные аспекты формирования критичности к информации у обучающейся молодежи в социальных медиа	142
<i>Музыченко Ю.Н., Задорин В.В., Буланкина Е.А., Ся Бинюй, Куликов С.П.</i> Особенности межкультурной адаптации китайских студентов в российских вузах: психосоциальные аспекты.....	144
<i>Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Осипенко И.М.</i> Представления молодых россиян о Беларуси как фактор отношения к межстрановому сотрудничеству: результаты качественного анализа	147
<i>Муха В.Н., Бурлаченко Л.С., Аполлонов И.А.</i> Городская повседневность и межкультурная коммуникация в интернет-сообществах Краснодара: дискурс-анализ.....	150
<i>Назарова Н.Р.</i> Развитие межкультурной чувствительности арт-терапевта.....	152
<i>Нестерова А.А.</i> Культурные паттерны детско-родительских отношений на протяжении жизни: кросскультурный подход в психотерапии	155
<i>Низовцова А.Н.</i> Межкультурная компетентность и социально-психологическая адаптация русскоговорящих мигрантов в Марокко.....	158
<i>Новгородова Ю.О., Хотинец В.Ю.</i> Преимущества и трудности управления когнитивными процессами у младших школьников- билингвов на ранних этапах обучения иностранному языку	160
<i>Новикова И.А., Бычкова П.А., Новиков А.Л.</i> Межкультурная коммуникация и цифровизация: особенности отношения к цифровым образовательным технологиям у иностранных студентов из ближнего и дальнего зарубежья ...	162
<i>Отмани В.Ю.</i> Этнопсихологический анализ коммуникативных особенностей в российско-японском деловом взаимодействии.....	164

<i>Орсоо Т.</i> Применение позитивной транскультуральной психотерапии в психологическом консультировании мультикультурных клиентов.....	167
<i>Панич О.Е., Остапенко В.А.</i> Особенности этнической идентичности студентов Белгорода.....	169
<i>Пучкова Л.М., Коренев Д.А.</i> Особенности медицинского консультирования иностранцев: практика врача-инфекциониста	171
<i>Ростовцева В.В., Бутовская М.Л., Мезенцева А.А., Дронова Д.А., Стручкова Н.А., Мацакова Н.П.</i> Особенности фоновой мимики в четырех популяциях европеоидного и монголоидного происхождения	173
<i>Руденко С.В.</i> Этническая и культурная идентичность молодежи, проживающей в условиях угрозы военных действий	176
<i>Садик М., Балыков В.В.</i> Практические рекомендации по повышению межкультурной коммуникации со студентами- пакистанцами в образовательной среде российских вузов.....	178
<i>Салех Ю.А.</i> Психологический портрет египтян: анализ взглядов психологов сквозь призму культурной идентичности.....	181
<i>Светкина А.А.</i> Роль межкультурной компетентности в повышении эффективности работы МЧС России	183
<i>Сидякова Е.А.</i> Структура самосострадания у мигрантов и немигрантов: сравнительный анализ	185
<i>Скляр С.В., Жумадилова В.К.</i> Когнитивные схемы, стыд и коллективизм: культурно-обусловленные аспекты семейной терапии клиентов казахской национальности.....	187
<i>Смолина Т.Л.</i> Опыт преподавания дисциплины «Практикум по психологии межкультурной коммуникации» в магистратуре (направление 37.04.01 «Психология»).....	189
<i>Сугакова А.А.</i> Этнопсихологический фактор успешности спортсменов на примере легкой атлетики	191

<i>Суднищикова А.В., Хотинец В.Ю.</i> Социально-психологические факторы прощения в меж- и внутриэтническом взаимодействии	193
<i>Сухарев А.В.</i> Проблема адаптации различных психотерапевтических подходов к клиентам из разных культур в эпоху постмодерна	197
<i>Татарко А.Н., Лепиокова З.Х., Берри Дж.У.</i> Взаимосвязь культурной дистанции с аккультурационными предпочтениями в шести постсоветских странах.....	200
<i>Титова О.И.</i> Опыт подготовки психологов для работы с мигрантами: модель специалиста и трудности в ее реализации.....	201
<i>Ткаченко Н.В., Ратов Т.Ю., Романов М.Ю.</i> Осетинское гостеприимство в контексте межкультурной коммуникации	203
<i>Троянская А.И.</i> Связь параметров креативности с уровнем адаптации индийских студентов к обучению в России	206
<i>Тувина И.С.</i> Психологические аспекты компульсивного шоппинга у студенток-татарок в ситуации кризиса идентичности	209
<i>Тучина О.Р.</i> Городская идентичность и образ города молодежи поликультурного региона с разным этническим статусом	211
<i>Фекличева Н.Л.</i> Использование интернационализмов в аспекте преподавания РКИ слушателям из Африки.....	213
<i>Хохлова Н.И., Муллер О.Ю.</i> Этническая идентичность как основа формирования межкультурной компетенции у будущих педагогов	215
<i>Цой Г.</i> Межкультурная компетентность южнокорейских работников в России: вызовы и перспективы	218
<i>Цыплакова Е.А., Шорохова В.А.</i> Взаимосвязь копинг-стратегий и отчуждения от тела у мигрантов.....	220
<i>Черемисова И.В.</i> Развитие межкультурной компетентности курсантов средствами музыкального искусства	222
<i>Чибисова М.Ю.</i> Обучение монгольских психологов практике работы с детьми: рефлексия профессионального опыта.....	224

<i>Шабас С.Г.</i> Проявление этнической идентичности студентов-психологов в процессе изучения дисциплины «Этнопсихология»	226
<i>Шаповал Н.А.</i> Дифференциация понятия «тьюториал» в английской и отечественной практике и теории	228
<i>Шацкая В.И.</i> Кросс-культурные особенности мигрантов из Центральной Азии и их влияние на терапевтический альянс	232
<i>Шорохова В.А.</i> Роль религиозной идентичности в отношении к межстрановой интеграции	234
<i>Узойкина А.И.</i> Профессиональная идентичность как фактор адаптации мигрантов в новой социокультурной среде	236
<i>Юлдашева М.Б.</i> Развитие межкультурной компетентности студентов в контексте образовательной среды Узбекистана	238
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	242

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современных условиях развития науки интерес к изучению этнических культур, культурно обусловленного поведения личности, межкультурного и межнационального взаимодействия не угасает, а только растет. Специалистами из разных областей гуманитарного знания – психологами, антропологами, этнологами, социологами, филологами и др. накоплен большой теоретический и эмпирический материал, требующий глубокого научного анализа, обобщения, осмысления.

Основными целями настоящей конференции являются научный обмен информацией о разработке актуальных теоретико-методологических, методических и практических проблем межкультурной коммуникации в различных сферах профессионального взаимодействия, а также обсуждение задач и перспектив развития научного сотрудничества в области этнической и кросс-культурной психологии, мультикультурного подхода к психологическому консультированию. Партнерами конференции стали: Институт психологии РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Международный институт гештальт-анализа и супервизии, Академия транскультуральной психотерапии.

В сборник вошли тезисы авторов докладов конференции из России и зарубежных стран, посвященные рассмотрению теоретико-методологических подходов к изучению межкультурной коммуникации, а также практическим аспектам межкультурной коммуникации в различных сферах профессионального взаимодействия: в образовательном пространстве российских школ и университетов, в сфере здравоохранения; в управлении персоналом, бизнесе, туризме, спорте и др. Большое внимание в рамках проблематики конференции уделяется межкультурной коммуникации психологов-консультантов, в том числе обсуждению возможностей применения мультикультурного подхода к психологическому консультированию, проблем адаптации терапевтических подходов к клиентам из разных культур, специфики взаимодействия психолога с клиентом, находящимся в миграции, и ряд других тем.

Хочется надеяться, что настоящая конференция станет значительным событием в развитии и становлении этнической и кросс-культурной психологии. Она позволит определить в общих чертах нынешнее состояние отечественной теоретической и практической этнопсихологии, наметить основные задачи и перспективы ее развития.

В.В. Гриценко
председатель Оргкомитета конференции
«Этнопсихология: теория и практика»

О.С. Павлова
заведующая кафедрой этнопсихологии и психологических
проблем поликультурного образования МГППУ

Степень выраженности ценностей татарской молодежи в зависимости от уровня религиозной активности

Акжигитов Р.Б.

ФГБОУ ВО ПГУ, Пенза, Россия

aczhigitov.rav@yandex.ru

Процессы глобализации и возрастающее культурное многообразие трансформирует национальную идентичность молодежи. Важным компонентом в этом выступает религия как источник ценностей, культурных традиций и исторической памяти, определяющих мировоззрение и самосознание личности, особенно в контексте сохранения уникальности этноса. Актуальность исследования степени выраженности ценностей в зависимости от уровня религиозной активности татарской молодежи обусловлена тем, что татарская культура является уникальным сочетанием исламских традиций, тюркского наследия и региональных особенностей, что делает изучение ценностных ориентаций молодежи, как наиболее восприимчивой к изменениям социальной группы, важным для понимания динамики этнокультурного развития и сохранения самобытности.

Целью исследования является изучение степени выраженности ценностей татарской молодежи в зависимости от уровня религиозной активности. Использован следующий методический инструментарий: опросник «Определение уровня религиозности» И.Э. Соколовская [1], методика измерения религиозной активности (МИРА) Д.О. Смирнова [2; 3]; портретный ценностный опросник, PVQ-RR (S. Schwartz), в адаптации Т.П. Бутенко [4].

В эмпирическую базу включена категория – молодежь (N=447), принадлежащие к татарскому этносу, проживающие в Республике Татарстан (n=140), Башкортостан (n=102), Московской (n=74), Пензенской (n=66), Саратовской (n=65) областях.

В результате статистического анализа значений по методике измерения религиозной активности (МИРА) Д.О. Смирнова выделены группы татарской в зависимости от уровня религиозной – религиозный, формально религиозный и нерелигиозный типы. Далее проведен анализ в выделенных эмпирических группах.

В результате сравнительного анализа получены значимые отличия в ценностях преимущественно в группах религиозного и нерелигиозного типов активности татарской молодежи.

Ценность «Безопасности (общественная)» более выражена у религиозно активной татарской молодежи ($F=6,7$, $p<0,01$). Пребывание в рамках религиозных групп предполагает четкую регламентацию норм и правил поведения, что позволяет на высоком уровне обеспечить безопасность личности. Следование общим ценностям-целям и идеалам обеспечивает чувство сопричастности, защищенности своих членов референтной группы.

Ценности «универсализма / заботы о других» значимо выражены в группе религиозно активной молодежи ($F=4,6$, $p<0,01$). Забота о других, альтруистические ценности выступают основой для объединения религиозных постулатов в отношении этики и заботы о ближнем. Следование религиозным канонам и ценностями заботы о других укрепляет чувство принадлежности к религиозной этногруппе через чувство приверженности, ответственности за других членов сообщества.

По шкале «конформность (межличностная)» значения значимо выше в группе религиозно активной татарской молодежи ($F=16,0$, $p<0,01$). Этнорелигиозные детерминанты четко определяют систему этических норм и предписаний, ожиданий. В этой связи члены таких групп следуют установленным стандартам поведения, соблюдая межличностную конформность. Следование данным нормам усиливают функционирование идентичности в условиях межличностных взаимоотношений.

По шкале «Гедонизма» результаты имеют большую выраженность в группе нерелигиозной молодежи ($F=5,3$, $p<0,01$). Нерелигиозные молодые люди чаще всего формируются в социальных средах, где основными ценностями становятся ценности личного интереса, самовыражения, свободы проявления.

По шкале «Благожелательность (долг)», «Благожелательность (забота)» значения выражены в группе религиозной молодежи ($F=4,7$, $p<0,01$, $F=4,21$, $p<0,01$). Через систему социального наблюдения за опытом взаимодействия и обучения в рамках религиозных сообществ, среды, семьи, религиозная молодежь в условиях долгосрочных отношений и обязательств разделяет ценности долга и заботы.

По шкале «Универсализм (толерантность)» значения выражены в группе религиозной молодежи ($F=4,2$, $p<0,01$). Следования универсальным ценностям и формирование ценностей уважения ко всем конфессиям, религиям, терпимость и любовь к ближнему способствуют формированию индивидуальных ценностей религиозной молодежи. Устойчивость этих ценностей, передача их из поколения в поколение определяет существующие социальные и этические установки религиозной молодежи.

По шкале «самостоятельность (мысли)», «самостоятельность (действия)» значения более выражены в группе нерелигиозной молодежи. Данный факт объясняется тем, что они менее ограничены рамками традиционных норм, предписаний, которые диктуют способ мышления, поведение, стратегии реагирования.

По ценности «Власть (ресурсы)», «Власть (доминирование)» значения выражены в группе нерелигиозной молодежи ($F=7,1$, $p<0,01$; $F=6,82$, $p<0,01$). Это соотносится с ориентацией данной молодежи на личные достижения, а стремление к власти обеспечивает реализацию амбиций и личного пути самовыражения. Религиозная же молодежь более ориентирована на моральные предписания конформизма и служению во благо общества, чем на власть как на ресурсы.

По ценности «традиция» значения сравнительно выражены в группе религиозно активной молодежи ($F=5,8$, $p<0,01$). Ценности традиций создают устойчивый конструкт этнокультурной идентичности татарской молодежи через традиционные формы, семейные и общинные, религиозные традиции.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что религиозная молодежь татарской культуры демонстрирует более выраженные ценности безопасности, заботы о других, конформности, благожелательности и традиций, тогда как нерелигиозная молодежь акцентирует внимание на гедонизме, самостоятельности и власти, что отражает различия в социальных нормах и культурных ориентациях обеих групп. У молодежи с низким уровнем религиозной активности выражены ценности самостоятельность/действия и гедонизма, ориентированы на личные достижения, далеки от ценностей конформизма.

Литература

1. *Соколовская И.Э.* Социальная психология религиозной идентичности современной российской молодежи: Дисс ... канд. психол. н. М., 2015.
2. *Смирнов Д.О.* Описание процедуры стандартизации психометрической методики – «Опросник религиозной активности» // Пасхи. Научный психологический журнал. 1999. № 1–2.
3. *Смирнов Д.О.* Религиозная активность в структуре интегральной индивидуальности: Дисс. ... канд. психол. наук. Пермь, 2001.
4. *Шварц Ш. и др.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Вып. 9. № 2.

Арабские студенты в образовательной среде: психологические и культурные особенности

Аль-Хаяни Муаадх Г.М.

РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Балыков В.В.

Финансовый университет, Москва, Россия

slava-balykov1@mail.ru

С глобализацией образования все большее количество студентов из арабских стран выбирает для обучения российские вузы. Интеграция иностранных студентов в образовательную среду требует внимания к их психологическим и культурным особенностям, которые влияют на процесс обучения и адаптации. Понимание этих факторов является важным для создания поддерживающей образовательной среды и повышения успеваемости студентов.

Изучение межкультурной коммуникации важно в современном мире, где глобализация и миграция приводят к культурному разнообразию. Понимание культурных различий помогает избежать недопонимания и конфликтов, улучшает сотрудничество, развивает эмпатию и способствует поиску общих решений для глобальных проблем. Это знание способствует гармоничному сосуществованию культур и эффективному обмену идеями и опытом [5; 7].

Университеты призваны не только дать студентам образование по выбранным специальностям и направлениям, но также создать благоприятные условия для их проживания, пребывания и обучения в России [3, с. 23].

Культурные особенности. Арабская культура, является одной из разнообразных и многогранных. Она имеет свои уникальные черты и особенности, которые отличаются в каждой арабской стране. Всё это влияет на поведение и восприятие арабских студентов в образовательной среде. Во-первых, акцент на коллективизме играет значительную роль. Социальные отношения и связи между людьми часто важнее индивидуальных достижений. Это может проявляться в предпочтении работы в группах, где студенты из арабских стран могут ощущать себя более комфортно [1, с. 114].

Кроме того, религия и традиции имеют огромное значение в жизни арабских студентов. Исламские обычаи, такие как соблюдение молитв, поста и других ритуалов, могут влиять на расписание занятий и взаимодействие с преподавателями и другими студентами. Поэтому важно учитывать эти аспекты в образовательных программах и графиках [6, с. 7].

Психологические особенности. Адаптация к новому культурному и языковому контексту может стать источником стресса для арабских студентов. Языковой барьер, непонимание в межкультурной коммуникации и отсутствие социальных сетей в новой среде могут привести к чувству изоляции. Это подчеркивает важность создания поддерживающей среды, в которой студенты могут получать помощь и консультации.

Самовосприятие и уровень уверенности в своих способностях могут отличаться у арабских студентов. В некоторых случаях они могут недооценивать свои академические способности, что связано с высокими ожиданиями со стороны семьи и общества. Поддержка со стороны преподавателей и одногруппников играет ключевую роль в повышении уверенности студентов в своих силах [4, с. 12].

По нашим наблюдениям, обобщенный образ арабского студента, отчетливо проявляющийся при учебе в русскоязычном окружении, характеризуют следующие этнопсихологические особенности:

- арабские студенты могут проявлять высокую эмоциональную подвижность, возбудимость и стремление к внешнему блеску. Также они могут иметь склонность к отсутствию на занятиях без причины, но при этом готовы быстро наверстать упущенное и превзойти других студентов: «Я клянусь! Я – умный! Русский язык – легко!»;
- могут проявлять высокую импульсивность и не всегда контролировать свои эмоции и выражение чувств, при этом могут склоняться к преувеличениям в своих высказываниях, некоторые из которых могут быть связаны с обещаниями, такими как желание жениться на русской девушке;
- трудолюбие и напористость при отсутствии дисциплины. Возможно, это связано с их жизненным опытом в зонах военных конфликтов, где они столкнулись с неопределенностью и фаталистическим взглядом на жизнь.

Кроме того, у таких людей высокая мобильность, а также многочисленные религиозные, культурные и родственные связи в разных уголках мира;

- вера в суеверия и предрассудки, такие как использование керамических амулетов и талисманов для защиты от беды, вера в магические числа и суеверия;
- стремление любой ценой «сохранить лицо» перед окружающими, высокая значимость понятий о чести и о личном достоинстве [2, с. 14–15].

Закключение. Арабские студенты часто сталкиваются с различными культурными барьерами и адаптационными трудностями, которые влияют на их учебную мотивацию и успех. Понять их ценности, привычки и подходы к обучению – значит не только способствовать их интеграции, но и обогащать образовательный процесс в целом.

Литература

1. Аль-Хаяни М.Г.М. Психологические особенности арабских студентов в условиях цифровизации образования: анализ мотивации, учебных стилей и влияния культурного контекста // Профессионально-педагогическая культура учителя и преподавателя: теория и практика образовательной деятельности в современном обществе: Сб. материалов X Межд. науч.-практ. конференции. Белгород, 2025.
2. Балыков В.В. Языковые и культурные особенности русско-арабской коммуникации в социальных сетях // Лексикография и коммуникация – 2024: Сб. материалов X Межд. научн. конф. Белгород, 2024.
3. Балыков В.В., Петрова Л.Г. Обучение арабских студентов русскому языку в вузах РФ: актуальные моменты // РКИ: Лингвометодическая образовательная платформа: Сб. тр. Межд. науч.-практ. конф. Белгород, 2023.
4. Вожжакова С.В. Учет национально-психологических особенностей при обучении РКИ арабских студентов // Актуальные вопросы изучения русского языка как иностранного и проблемы преподавания на русском языке: Сб. ст. по итогам VII Межд. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, 2019.
5. Гриценко В.В. и др. Межкультурная компетентность как предиктор адаптации иностранных студентов // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 1.
6. Резников Е.Н. Психологические особенности арабов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика, 2008. №. 3.
7. Хужлаев О.Е. и др. Межкультурная компетентность и эффективность межкультурного взаимодействия // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 1.

Психологические особенности молодежи с близорукостью и отношение к проблемам миопии в китайской культуре

Арестова О.Н., Ван Жуйхань

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

arestova@mail.ru, guhe820@outlook.com

В последние десятилетия в мире увеличилось количество заболеваний, связанных с изменением социальных практик. К числу таких заболеваний относится миопия (МП), ставшая одним из самых распространенных зрительных нарушений. Она является и психологической, и социальной проблемой и превратилась в серьёзную проблему здравоохранения [3]. Ситуация обостряется в связи с ростом МП в молодом возрасте, идущим неравномерно в разных странах, что объясняют этнической предрасположенностью и спецификой образовательных и профессиональных условий в связи с применения гаджетов. Наибольший рост молодой МП наблюдается в Китае и Корее, процент МП среди китайских старшеклассников превышает 80%. Молодежь с МП в китайском обществе имеет значительные психологические проблемы (19%), распространена тревога и депрессия среди школьников (до 46%).

Настоящая работа служит оценке взаимосвязи между МП и психологическими проблемами китайской молодежи. Методики исследования: общая анкета, шкала эмоционального благополучия (ЭБ), шкала самооценки тревожности (ТР), шкала потребности в когнитивной активности, опросник мотивации достижения и авторская анкета отношения к МП. Предметом исследования стала специфика личностных и когнитивных свойств и эмоциональной сферы у китайской молодежи с МП. Гипотеза: молодые люди с МП имеют психологическую проблемность, степень которой связана со степенью МП. В онлайн-опросе собрано 248 анкет (183 достоверных). 81 респондент имели нормальное зрение (45 юношей и 36 девушек) и 102 респондента с МП (55 юношей, 47 девушек). 40 человек имели слабую МП, 38 – среднюю и 24 – высокую).

Оказалось, что по всей выборке респондентов средние значения ТР и познавательной потребности превышают средние значения (ТР 53,85, познавательные потребности 57,5). ЭБ оказалось ниже среднего (30,34 при малых стандартных отклонениях 6,07). По показателю ТР выборка оказалась обратной нормальному распределению, участники распределились между высокими и низкими значениями ТР). Тест Левене показал значимые различия в дисперсии данных между группами с нормальным зрением и МП по всем показателям – ЭБ ($p < 0,05$), ТР ($p < 0,05$), познавательные потребности $p = 0,013$ ($p < 0,05$), стремление к успеху ($p < 0,05$), избегание неудач ($p < 0,05$), отношение к проблемам МП ($p < 0,05$). Сравнение результатов по критериям Манна-Уитни и Спирмена показали отрицательную связь между ЭБ и МП ($-0,843$). Чем выше МП, тем выше показатели ТР (0,64). Познавательная потребность

положительно коррелирует с выраженностью МП (0,842), что может быть связано с интенсивными зрительными нагрузками в ходе учебной и профессиональной деятельности. Близорукие испытуемые проявили высокую направленность на достижения (0,926) и избегание неудачи (0,935). Значимая связь между пониманием трудностей людей с МП и выраженностью этого заболевания (-0,944). Близорукие оценивают свою жизненную ситуацию как более тяжелую, негативную по сравнению со здоровыми.

При сравнении групп с разной степенью выраженности МП обнаружилось, что по мере повышения МП снижались баллы ЭБ: нормальное зрение (137,67); слабая МП (84,46); средняя (44,89); сильная (25) ($N=75,614$). ТР значимо увеличивалась с ростом МП: нормальное зрение 58,7; слабая МП 95,99; средняя 69,74; сильная 53,83 ($N=75,614$). Выраженность познавательной потребности увеличивается с ростом МП: 48, 45–93, 95–133, 66–169, 77 по группам соответственно ($N=130,173$ при уровне значимости 0,000). Аналогичные данные получены по шкалам стремления к успеху и избеганию неудачи. Понимание проблем МП уменьшалась по мере возрастания степени выраженности МП.

Отчасти полученные на китайской выборке данные согласуются с международными [1]. МП в большинстве исследований связывается с повышением ТР и снижением ЭБ и чувства счастья. Новизна полученных результатов заключается в повышении степени мотивации достижения успеха и познавательной потребности по мере повышения МП. Отнесение этих данных к компенсаторным механизмам [4] вряд ли может полностью объяснить этот феномен. Можно предположить обратную связь: высокие уровни мотивации достижения и познавательной направленности – повышение зрительных нагрузок – развитие МП. Данные, полученные нами о негативном отношении к МП со стороны самих близоруких сопровождаются недооценкой проблемности МП со стороны ровесников с нормальным зрением. Возникает эффект «мнимой стигматизации», когда молодые люди с МП оказываются один на один с проблемами зрительных ограничений, наталкиваясь на непонимание окружающих. Этот результат не соответствует данным, полученным на выборке. Культурные различия выражаются в особенностях отношения окружающих к пациентам с МП, а также в специфике самоотношения и эмоционального реагирования пациентов с МП.

Выявлены различия в личностных и эмоциональных особенностях китайской молодежи с МП, а также установлена характерная для китайской культуры связь между степенью МП и когнитивными особенностями личности. МП сопряжена со снижением ЭБ и возрастанием ТР, что наблюдается в разных культурах. В Китае получена прямая связь между степенью МП и познавательной потребностью, характер которой нуждается в исследовании. У китайской молодежи с МП значительно выражена мотивация достижения и избегание неуспеха. Собственное отношение близоруких к перцептивным проблемам более радикально негативно по отношению к отношению окружающих. В китайской культуре социум относится к МП как к незначительному дефекту, что может приводить к стигматизации молодежи с МП.

Литература

1. *Арестова О.Н., Богачева Н.В.* Особенности самоотношения у подростков и юношей с близорукостью // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 4.
2. *Lin L.L., et.al.* Prevalence of myopia in Taiwanese schoolchildren: 1983 to 2000 // Annals of the Academy of Medicine. 2004. Vol. 33. № 1.
3. *Megreli J., Barak A., Bez M.* Association of Myopia with cognitive function among one million adolescents // BMC Public Health. 2020. Vol. 20 № 1.
4. *Rucker F.J., Wallman J.* Chick eyes recover from darkness in less time than they take to become myopic // Investigative Ophthalmology & Visual Science. 2008. Vol. 49. № 2.

Копинг-стратегии и этническая идентичность: межкультурная перспектива

Афанасьева Ю.А.

ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

ФГБОУ ВО СОГУ, Владикавказ, Россия

afanaseva.y@mail.ru

Для разработки эффективных методов преодоления различных стрессовых ситуаций в повседневной жизни важно исследовать стратегии копинг-поведения среди различных этнических групп. Также необходимо учитывать влияние региона проживания и этнической принадлежности на формирование и проявление способов совладания со стрессом. Такие исследования помогают лучше понять целостное функционирование личности как субъекта межкультурного взаимодействия [3, с. 57].

С целью изучения кросс-культурных особенностей копинг-стратегий и этнической идентичности нами были опрошены представители русской и осетинской этнических групп, проживающих в г. Владикавказ и г. Санкт-Петербург. Возраст испытуемых составил от 22 до 45 лет. Общий объем выборки составил 612 респондентов.

Эмпирическое исследование было проведено с использованием следующих методик: Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (CISS)», разработанная Н. Эндлер, Д. Паркер (адаптированная Т.Л. Крюковой), для определения эмоциональных, когнитивных и поведенческих аспектов копинг-поведения; «Опросник совладания со стрессом (COPE)» разработанный К. Карвер, М. Шейер и Дж. Вейнтрауб (адаптированный Е.И. Рассказовой, Т.О. Гордеевой и Е.Н. Осиним), для выявления преобладающих копинг-стратегий; методика «Типы этнической идентичности», разработанная и адаптированная Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой, направленная на изучение особенностей этнической идентичности и самосознания испытуемых; авторская анкета, направленная на изучение социально-демографических характеристик респондентов.

Выявленные корреляционные связи между этнической идентичностью и типами копингов в различных этнических группах существенно различаются. Так, у представителей русской этнической группы, проживающих во Владикавказе и Санкт-Петербурге, обнаружена положительная связь «Этнонигилизма» с «Эмоционально-ориентированным копингом» ($r=0,203$, $p\leq 0,01$) и «Отрицанием» ($r=0,143$, $p\leq 0,001$), а также отрицательная – с «Избеганием» ($r=-0,208$, $p\leq 0,01$) и «Отвлечением» ($r=-0,215$, $p\leq 0,01$). У осетинской группы, проживающей в тех же городах, отмечена положительная связь «Этнонигилизма» с «Проблемно-ориентированным копингом» ($r=0,222$, $p\leq 0,01$) и отрицательная – с «Социальным отвлечением» ($r=-0,193$, $p\leq 0,01$). Это может свидетельствовать о том, что у русских при отходе от собственной этнической группы возрастает эмоциональность и отрицание случившегося, а также снижается склонность избегать проблем и отвлекаться. В то же время у осетин при отходе от этнической идентичности и поиске социальной стабильности не проявляется копинг, ориентированный на решение проблем.

У русских не обнаружено корреляций «Этнической индифферентности» с любыми типами копингов, тогда как у осетинской группы выявлены положительная связь с «Отвлечением» ($r=0,197$, $p\leq 0,01$) и отрицательные – с «Активным совладанием» ($r=-0,175$, $p\leq 0,05$), «Обращением к религии» ($r=-0,209$, $p\leq 0,01$) и «Планированием» ($r=-0,149$, $p\leq 0,05$). Это говорит о том, что при размывании этнической идентичности у осетин снижается активность в преодолении трудных ситуаций [2, с. 87].

Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что культурные ценности и традиции оказывают влияние на выбор наиболее эффективных способов преодоления стрессовых ситуаций, подчеркивая необходимость учета межкультурных особенностей при исследовании процессов адаптации населения к различным жизненным условиям.

Возможно, существенные различия в копинг-поведении обеих этнических групп обусловлены тем, что представители русской этнической культуры более склонны к индивидуализму по сравнению с осетинской группой [1, с. 29]. Русские ориентируются на внутренние ценности, интересы и мнения близкого окружения – семьи и друзей. В то время как для осетин характерно влияние общественного мнения, при выборе модели поведения они чаще руководствуются мнением окружающих, традициями, общественными ценностями и историческим опытом. Эти выводы имеют важное значение для понимания культурных особенностей процесса адаптации личности в современном обществе.

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта: 124032600013-2.

Литература

1. Афанасьева Ю.А., Гуриева С.Д. Этнопсихологические особенности копинг-поведения у осетин и русских // Современные исследования социальных проблем (Russian Journal of Humanities). 2019. Т. 11. № 3.

2. *Афанасьева Ю.А., Ильченко В.В.* Влияние региона проживания на формирование этнической идентичности (на примере русских и осетин) // Russian Journal of Education and Psychology, Красноярск, 2023. Т. 14. № 4–2.
3. *Крюкова Т.Л.* Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения. 2015.

Роль цифровой эмпатии в преодолении коммуникативных барьеров в многонациональной студенческой среде

Ахметов К.Р.

КазНУ имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
Kazybek-bey@mail.ru

Современная студенческая среда отличается высокой культурной и национальной разнообразностью. Молодые люди из разных стран взаимодействуют не только в аудиториях, но и в цифровом пространстве – на платформах дистанционного обучения, в социальных сетях, в совместных проектах. Именно там формируются первые впечатления, выстраиваются отношения и, к сожалению, нередко возникают коммуникативные барьеры.

Такие барьеры проявляются по-разному: от трудностей в понимании шуток, иронии и культурно обусловленных метафор до различий в интерпретации эмоциональных сигналов – например, смайлов, темпа ответа или выбора слов. Для одного студента короткий ответ может означать проявление уважения и сдержанности, а для другого – восприниматься как равнодушие. Даже такие, на первый взгляд, незначительные детали могут вызывать недоразумения, формируя атмосферу отчуждения и напряженности.

Дополнительную сложность создает сам формат цифровой коммуникации: отсутствие живого контакта лишает студентов целого спектра невербальных подсказок – интонации, мимики, жестов, пространственного поведения. Эти элементы обычно смягчают или уточняют сказанное в очном общении. Виртуальное же взаимодействие делает речь менее многослойной и эмоционально насыщенной, а значит, более уязвимой к искажениям смысла. В итоге даже нейтральные сообщения могут восприниматься как эмоционально окрашенные, что приводит к недопониманию и возникновению барьеров на пути продуктивного межкультурного диалога.

Поиск способов преодоления этих трудностей привел исследователей к понятию цифровой эмпатии – способности распознавать эмоциональное состояние собеседника по косвенным признакам и учитывать его в процессе общения.

В отличие от традиционной эмпатии, опирающейся на невербальные сигналы, цифровая эмпатия требует внимательности к деталям письменной и визуальной коммуникации: выбору слов, структуре сообщений, использованию

эмоции, времени ответа. Эти элементы позволяют студентам улавливать эмоциональные оттенки речи и выстраивать более доверительное общение в условиях культурного многообразия.

Исследования подтверждают, что развитая цифровая эмпатия помогает студентам быстрее адаптироваться, легче справиться со стрессом и снижает риск межкультурных конфликтов. Так, сравнительное исследование, проведенное в Германии и США [3], выявило: высокий уровень цифровой эмпатии напрямую связан с качеством онлайн-обучения. Студенты с этим качеством быстрее налаживают контакт с однокурсниками, активнее участвуют в дискуссиях и чаще демонстрируют взаимопомощь.

Недостаток эмпатии, напротив, усиливает барьеры, учащиеся начинают опираться на стереотипы, формировать предвзятые суждения и избегать контактов. Даже нейтральные сообщения могут восприниматься как проявление холодности. В результате мелкие недоразумения перерастают в конфликты, затрудняющие как учебный процесс, так и социальную интеграцию студентов.

Ряд исследований показывает, что цифровая эмпатия может развиваться целенаправленно. Голубева и Гюнтерсдорфер [3] предложили модель виртуального обмена, в основе которой – упражнения по саморефлексии и анализу эмоций. Эти практики способствуют снижению стереотипизации, повышают открытость участников и формируют доверительную атмосферу в виртуальном общении.

Современные исследования в области обучения с применением технологий виртуальной реальности указывают на потенциал социальных VR-платформ в развитии межкультурной компетентности и эмпатии [1]. Эти данные подтверждают, что цифровая среда может быть продуктивным пространством для формирования навыков межличностного понимания. В таких условиях цифровая эмпатия проявляется как способность «вживаться» в культурный опыт другого человека, что делает процесс обучения более глубоким и личностно значимым.

Фернандес-Корбахо и соавторы [2] доказали, что задания по цифровой мультилитератности помогают будущим педагогам развивать этнокультурную эмпатию. Этот подход сочетает освоение цифровых инструментов с формированием уважительного отношения к культурному разнообразию. Подобные практики показывают: цифровая эмпатия не является врожденным качеством, ее можно формировать через специальные образовательные интервенции, объединяющие технологические и гуманитарные подходы.

Особое значение цифровая эмпатия приобретает для иностранных студентов. Ряд исследований подтверждает, что развитие культурной эмпатии положительно связано с психологическим благополучием международных студентов. Более того, работы исследователей показывают, что в контексте виртуального обмена (Германия–США) цифровая эмпатия способствует снижению межкультурных недопониманий и улучшает эффективность взаимодействия [3]. Эмпатийное восприятие различий способствует формированию чувства принадлежности, снижает уровень социальной изоляции и облегчает вхождение в академическое сообщество. В условиях цифрового

взаимодействия это качество становится ключом к установлению доверительных отношений и поддержанию психологической устойчивости.

Цифровая эмпатия – это одна из ключевых компетенций XXI века. Она позволяет студентам преодолевать коммуникативные барьеры, снижать риск межкультурных конфликтов, формировать атмосферу доверия и сотрудничества. Более того, она выступает ресурсом психологической устойчивости: поддерживает ощущение понимания и принадлежности даже при ограниченных возможностях живого контакта.

Развитие цифровой эмпатии должно стать стратегическим направлением университетских программ. Оно предполагает не только освоение технологий, но и развитие у студентов навыков межкультурного общения, активного слушания, рефлексии и совместного проектного взаимодействия. Этому способствуют такие практики, как межкультурные виртуальные обмены, использование иммерсивных технологий, задания по мультилитератности и тренинги по развитию эмоционального интеллекта в цифровой среде.

Перспективы дальнейших исследований связаны с созданием инструментов диагностики цифровой эмпатии, выявлением факторов ее развития и интеграцией этого понятия в систему ключевых компетенций будущего. Университеты, активно работающие в этом направлении, смогут не только повысить качество обучения, но и подготовить специалистов, способных успешно взаимодействовать в условиях глобальной многообразной среды.

Литература

1. Duarte J., Costa C., Pereira L. Digital empathy and intercultural competence in online higher education // Comunicar. 2023. Vol. 31 (75).
2. Fernández-Corbacho A., Sánchez-Castro M., Esteban-Guitart M. Developing ethnocultural empathy through digital multiliteracy interventions in future teachers // Frontiers in Psychology. 2024. Vol.15.
3. Golubeva I., Güntersdorfer I. Developing Intercultural Competence through Virtual Exchange: A Model of Digital Empathy // Journal of Virtual Exchange. 2020. Vol. 3.

Межкультурная компетентность и ценностные ориентации студентов в полиэтнической образовательной среде: запрос на психологическое сопровождение

Банищикова Т.Н., Соколовский М.Л.
ФГАОУ ВО СКФУ, Ставрополь, Россия
sevkav@mail, bilb2000@yandex.ru

Актуальность данного исследования обусловлена интенсивными процессами глобализации и значительным ростом культурного многообразия в современном университетском пространстве. Эти факторы резко повышают значимость межкультурной коммуникации как критически важного условия для эффективного взаимодействия [2; 3]. В данном контексте психологическое сопровождение студентов приобретает особую важность, требуя от специалистов глубокого учета не только личностных, но и сложных социокультурных особенностей обучающихся. Существующая практика часто сталкивается с вызовами, связанными с этнокультурными различиями между клиентами и психологами, что может снижать эффективность консультирования. Таким образом, возникает насущная потребность в комплексном изучении специфики запросов студентов из разных регионов, их ценностных ориентаций и уровня межкультурной компетентности для разработки адресных моделей психологической поддержки, отвечающих реалиям поликультурного образовательного пространства России.

Главной целью исследования являлся комплексный анализ межкультурной компетентности, ценностных ориентаций и специфики запросов студентов из различных этнокультурных групп на психологическую помощь для совершенствования системы психологического сопровождения в вузах.

В основе методологии исследования лежал количественный опрос с применением валидизированного психодиагностического инструментария. Выборка включила 557 студентов из 13 регионов России, представляющих 32 национальности.

Был использован следующий комплекс диагностических методик:

1. Интегративный опросник межкультурной компетентности [1], направленный на оценку трех ключевых компонентов: устойчивости к стрессу в межкультурных контактах (межкультурная стабильность), уровня этноцентризма и способности к управлению взаимодействием.
2. Авторский опросник приверженности традиционным российским духовно-нравственным ценностям, разработанный на основе Указа Президента РФ № 809. Оценивались такие ценности, как жизнь, достоинство, права человека, патриотизм, коллективизм, семья, приоритет духовного над материальным и единство народов России.

3. Опросник для выявления востребованности психологических услуг в вузе и структуры запросов студентов.

Результаты исследования.

Востребованность психологической помощи. Более 80% студентов в целом отметили необходимость психологической службы в вузе. Однако в республиках Северного Кавказа этот показатель был значимо ниже (50–67%), что объясняется культурными особенностями и меньшей практикой обращения за профессиональной помощью.

Структура запросов студентов. Наиболее актуальными проблемами оказались: переживание интенсивных негативных эмоций (тревога, обида, чувство вины, страхи) – 61%; вопросы самооценки, личных границ и самопознания – 54%; самоопределение и личностный рост – 47%. Конфликты в учебной сфере оказались малозначимыми (18%), хотя часто являются формальным поводом для обращения.

Установлена прямая зависимость: чем более монокультурен регион, тем выше требования студентов к этнической и гендерной принадлежности психолога. Студенты из монокультурных регионов отмечают важность знания специалистом их родной культуры и языка.

Почти треть опрошенных специалистов (27%) выразила сомнения в эффективности консультирования клиентов иной культурной принадлежности, что указывает на необходимость дополнительной подготовки и внедрения мультикультурного подхода [4].

Обнаружено, что девушки обладают статистически более высокими показателями межкультурной стабильности и более низким уровнем этноцентризма по сравнению со юношами что согласуется с современными данными по межкультурной чувствительности [3].

Выявлено принципиальное сходство в ценностных иерархиях студентов и психологов. Наивысший приоритет у обеих групп получили ценности жизни, достоинства и прав человека. Наименее значимыми оказались коллективизм и приоритет духовного над материальным. Подобное распределение связано с общей тенденцией к индивидуализации в молодежной среде [5]. Незначимые различия обнаружены в приоритетах: для психологов выше ценность гуманизма, семьи и патриотизма, а для студентов – справедливости.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Высокая востребованность психологической помощи среди студентов подтверждает необходимость развития психологических служб в вузах, однако их работа требует гибкой, адаптивной модели, учитывающей региональную и культурную специфику.

Иерархия запросов студентов указывает на первостепенную важность организации кризисного консультирования, поддержки личностного развития и работы с семейными историями, а не только на разрешение учебных конфликтов.

Выявленные сомнения как со стороны студентов, так и со стороны психологов в эффективности межкультурного взаимодействия в консультативном процессе доказывают острую необходимость внедрения программ повышения

межкультурной компетентности для психологов и развития мультикультурного подхода в консультировании [4].

Литература

1. Хухлаев О.Е. и др. Межкультурная компетентность: к обоснованию концепции и созданию диагностического инструментария // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 1.
2. *Spencer-Oatey H., Kádár D.Z.* Intercultural Politeness: Managing Relations across Cultures. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
3. *Chen T.Y.* Developing an Intercultural Competency Instrument // Journal of Intercultural Communication. 2022. Т. 22, № 4.
4. *Sam D.L., Ward C.* 50+ years of psychological acculturation research // International Journal of Intercultural Relations. 2024.
5. *Schwartz S.H.* Measuring the Refined Theory of Individual Values in Cross-Cultural Perspective // Values and Behavior: Taking a Cross-Cultural Perspective. Cham: Springer, 2022.

Роль эмоциональной саморегуляции при конфликтах в мультикультурном коллективе

Барabanова Е.Д.

ФГБОУ ВО БГУ имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия
barabanova-ed@mail.ru

В последние годы все больше внимания уделяется изучению умения управлять своими эмоциями, особенно в профессиональной среде, где часто встречается культурное многообразие. Международная кооперация сегодня основывается на работе мультикультурных команд. Однако разнообразие культурных норм общения и восприятия в таком коллективе может привести к недопониманию сторон и, как следствие, к развитию деструктивного конфликтного поведения.

Ряд исследований показывают, как способы контроля эмоций влияют на эффективность общения, устойчивость к стрессу и способность адаптироваться в коллективе [5; 6]. Однако чаще всего эмоциональная саморегуляция рассматривается либо как часть эмоционального интеллекта, либо как общая черта личности, без учёта того, как на нее влияют культурные особенности. Именно поэтому в научной литературе все еще недостаточно информации о том, как способность контролировать эмоции влияет на конфликты в условиях культурного разнообразия. Таким образом, возникает потребность в более глубоком изучении того, как умение регулировать эмоции формирует характер и развитие конфликтов в мультикультурных коллективах.

Зарубежный психолог Дж. Гросс в рамках модели эмоциональной регуляции указал, что регуляция эмоций представляет собой действия, которые индивидум может контролировать: какие именно эмоции переживаются, как и когда они возникают и какими способами выражаются [4, с. 274]. В психологии

саморегуляция рассматривается как намеренное или спонтанное применение индивидуумом различных методов и техник для стабилизации или желаемой коррекции своего эмоционального фона [1, с. 82].

Эмоциональная саморегуляция играет одну из ключевых ролей в межличностном общении внутри мультикультурных коллективов, члены которых обладают разными моральными ценностями, способами взаимодействия и социальными нормами. Представители таких команд нередко сталкиваются с недостаточной степенью взаимопонимания, вследствие чего могут развиваться конфликтные ситуации. Одна из наиболее частых причин конфликтов в мультикультурной среде – низкий уровень эмоциональной саморегуляции [2, с. 72].

Конфликты в мультикультурной команде часто возникают ввиду неверной интерпретации невербальных сигналов и манеры поведения собеседника. Так, например, в индивидуалистических культурах (США, Великобритания) принято выражать эмоции более открыто и прямо отстаивать свою точку зрения в случае конфликта, в то время как в коллективистских культурах (Китай, Япония, Южная Корея) поведение участников общения характеризуется сдержанностью и избеганием прямой конфронтации, поскольку конфликт воспринимается как угроза социальной целостности группы [3]. Так, сдержанность представителей Китая может ввести в заблуждение американских коллег и интерпретироваться как отсутствие интереса и пассивность, вызывая при этом раздражение или фрустрацию. И наоборот – инициативность и открытость американцев китайские коллеги могут принять за грубость и нарушение делового этикета. В результате негативные эмоции сторон могут стать потенциальной причиной возникновения деструктивного конфликта.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что эмоциональные проявления одной культуры могут ошибочно интерпретироваться в другой как чрезмерные, неуместные или даже агрессивные. В подобных условиях развитые навыки саморегуляции позволят снизить интенсивность эмоционального напряжения, предотвратить импульсивные реакции и интерпретировать поведение коллег не через призму личной неудовлетворенности, а с опорой на знание культурных норм и особенностей. В этом случае конфликт не будет иметь деструктивный характер, а наоборот – позволит представителям разных культур сосредоточиться на самой проблеме и поиске компромисса.

Таким образом, можно предположить наличие прямой связи между дефицитом эмоциональной саморегуляции и развитием деструктивного конфликта в мультикультурной команде. В свою очередь, высокоразвитое умение управлять эмоциями позволит предупредить возникновение конфликтных ситуаций, а пополнение знаний об особенностях различных культур будет способствовать формированию безопасной и конструктивной коммуникативной среды.

Литература

1. Маттьюс Дж., Кустубаева А.М., Толегенова А.К. Эмоциональная и когнитивная саморегуляция // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. 3. Психология и педагогика. 2013. № 2.

2. *Маханева Е.А.* Мультикультурная коммуникация в профессиональных коллективах: социальная безопасность // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 11.
3. *Cherry K.* Understanding collectivist cultures. Retrieved January. 2020. № 16.
4. *Gross J.J.* The Emerging Field of Emotion Regulation: An Integrative Review. Review of General Psychology. 1998. № 2 (3).
5. *Hale J., et.al.* KODIS: A Multicultural Dispute Resolution Dialogue Corpus. URL: <https://arxiv.org/html/2504.12723v1>.
6. *İçin A.G.* Emotion Regulation in Intergroup Conflicts: A Review Article // Current Research and Reviews in Psychology and Psychiatry. 2021. № 1 (1).

Нарративная идентичность в межкультурном браке: переписывание «Я» в пространстве диалога культур

Баринова Н.Г.

ФГБОУ ВО МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ngbuae@gmail.com

Современная гуманитарная мысль всё более последовательно отходит от представления об идентичности как фиксированной и неизменной сущности, рассматривая её как процессуальную и нарративную конструкцию. Эта линия размышлений, развитая в работах П. Рикёра, Ч. Тейлора, С. Холла, Х. Бхабха, З. Баумана [1; 2; 3; 4; 5], приобретает особую значимость при анализе феномена межкультурного брака, поскольку самоопределение партнеров в таком союзе оказывается вовлечённым в пространство пересекающихся культурных кодов, норм и символических миров.

Согласно концепции П. Рикёра [3], на протяжении жизни человек постоянно интерпретирует и перерабатывает происходящие с ним события, формируя непрерывный, целостный, но принципиально открытый для изменений рассказ о себе. В процессе такого динамичного повествовательного процесса по переписыванию собственной биографии и формируется его нарративная идентичность. В межкультурном браке этот процесс усложняется тем, что биографические сюжеты супругов нуждаются в согласовании и «сшивании» в единый совместный нарратив, что неизбежно предполагает не только перевод смыслов между культурами, но и переопределение собственных идентичностей. Одним из рисков здесь становится феномен «разорванного нарратива». В условиях культурного давления, миграционных травм, несовпадения между внутренними ожиданиями и внешними нормами, необходимости адаптации нарратив «Я» может фрагментироваться: привычные культурные опоры утрачиваются, а новая система значений ещё не интегрирована. Такой разрыв нередко сопровождается экзистенциальными кризисами и ощущением утраты целостности. Это состояние, которое З. Бауман описывает как опыт «жидкой

идентичности» [1], связано с необходимостью постоянного поддержания непрочного баланса между культурными контекстами. Однако именно эта нестабильность открывает и потенциал креативного синтеза. Межкультурный брак можно рассматривать как своего рода лабораторию, где нарративная идентичность приобретает новые формы. С. Холл подчёркивает, что идентичность всегда остаётся «незавершённым проектом», открытым к пересборке [4], а Х. Бхабха развивает идею «третьего пространства» – гибридной зоны, где создаются новые смыслы и формы идентичности [2]. В этом контексте совместная жизнь супругов из разных культур может быть понята как пространство ценностного и символического творчества, где их индивидуальные биографии переплетаются в общий нарратив.

Практическое значение этих идей трудно переоценить. Для практикующих психологов и консультантов работа с межкультурными парами предполагает особое внимание к нарративным стратегиям: выявление разрывов и несогласованностей в индивидуальных историях, осмысление прошлых опытов и содействие формированию общего рассказа о совместной жизни и будущем. Нарративный подход открывает широкие возможности для сопровождения кросс-культурных пар в процессе адаптации: это и нарративная терапия с ее техниками пересочинения, экстернализации, деконструкции и др. [6], и работа с семейными историями через проговаривание супругами своего культурного прошлого и его интеграцией в совместный нарратив, и, безусловно, культурно-чувствительные интервенции психолога с учетом асимметрии культурного капитала в паре для создания безопасного пространства для выражения инаковости. Для самих инокультурных супругов осознание брака как процесса совместного нарративного конструирования позволяет увидеть культурные различия не как угрозу, а как ресурс развития и переписывания личной и семейной истории. Тем самым нарративная идентичность в межкультурном браке предстает не только как зона риска – утраты целостности и культурной опоры, – но и как пространство возможностей: создания новых смыслов, гибридных идентичностей, уникальных форм совместного ценностного со-бытия, креативной самореализации и расширения горизонтов «Я». Межкультурный брак в этом контексте можно метафорически назвать «текстом, написанным в соавторстве»: каждый из супругов вносит в этот текст свои слова, образы, культурные аллюзии, а процесс совместной жизни становится диалогическим письмом, который находится в постоянной редакции. Партнёры совместно создают «главы» – истории о том, как они встретились, преодолели культурные барьеры, построили дом или воспитали детей. Эти истории становятся опорными точками идентичности, обеспечивая семье смысловую устойчивость и чувство принадлежности.

Таким образом, нарративная идентичность в межкультурном браке, с одной стороны, представляет собой личный психологический процесс переписывания собственной истории каждым из супругов в диалоге с инаковостью, который превращается в ключевой механизм преодоления разрыва между

культурами и формирования нового совместного мира. С другой стороны, конструирование совместного интегративного нарратива кросс-культурной пары – это культурно-коммуникативная практика, которая выполняет функцию моста между мирами, позволяя интегрировать разрозненные элементы опыта в общую историю пары. Переписывание «Я» в межкультурном браке – это не просто адаптация к другой культуре, а создание нового нарративного субъекта, в котором индивидуальная и парная идентичность сливаются в гибридное, диалогическое и временно протяжённое «Мы».

Литература

1. Бауман Ж. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
2. Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки. 2005. № 3–4.
3. Рикёр П. Я-сам как другой / Пер. с франц. М., 2008.
4. Hall S. Cultural Identity and Diaspora // J. Rutherford (Ed.), Identity: Community, Culture, Difference. London, 1990.
5. Taylor Ch. Sources of the Self. The Making of the Mode Identity. Cambridge, Mass, 1989.
6. White M., Epston D. Narrative means to therapeutic ends. New York, 1990.

Возрастные и национальные виды толерантности и их связи с типами личности

Басимов М.М.

АНО ВО «УМЦ», Москва, Россия
basimov@mail.ru

Различные стороны и виды толерантности как тематика исследований довольно часто встречается в различных гуманитарных науках, в том числе это касается психологии и социологии. Но при этом, если оставаться только в рамках линейных моделей, теряется много содержательной информации, которая более точно позволяет понять психологическое содержание изучаемого предмета.

А так как одной из основных задач практически любого психологического исследования является анализ статистических связей, и часто при этом доминирует линейное мышление, то при изучении объектов преимущественно нелинейной природы с помощью линейных методов возникают проблемы, которые решаются сомнительными способами: либо слабые, но «значимые» корреляции, которых всегда достаточно много, предлагаются как достойный результат исследования, либо обосновываются сомнительные преимущества коэффициентов Пирсона и Спирмена друг перед другом [3, с. 62]. При этом за полем зрения остается множество простейших нелинейных зависимостей, прежде всего с максимумом и минимумом, которые часто соответствуют природе и сущности психического.

Зависимости по предлагаемой тематике определились при обработке данных опроса студентов Курганского государственного университета, в котором

принимали участие 146 студентов различных специальностей. В диагностике использовалась с одной стороны социологическая анкета, изучающая различные виды толерантности, а с другой стороны психологическая методика Дж. Олдхема и Л. Морриса «Типы личности» и «Вероятностные расстройств» данного типа. Для расчета использовался авторский метод изучения статистических связей [1].

Рассмотрим две зависимости, одна из которых с максимумом для кварт независимой переменной, а другая с минимумом для триад независимой переменной.

1. Зависимость показателя «Тип L: Агрессивный» (Y) от показателя «Ощущение близости с людьми своего поколения (возраста)» (X), которая представлена через сравнительные весомости зависимой переменной Y, на основе которых происходит расчет коэффициентов силы связи, для кварт (X1, X2, X3, X4) независимой переменной X:

$$X1: Y = -1656; X2: Y = +31433; X3: Y = -10; X4: Y = -1019.$$

При практически нулевой корреляции ($r = -0.04$), которая в рамках линейных моделей не представляет интереса, рассмотрим зависимость с максимумом на 2 кварте независимой переменной «Ощущение близости с людьми своего поколения» (X), которая характеризуется как сильная с коэффициентом силы связи $SV = 0.82$. Это ошибка 1 типа, когда содержательная зависимость при корреляционном анализе не определяется. При этом обратная связь $X(Y)$, как это характерно для зависимостей с явно выраженным максимумом или минимумом, крайне слабая $SV^2 = 0.05$, что подтверждает модельный математический пример – парабола $Y = X^2$.

В рассматриваемой сильной зависимости с максимумом при переходе с 1 на 2 кварту независимой переменной «Ощущение близости с людьми своего поколения» происходит резкое увеличение по сравнительной весомости показателя «Агрессивный тип» с (-1656) до (+31433). Но после при переходе независимой переменной на 3 кварту наблюдается резкий спад показателя «Агрессивный тип» до (-10), который продолжается, правда уже незначительно, на 4 кварте (-1019). Таким образом, компонента агрессивного типа резко возрастает при выраженности ощущения близости с людьми своего поколения на 1-м среднем уровне (2 кварта X), но для больших значений показателя этого ощущения агрессивность (Y) уже падает почти до уровня, свойственного наименьшему проявлению черт агрессивного типа (Y), характерного для 1 кварты переменной X.

2. Зависимость показателя «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» (Y) от показателя «Тип Н: Чувствительный» (X), которая представлена через сравнительные весомости зависимой переменной Y, на основе которых происходит расчет коэффициентов силы связи, для триад (X1, X2, X3) независимой переменной X:

$$X1: Y = -1540; X2: Y = -20587; X3: Y = +14188.$$

При очень слабой корреляции ($r = 0.16$), которая в рамках линейных моделей не должна представлять интереса, эта зависимость с минимумом на 2 триаде

независимой переменной **X**: «Тип Н: Чувствительный» характеризуется как сильная с коэффициентом силы связи $SV=0.90$. Это практически ошибка 2 типа, когда зависимость при корреляционном анализе может определяться как «значимая» примерно для уровня значимости $p=0.06$ (для $p=0.05$ критическое значение равно 0.1624). При этом обратная связь, как это характерно для зависимостей с явно выраженным максимумом или минимумом, крайне слабая $SV'=0.07$.

В рассматриваемой сильной зависимости с минимумом при переходе с 1 на 2 триаду независимой переменной «Тип Н: Чувствительный» (**X**) происходит резкий спад по сравнительной весомости показателя «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» (**Y**) с (–1540) до (–20587). Но после при переходе независимой переменной на 3 триаду наблюдается резкий рост показателя «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» (**Y**) до (+14188). Таким образом, «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» при общей незначительной возрастающей тенденции при сравнении результатов для 1 и 3 триад компоненты типа личности «Чувствительный» (**X**), на 2 триаде **X** имеет минимальное значение, причем значительно меньшее, чем для 1 или 3 триады переменной **X**.

В заключение можно сделать вывод, что при изучении и анализе толерантности, как, впрочем, и во многих других разделах психологической науки [2], часто наблюдаются нелинейные эффекты, описываемые той или иной простейшей нелинейной зависимостью.

Литература

1. *Басимов М.М.* Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. М.; Воронеж, 2008.
2. *Басимов М.М.* Природа статистических связей в психологии. М., 2023.
3. *Гаджигасанова Н.С.* Методы прикладной статистики для социологов. Ярославль, 2013.

Содержание социальных представлений о подарке и дарении у русских

Бикбулатова И.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

bia.77@mail.ru

Содержание социальных представлений в целом у русских – это сложный сплав традиций, исторического опыта, религиозных и культурных установок. Понимание этих представлений необходимо для эффективного межкультурного общения, разработки социальной политики и построения гражданского общества в современной России. В традиционной русской культуре большое значение придаётся семье, близким и взаимопомощи.

Подарок в русской культуре – это не просто предмет, передаваемый от одного человека другому, а сложное социальное явление, несущее в себе множество значений, норм и ожиданий [1]. Существует устойчивое убеждение, что подарок должен быть «от души» [1], то есть искренним, продуманным и соответствующим интересам получателя. В русском языке есть выражения «подарить сердце», «подарить радость» [2] – они подчёркивают, что за материальным объектом стоит духовное намерение.

Каждый из поводов для дарения сопровождается своими традициями и ожиданиями [2]. Подарок принято дарить с улыбкой, добрыми словами и пожеланиями. В русской культуре и по сей день существует своего рода «ритуал распаковки» [2] – принято открывать подарок в присутствии дарителя и выражать искреннюю радость и благодарность.

Иными словами, представления русского народа о подарке и дарении отражают сложную систему ценностей, включающую в себя внимание к другому человеку, уважение к традициям, стремление к взаимности и поддержанию социальной гармонии. В современном мире русская традиция дарения напоминает о важности человеческого тепла, поэтому дарение остаётся неотъемлемой частью русской повседневной жизни и культуры общения.

Исследование представлений о подарке и дарении в русской культуре имеет давнюю традицию в отечественной социологии, антропологии и культурологии. Ещё в начале XX века этнографы и фольклористы обращали внимание на обрядовые аспекты дарения, рассматривая их как элемент народного быта и символического взаимодействия [1]. В советский период тема дарения оставалась на периферии научного интереса, поскольку идеология подчёркивала альтруизм и отрицала значимость личных подарков как проявления «буржуазных пережитков». Однако дарение продолжало играть важную роль в повседневной жизни, что было зафиксировано в работах социологов 1980–1990-х годов, которые в ходе опросов [3] выявили устойчивые нормы и ожидания, связанные с подарками в семье, на работе, в кругу друзей. Современные исследования [4], включающие дискурс-анализ, наблюдения и интервью позволяют выявить тонкие нюансы восприятия подарков – от страха «недостаточной взаимности» до символического значения упаковки и времени вручения. Эти работы показывают, что дарение – это сложный социальный ритуал, отражающий систему ценностей, норм и эмоциональных ожиданий. На текущий момент в рамках теории социальных представлений указанные феномены практически не исследовались, отсутствуют данные о содержательном наполнении представлений о подарке и дарении у русских, как народа, представляющего этническое большинство РФ.

Цель нашего исследования – выявить структуру и содержание социальных представлений о подарке и дарении у людей, которые определяют свою этническую идентичность как «русский(ая)». Полагаем, что содержание социальных представлений о подарке имеет специфические черты в соответствии с особенностями и характеристиками русской культуры, а участие в процессе

дарения является средством удовлетворения психологических, эмоциональных и социальных потребностей, способно вызывать положительные эмоции.

Нами был использован метод свободных ассоциаций к слову-стимулу «подарок». Итого на понятие «подарок» от 103 респондентов было высказано 512 ассоциаций, словарь понятий составил 132 слова. Все ассоциации были объединены в 30 категорий. Среди опрошенных 56-ж, 47-м. Большинство проживает в городах России, 4 человека в странах Европы.

С помощью метода П. Вержеса [6] был проведен анализ ассоциаций. Результаты показали, что ядро [5] представлений содержит устойчивые и общие категории: «семья» (частота 60; ранг 2,1) – ключевой контекст дарения, отражающий связь с близкими; «праздник» (50; 2,9) – подарки ассоциируются с торжествами; «радость» (49; 2,9) – эмоциональная составляющая; «процесс выбора» (29; 2,9) – важность внимания к предпочтениям получателя; «сюрприз» (27; 2,4) – элемент, усиливающий эмоциональную ценность. Эти элементы формируют основу представлений, подчеркивая эмоциональную и ритуальную значимость дарения.

Таким образом, социальные представления о подарке и дарении у русских имеют специфические черты в соответствии с особенностями культуры – ценность семейных отношений, эмоциональная окрашенность, которая проявляется в стремлении персонализировать подарок, в важности «подарить от души», в ожидании радости на подарок. Социальные представления о подарке и дарении содержат преимущественно положительные категории, что может говорить о том, что понятия «подарок и дарение» воспринимаются среди русских в положительном ключе и участие в процессе обмена дарами является средством удовлетворения потребностей: психологических (удовлетворяет базовую человеческую потребность в признании, чувстве собственной ценности, способности влиять на эмоциональное состояние другого человека); эмоциональных (дарение становится способом установления и поддержания эмоциональной связи, особенно в периоды, связанные с важными жизненными событиями); социальных (подарок выступает своеобразным «социальным цементом» – он помогает поддерживать отношения, выражать уважение, проявлять внимание, укреплять связи).

Именно поэтому дарение остаётся важной и живой частью русской повседневности, сохраняя своё значение даже в условиях меняющихся экономических и культурных реалий.

Литература

1. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
2. *Коринфский А.А.* Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск, 1995.
3. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 80–90-х / Отв. ред. Ю.А. Левада. М., 1993.
4. *Чикер В.А.* Социально-психологические функции и типы подарка в деловой и межличностной коммуникации: личностные, половые и возрастные различия // Петербургский психологический журнал. 2021. № 34.

5. *Abrie J-C.* A structural approach to social representations // Representations of the social: Bridging theoretical traditions / Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford, 2001.
6. *Verges P.* L'Evocation de l'argent: Une methode pour la definition du noyau central d'une representation // Bulletin de Psychologie. 1992. 45 (405).

Кросс-культурные различия в сочувствии к себе и социальном сравнении студентов: Россия и Южная Корея

Булковская С.С.

ГУ, Екатеринбург, Россия
sofyab99@gmail.com

Современные студенты находятся в условиях высокой социальной и академической конкуренции, что усиливается влиянием цифровой среды и глобализации. В быстроменяющихся условиях очень важно уметь адаптироваться, например, через социальное сравнение, а также сохранять позитивное самотношение, в целом, и проявлять сочувствие к себе, в частности, чтобы сохранять здоровый и продуктивный настрой [4]. Данное исследование направлено на выявление взаимосвязи между социальным сравнением [5] и сочувствием к себе [6], а также на выявление различий и закономерностей в проявлении этих феноменов у студентов различных социокультурных контекстов на примере России и Южной Кореи.

Целью работы стало определение уровня сочувствия к себе и особенностей социального сравнения студентов России и Южной Кореи с учетом пола, возраста, а также условий обучения (в родной стране или за рубежом). В исследовании приняли участие 59 человек от 19 до 27 лет, разделенных на 4 группы:

- Российские студенты в России.
- Российские студенты в Южной Корее.
- Корейские студенты в России.
- Корейские студенты в Южной Корее.

В ходе исследования применялись методика «Опросник диагностики ориентированности на социальное сравнение» Е.С. Самойленко, Т.Н. Савченко, А.В. Корбут [3], и опросник «Сочувствие к себе» К. Нефф в адаптации С.Э. Дровосекова, С.Н. Ениколопова, Г.А. Мысиной, Е.Л. Николаева, Е.Н. Осина и К.А. Чистопольской [2]. Опрос проводился на русском и корейском языках.

Результаты показали, что студенты из Южной Кореи в большей степени ориентированы на социальное сравнение с незнакомыми людьми, в то время как русские студенты имеют склонность сравнивать себя с собой в прошлом. Что касается сочувствия к себе – корейские студенты относятся к себе критично и жестоко в моменты неудач, а также чувствуют свою отреченность

от общества, что коррелирует с особенностями коллективистической культуры, где личные достижения оцениваются через призму общественного мнения, а также принадлежность к обществу ценится больше, чем индивидуальность [7]. Российские же студенты показали более лояльное отношение к себе – они с большим пониманием и добротой относятся к себе в трудные моменты, а также воспринимают неудачи как часть общечеловеческого опыта.

Половые различия также оказались значимыми: независимо от возраста и национальности, женщины больше ориентированы на социальное сравнение, чем мужчины, в частности женщины больше склонны сравнивать себя с близкими людьми (семьей, партнером, друзьями, коллегами). Если же учитывать национальность, то можно заметить, что корейские студенты-мужчины, в отличие от корейских студенток, меньше ориентированы на социальное сравнение.

Возрастные различия в результатах методик менее выражены, но есть четкая закономерность – с возрастом ориентация на социальное сравнение постепенно идет на спад, при этом различий в проявлении сочувствия к себе не наблюдается. Можно предположить, что снижение ориентации на социальное сравнение может быть обусловлено созреванием префронтальной коры головного мозга, а также приобретением жизненного опыта и насмотренности.

Если же рассматривать результаты групп, в зависимости от национальности и условий обучения (в родной стране или за границей), то можно увидеть, что несмотря на продолжительность учебы за границей, студенты остаются больше похожи на своих соотечественников, хотя влияние социокультурных условий несомненно есть – в группах российских студентов в Корее средние результаты по методикам становятся больше приближены к результатам корейских студентов, а результаты корейских студентов в России – к результатам российских студентов.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что, как и следовало ожидать, русские и корейские студенты в значительной степени отличаются друг от друга. Социокультурная среда оказывает колоссальное влияние на проявление сочувствия к себе и склонность к социальному сравнению [1] – это подтверждают как различия в результатах русских и корейских студентов, которые учатся в университетах своих стран, так и результаты заграничных студентов, которые имеют тенденцию к изменению в сторону результатов местных студентов.

Результаты данного исследования можно в дальнейшем использовать для улучшения межкультурной коммуникации между местными и иностранными студентами. Понимание особенностей самоотношения и социального сравнения иностранных студентов может помочь создать для них более комфортную образовательную среду, а также облегчить адаптацию к новым условиям.

Литература

1. Ахмерова А.А. Культурные особенности самоотношения студентов различных этнических групп, Челябинск, 2019.

2. Чистопольская К.А. и др. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4.
3. Савченко Т.Н., Самойленко Е.С., Корбут А.В. Сопоставление психометрических показателей инструментов измерения ориентированности на социальное сравнение. М., 2019.
4. Самойленко Е.С. Эмоциональное отношение к социальному сравнению. М., 2010.
5. Festinger L.A. Theory of Social Comparison. Minnesota, 1954.
6. Neff K. Self-compassion: An Alternative Conceptualization of a Healthy Attitude Toward Oneself. Oštin, 2003.
7. Triandis H.C. Individualism and Collectivism. New York, 1995.

Воспринимаемая роль креативности в адаптации иностранных студентов

Бульцева М.А., Берриос Кальехас С.А.
НИУ ВШЭ, Москва, Россия
bulceva@mail.ru, soniaberrios@mail.ru

В последние десятилетия число иностранных студентов в мире стремительно растёт, что делает проблему их адаптации к новой образовательной и культурной среде особенно актуальной [5]. Учёба за рубежом открывает возможности, но связана с множеством трудностей: языковыми барьерами, культурными различиями, высокой учебной нагрузкой и социальной изоляцией. Всё это приводит к аккультурационному стрессу – состоянию, снижающему психологическое благополучие и затрудняющему академическую успешность [1].

Преодоление стресса во многом зависит от личностных ресурсов: устойчивости, гибкости, открытости опыту. В последние годы исследователи всё чаще выделяют креативность как один из таких ресурсов. Она может не только способствовать поиску нестандартных решений, но и выполнять функции эмоциональной регуляции, социализации и культурного посредничества [3]. Однако важно учитывать не только объективные возможности креативности, но и то, как её воспринимают сами студенты: вера в собственные творческие способности определяет, будут ли они использовать её в адаптации [4].

Цель исследования – определить, как международные студенты воспринимают роль креативности в процессе адаптации к жизни и обучению в России.

Методы. В исследовании участвовали 42 иностранных студента российских вузов (18–44 лет). Данные собраны с помощью онлайн-интервью и проанализированы методом контент-анализа [2].

Результаты. Отношение студентов к креативности оказалось неоднородным. Почти четверть респондентов определили себя как некреативных. Большинство из них либо не смогли объяснить, какую пользу могла бы принести креативность,

либо считали её несущественной в сравнении с другими качествами – например, системностью мышления или готовностью преодолевать трудности.

Примерно такая же доля студентов затруднилась оценить собственный уровень креативности. Одни из них говорили о том, что главным ресурсом для них стали решимость и знакомство с культурой страны, другие отмечали, что творческие хобби и увлечения помогли снизить стресс и чувствовать себя более уверенно в новой среде.

Наиболее многочисленная группа – почти половина опрошенных – охарактеризовала себя как креативных людей. Среди них лишь единицы сомневались в том, что креативность помогает в адаптации, тогда как подавляющее большинство подчёркивали её значимость. При этом студенты описывали разные механизмы её влияния. Наиболее часто креативность связывалась с академической и профессиональной уверенностью: умение находить нестандартные решения повышало их компетентность и облегчало преодоление учебных вызовов. Другие говорили о хобби как о способе завести новые знакомства и влиться в сообщество. Некоторые отмечали, что творческая деятельность помогала переработать негативные эмоции и справиться со стрессом. Отдельные участники связывали креативность с освоением языка и культурных кодов, а кто-то видел в ней фактор, способствующий открытости и снижению предвзятости в межкультурных контактах.

Выводы. Восприятие креативности как ресурса адаптации варьирует от полного отрицания её роли до признания многоаспектного вклада. При этом именно те студенты, кто видит себя креативными, чаще описывают адаптацию как успешный процесс, в котором креативность помогает им укрепить уверенность, завести социальные связи и сохранить эмоциональное равновесие.

Финансирование: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Литература

1. Demes K.A., Geeraert N. The highs and lows of a cultural transition: A longitudinal analysis of sojourner stress and adaptation across 50 countries // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. Vol. 109. № 2.
2. Erlingsson C., Brysiewicz P. A hands-on guide to doing content analysis // *African Journal of Emergency Medicine*. 2017. Vol. 7. № 3.
3. Ma J. Cooperative activity as mediation in the social adjustment of Chinese international students // *Journal of International Students*. 2017. Vol. 7. № 3.
4. Tao R., et al. The influence of trait and state creative self-efficacy on creative behavior: An experimental study using false feedback // *Behavioral Sciences*. 2024. Vol. 15. № 1.
5. World Migration Report 2024 // International Organization for Migration. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/what-we-do/world-migration-report-2024-chapter-2/international-students>

Половой диморфизм лица в четырех традиционных африканских популяциях как результат полового отбора

Бутовская М.Л., Ростовцева В.В.

ИЭА РАН, Москва, Россия

marina.butovskaya@gmail.com

victoria.v.rostovtseva@gmail.com

Исследования полового диморфизма и популяционных (региональных) вариаций формы лица – один из центральных вопросов антропологии. Общие особенности формы и популяционная специфика в плане восприятия, являются важным объектом исследования психологов, в том числе, в кросскультурном дискурсе. Изучение формы лица и половых различий приобретает особую актуальность в наши дни в связи с многочисленными попытками западных политиков и идеологов нивелировать само понятие «пол» и заместить его понятием «гендер», в котором половые различия размываются, или полностью игнорируются. Между тем, биологические антропологи – эволюционисты – рассматривают половой диморфизм у человека как результат различий в моделях роста и развития, ассоциированных с экологическими и генетическими факторами, сформировавшихся в процессе эволюции нашего вида. Половой диморфизм в процессе эволюции человека снижается, и эта тенденция рассматривается как одно из проявлений действия полового отбора, направленного на выбор постоянного полового партнера [4]. Общие эволюционные тенденции к снижению полового диморфизма у человека на видовом уровне, однако, не означают отсутствия популяционных различий в выраженности полового диморфизма по разным морфологическим показателям лица и тела у *Homo sapiens* [1; 3; 5].

Цель нашего исследования – выявление половых различий по форме лица у представителей нескольких не урбанизированных традиционных африканских популяций. Задачи исследования: 1. выявить общие тенденции проявления полового диморфизма лица в четырех традиционных популяциях Танзании; 2. оценить межпопуляционные различия по выраженности полового диморфизма лица; 3. показать на примере изученных популяций, как меняется выраженность полового диморфизма с возрастом.

Материалы и методы. Нами собраны данные по четырем традиционным популяциям Танзании с 2012 по 2021: хадза (охотники-собиратели), масаи (полуоседлые скотоводы), хая и чагга (земледельцы). Общая выборка представлена 1422 взрослыми мужчинами и женщинами (781 мужчина и 646 женщин), средний возраст составил $34,4 \pm 14,8$ г. Все четыре исследованные группы проживали в сельской местности и вели традиционный образ жизни.

Анализ формы лица проводился на основе фронтальных фотографий. В целях сравнительного анализа формы лица выборка была разбита на три возрастные группы: 1. 16–29 л.; 2. 30–50 л.; 3. 51 г. и старше, в соответствии с границами,

ранее нами установленными для идентичного исследования [1]. Анализ полового диморфизма лица проводился методом геометрической морфометрии [2; 5].

Результаты. В докладе будут представлены результаты многомерного дисперсионного анализа, оценивающего половые различия в форме лица для каждой возрастной группы, а также для общих выборок.

Анализ комбинации процента дисперсии в форме лица, описанной полом, а также статистической значимости половых различий, позволяет заключить, что в исследованных популяциях половые различия в форме лица были наиболее выражены в молодой возрастной группе (16–29 лет). В этой группе они варьировали от 1,7% у масаев до 3,7% у хадза. Исходя из полученных результатов, визуализация полового диморфизма по форме лица для каждой популяции была выполнена нами только для молодой возрастной когорты. Визуализация свидетельствует о том, что мужская форма лица чагга и хая имела схожий паттерн изменений, по сравнению с женской формой, а именно, более широкую часть в области глаз и бровей и более относительно суженную среднюю и нижнюю часть лица. У масаев основной паттерн половых различий выражался в более вытянутой в высотном направлении форме мужского лица по сравнению с женской, а также в несколько более суженной средней и нижней частью мужского лица. Для хадза были характерны половые различия, при которых мужское лицо сильно выдавалось по ширине в области нижней челюсти (бигониальный диаметр), а также в области скул (скуловой диаметр); для них также был характерен относительно более заостренный мужской подбородок, при большей относительной массивности средней и нижней части лица. Во всех популяциях для мужчин была характерна относительно большая ширина носа в области носовых крыльев.

Обсуждение. Анализ формы лица в четырех исследованных популяциях позволил выявить определенные межпопуляционные различия. Половой диморфизм в форме лица был наименее выражен у масаев. Чагга и хая занимали по этому критерию промежуточное положение. У хадза половой диморфизм был выше, чем в остальных рассмотренных группах. Лица хадза отличались от остальных популяций большей относительной массивностью. А лица чагга наибольшей относительной грацильностью. Вместе с тем, в общемировом масштабе, полученные нами различия соответствуют низкой выраженности полового диморфизма по сравнению с популяциями другого расового происхождения (европеоидными и монголоидными). Как следует из проведенного нами анализа, с возрастом половые различия в большинстве выборок ослабевают и теряют статистическую значимость.

Данные по четырем не урбанизированным традиционным популяциям Восточной Африки, продолжающим практиковать традиционные способы ведения хозяйства и соблюдающих традиционные культурные нормы, показали, что: 1. в целом половой диморфизм формы лица на популяционном уровне выражен во всех изученных группах; 2. половой диморфизм по форме лица существенно зависит от возраста: он максимально выражен в молодом возрасте у чагга, хая

и хадза, и в среднем возрасте у масаев. Результаты позволяют говорить о наличии полового отбора по форме лица в каждой изученной популяции с учетом хозяйственного типа и культурных особенностей выбора брачного партнера.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 23-18-00277.

Литература

1. Butovskaya M.L., Rošlovvtseva V.V., Mezentseva A.A. Facial and Body Sexual Dimorphism are not Interconnected in the Maasai // Journal of Physiological Anthropology. 2022. Vol. 41 (1). 3.
2. Butovskaya M.L., et al. Associations of Physical Strength with Facial Shape in an African Pastoralist Society, the Maasai of Northern Tanzania // PLoS One. 2018. Vol. 13 (5).
3. Kleisner K., et al. How and Why Patterns of Sexual Dimorphism in Human Faces Vary across the World // Scientific Reports. 2021. Vol. 11 (1).
4. Kordsmeyer T.L. et al. The Relative Importance of Intra-and Intersexual Selection on Human Male Sexually Dimorphic Traits // Evolution and Human Behavior. 2018. Vol. 39 (4).
5. Rošlovvtseva V.V., et al. Sexual Dimorphism in Facial Shape of Modern Buryats of Southern Siberia // American Journal of Human Biology. 2021. Vol. 33 (2).

Цифровой межкультурный барьер: анализ коммуникативных неудач в корпоративной среде (по результатам эмпирического исследования)

Ваганова Ю.А.

МГПУ, Москва, Россия
juliakora@mail.ru

В связи с ростом популярности удаленной занятости все большее количество корпоративных сотрудников выбирают работу из дома. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ за 2023 год около 20% работающих россиян трудятся в удаленном формате, что открывает новые возможности сотрудничества с зарубежными компаниями. Однако «для выполнения профессиональной деятельности в дистанционном формате необходимо обладать высоким уровнем цифровых навыков» [2]. В данной статье рассматривается проблема коммуникативных сбоев в цифровой межкультурной коммуникации на базе эмпирических данных опроса сотрудников корпоративной культуры.

В рамках исследования был проведен опрос среди 26 работников корпоративной культуры, чья позиция предполагает межкультурную коммуникацию на рабочем месте. В опросе участвовали представители 13 индустрий, где 5 опрошенных пользуются английским для коммуникации посредством электронных писем и мессенджеров, 18.8% участвуют в переговорах и дают

презентации, 3 опрошенных представляют результаты работы на видеоконференциях и разрабатывают рабочую документацию. Для 62% опрошенных английский является языком-посредником, что означает, что он не является родным ни для одного из коммуникантов.

Для демонстрации результатов исследования обратимся к понятию о коммуникативной неудаче (КН) – «сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения» [1, с. 86]. Зарубежные исследователи в области межкультурной коммуникации пользуются такими понятиями как *miscommunication* и *culture bump*, культурное столкновение. В рамках данного исследования используется понятие мискоммуникации, так как оно является языковой калькой с английского языка и помогает русскоговорящим сотрудникам легче понимать зарубежных коллег.

Кейсы мискоммуникаций, зафиксированные в опросе были распределены по категориям:

- асинхронная письменная коммуникация (email, рабочая документация),
- синхронные мессенджеры и чаты (Slack, Teams, WhatsApp),
- видео и аудиоконференции (Zoom, Teams, звонки).

Основополагающая причина коммуникативных сбоев в асинхронной письменной коммуникации заключается в отсутствии немедленной обратной связи и невозможности использовать невербальные сигналы речи. В качестве иллюстрации рассмотрим кейс мискоммуникации, предложенный респондентом: *«...my Japanese colleague once said, "I'll consider it," in response to a proposal, which I took as a sign of potential agreement. However, in Japanese culture, that phrase often politely means "no," and I only realized this after waiting weeks for a follow-up that never came»*. Вживую сомнение коммуниканта проявились бы в невербальной коммуникации, в письме зафиксирована только вербальная составляющая сообщения – согласие собеседника. В качестве стратегий преодоления респонденты отмечают следующие способы:

- Просьба переформулировать или уточнить сообщение – 21 человек (~82%);
- Объяснить мысль проще (используя базовую нейтрально окрашенную лексику) – 17 человек (~64%);
- Просьба о помощи коллег – 7 человек (~27%);
- Использовать визуальные способы демонстрации информации: скриншоты, схемы – 2 человека (~9%).

Респонденты отмечают и лексическую составляющую коммуникации: *«In some documents I can find some new words»*. Несколько респондентов отмечают уточняющие вопросы (follow-up questions) как наиболее эффективные в преодолении коммуникативного дискомфорта: *«Asking follow-up questions like "Do you mean tomorrow as in the next day?" or "When should I expect a response?"»*. Повышенная степень эксплицитности высказываний наиболее эффективно помогает коммуникантам преодолеть как языковой, так и межкультурный барьер [3, с. 300].

Расширенные возможности для демонстрации невербальной коммуникации предоставляют синхронные мессенджеры. Slack, Teams, WhatsApp широко используются как в оффлайн, так и онлайн форматах рабочей коммуникации. Тем не менее, респонденты сталкиваются с иллюзией живой коммуникации – гибридный характер синхронных мессенджеров так же быстр, как живая коммуникация, но лишен некоторых невербальных аспектов, как письменная коммуникация. *«Just general misunderstanding of which subject we are talking about or interpreting words wrongly»* – ошибки в коммуникации возникают, когда коммуниканты теряют контекст, так как различные треды, ветки обсуждений, предназначены для разных тем. Последствиями мискоммуникации, по мнению опрошенных, могут стать:

- Потеря времени – 63.6%;
- Сбой в распределении рабочих обязанностей и конфликт – 18.2%;
- Финансовые потери – 9.1%.

В категории коммуникации с использованием видео и аудиоконференций возникает проблема, связанная с иллюзией зрительного контакта: участники вынуждены смотреть в объектив камеры, а не на экран, где виден собеседник. В странах Северной Америки и Западной Европы зрительный контакт особенно важен [4, с. 203]. Его отсутствие бессознательно воспринимается как неуверенность, незаинтересованность в коммуникации или неискренность. Ниже представлена статистика, демонстрирующая основные причины, влияющие на мискоммуникации по мнению опрошенных:

- 14 респондентов идентифицировали проблемы с произношением и акцентом;
- По 9 респондентов указали на культурные различия и лексико-грамматические ошибки в речи;
- 2 респондента назвали неясное сообщение основной причиной мискоммуникации.

В живом общении коммуниканты справляются со сложностями в понимании акцента, считывая дополнительные визуальные и невербальные сигналы (артикуляцию, мимику, жесты). Однако в условиях видеоконференции понимание собеседника осложняется качеством звука и видео, которое часто оказывается неидеальным. Видеоконференции превращают фонетические и прагматические различия в дополнительные барьеры, лишая участников возможности полноценно использовать невербальные инструменты для компенсации языковых трудностей.

Как показывают результаты опроса, двусмысленность в формулировках писем, трудности с восприятием акцента в аудиосвязи, потеря контекста в ветках тредов усугубляются отсутствием невербальных «опор», которые в условиях офлайн-взаимодействия естественным образом помогают прояснять намерения коммуниканта. Около половины респондентов (45.5%) отметили такие способы предотвращения корпоративной мискоммуникации в рамках межкультурной среды как создание и публикация на общедоступных каналах глоссариев профессионализмов, тренинги по бизнес-английскому для целей компании, разработка курсов повышения уровня языка.

Успешная межкультурная коммуникация в современной корпоративной реальности требует не просто высокого уровня языковой подготовки, но и развития специфических навыков: цифровой грамотности, языковой чуткости, кросс-культурной осведомленности.

Литература

1. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач. Новосибирск, 1985.
2. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Удаленная занятость в России. URL: <http://issek.hse.ru/>
3. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М., 2005.
4. Hofstede G. Cultures and Organization: Software of the Mind. 2010.

Личностные и социальные факторы адаптации китайских студентов в поликультурной образовательной среде

Ван Жуйхань

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
guhe820@outlook.com

Под влиянием глобализации мультикультурная образовательная среда стала важной характеристикой университетов. Китай остаётся одной из ведущих стран по числу студентов, обучающихся за рубежом, в том числе в России [4]. Это усилило культурное разнообразие, но одновременно повысило требования к психологической адаптации иностранных студентов. Межкультурная адаптация – это многомерный процесс, включающий регулирование эмоций, перестройку когнитивных схем, развитие социальных навыков и формирование культурной идентичности [3; 5]. Успешная адаптация способствует академическим достижениям и психологическому благополучию, неуспешная – ведёт к тревоге, депрессии и социальной изоляции.

Для китайских студентов трудности адаптации особенно заметны из-за различий в образовательных традициях, ценностях и стилях коммуникации. Важную роль играют языковой барьер, структура социальной поддержки и культурная чувствительность образовательной системы принимающей страны. Среди типичных проблем: языковая тревожность, академический стресс, эмоциональные трудности, изоляция и конфликт идентичности [1; 4].

Цель исследования заключалась в выявлении связи между личностными, эмоциональными и социальными характеристиками студентов с успешностью их адаптации к обучению в инокультурной среде.

В исследовании сочетались количественные и качественные подходы. Использовались анкеты (NEO-FFI, WLEIS, SCAS), полуструктурированные интервью и тематический анализ [2]. Выборка составила более 300 китайских

студентов, обучающихся в России, Новой Зеландии и Австралии. Статистический анализ (SPSS, AMOS) позволил проверить модель взаимосвязей личностных черт, эмоционального интеллекта и социальной поддержки с адаптацией [3].

Результаты исследования показали, что личностные и социальные факторы оказывают значимое влияние на успешность адаптации китайских студентов в поликультурной образовательной среде. Так, открытость новому опыту и доброжелательность положительно связаны с успешной адаптацией, в то время как высокий уровень невротизма и тревожности существенно повышают риск дезадаптации. Немаловажную роль играет и эмоциональный интеллект: студенты с высоким его уровнем лучше управляют стрессом и выстраивают более гармоничные межкультурные отношения [2]. Существенное значение имеет структура социальной поддержки: те, кто формирует смешанную сеть контактов, включающую как соотечественников, так и представителей принимающей культуры, демонстрируют более высокие показатели адаптации по сравнению с теми, кто ориентируется исключительно на общение внутри собственной культурной группы. При этом культурная дистанция, выражающаяся в различиях ценностей и социальных норм, увеличивает адаптационный стресс и удлиняет кризисный период, что согласуется с данными предыдущих исследований [1; 5].

На основании полученных данных можно предложить ряд практических рекомендаций. Прежде всего важно своевременно выявлять студентов с высоким риском дезадаптации и оказывать им целенаправленную поддержку. Эффективными мерами являются тренинги по управлению эмоциями и стрессом, а также специальные курсы, направленные на развитие эмоционального интеллекта. Перспективным направлением представляются программы «культурного моста» и наставничества, которые способствуют сокращению культурной дистанции и облегчению интеграции. Кроме того, положительный эффект даёт формирование смешанных учебных и досуговых групп, стимулирующих межкультурное взаимодействие. Существенное значение имеет и культурно-чувствительное преподавание, предполагающее прозрачность академических правил, гибкость в оценивании и использование методов, снижающих неопределённость и тревожность у иностранных студентов.

Межкультурная адаптация китайских студентов является результатом взаимодействия индивидуальных психологических особенностей и внешней системы поддержки. Для повышения уровня адаптации необходимо создать систему поддержки в школах, повысить способность преподавателей к культурно-чувствительному обучению, а студентам – активно расширять межкультурные социальные контакты и адаптировать свои эмоции. Будущие исследования должны быть сосредоточены на китайских студентах, не имеющих западного происхождения, изучении вертикальной траектории адаптации особых групп, интеграции местных теорий и западных моделей, а также разработке цифровых инструментов вмешательства. Такой интеграционный подход не только способствует укреплению психического здоровья и академической

успеваемости, но и предоставляет психологическую модель, которая может быть применена для развития мультикультурного образования в условиях межкультурного образовательного взаимодействия.

Литература

1. *Liu Lisha*. A study on cross-cultural adaptation of Chinese overseas students: Dis. magistr psychol. nauk. Liaoning Normal University, 2008.
2. *Mei Mengling*. A study on the relationship between emotional intelligence and cross-cultural adaptation of Chinese overseas students: Dis. magistr psychol. nauk. Hangzhou Normal University, 2015.
3. *Tan Yu*. A review of research on cross-cultural adaptation of Chinese international students // Proceedings of the International Symposium on Multicultural Education in the Context of Globalization. 2012.
4. UNESCO Institute for Statistics. Global Flow of Tertiary-Level Students. URL: <https://uis.unesco.org/>
5. *Ward C., Bochner S., Furnham A.* The psychology of culture shock. Routledge, 2001.

Сказкотерапия как метод этнопсихологической практики: анализ современного отечественного опыта

Вознюк А.В., Бекасова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия
anasiasiyavoznyuk@mail.ru
bekasova1706@gmail.com

В условиях глобализации и интенсификации межкультурных контактов особую остроту приобретает проблема сохранения этнокультурной идентичности различных этнических групп. В этом контексте обращение к мифологическим и сказочным сюжетам, как носителям этнокультурного опыта, представляет значительный интерес для этнопсихологической теории и практики. Особую значимость приобретает использование мифов и сказок в работе с детьми и подростками, переживающими кризис идентичности и нуждающимися в позитивных моделях для конструирования собственного Я-образа.

Исследования последних лет демонстрируют возрастающий интерес к проблеме использования мифологических и сказочных нарративов в практике этнопсихологической работы. Можно выделить следующие направления:

Развитие этнокультурной компетентности. Работы Т.Г. Стефаненко, показывает, что знакомство с фольклорными текстами различных этнических групп способствует преодолению этноцентризма и развитию эмпатии по отношению к представителям иных культур, поскольку мифы, сказки и предания обладают огромным потенциалом в формировании межкультурной сензитивности и толерантности [2; 6].

В.Ю. Хотинец акцентирует внимание на роли сказочных нарративов в процессе формирования этнокультурных ценностей и установок. Результаты проведенных экспериментов свидетельствуют о том, что включение элементов сказкотерапии в программы межкультурного тренинга многократно повышает их эффективность [8].

Л.Г. Почебут предлагает рассматривать мифы и сказки как своеобразные «культурные ассимиляторы», позволяющие в доступной форме транслировать базовые паттерны поведения и мышления, характерные для той или иной этнической группы. А диагностика этнокультурной компетентности может проводиться на основе анализа интерпретации респондентами сказочных сюжетов [3].

Коррекция этнической идентичности. В исследованиях Г.У. Солдатовой и Л.А. Шайгеровой обосновывается возможность использования архетипических образов, содержащихся в мифах и сказках, для гармонизации этнического самосознания личности. Проработка ключевых архетипов (Героя, Мудреца, Матери и др.) в контексте этнокультурной традиции способствует формированию позитивной этнической идентичности и преодолению кризисных состояний [5].

А.Н. Татарко предлагает рассматривать мифологические нарративы как инструмент конструирования позитивного образа этнической группы, когда регулярное обращение к героическому эпосу и мифологическим сюжетам способствует повышению групповой самооценки и снижению уровня этнической напряженности.

Исследования психотерапевтического потенциала сказкотерапии. Авторству Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой Т.Д. принадлежит комплексная методика этнокультурной сказкотерапии, направленная на решение широкого спектра психологических проблем с учетом этнической специфики клиентов, а использование сказочных метафор, релевантных культурному опыту личности, значительно повышает эффективность психотерапевтического воздействия [1].

И.В. Вачков в своих исследованиях акцентирует внимание на возможностях использования сказкотерапии для развития рефлексивных способностей и самопонимания у представителей различных этнических групп [4]. Предложенная автором методика «Сказочной имажинации» позволяет актуализировать ресурсные состояния психики через обращение к архетипическим образам родной культуры.

А.В. Гнездилов исследует терапевтический потенциал мифов и сказок. Работая с экзистенциальными проблемами личности, автор отмечает, что обращение к фольклорным текстам позволяет снизить уровень тревоги перед лицом смерти и придать новый смысл жизненному пути через соотнесение личного опыта с опытом мифологических героев.

Этнофункциональный подход. В исследованиях А.В. Сухарева [7] предлагается рассматривать мифы и сказки как носителей этноинтегрирующей информации, способствующей гармонизации психического развития личности. Разработанная им концепция этнофункциональной коррекции, основанная на включении в психотерапевтический процесс элементов традиционной культуры, например, фольклорных текстов.

А.П. Чулисова и В.В. Тимохин в своем исследовании показывают эффективность применения этнофункционального подхода для коррекции нарушений адаптации у мигрантов, поскольку использование сказочных сюжетов родной культуры способствует снижению уровня аккультурационного стресса и повышают показатели психологического благополучия.

Проведенный анализ современных отечественных исследований свидетельствует о значительном потенциале использования мифов и сказок в этнопсихологической практике. Фольклорные тексты выступают эффективным инструментом развития этнокультурной компетентности, гармонизации этнической идентичности и решения широкого спектра психологических проблем с учетом культурной специфики личности. Несомненно, данная область исследований требует дальнейшего развития, в частности проведения масштабных лонгитюдных экспериментов для оценки устойчивости достигаемых психологических эффектов.

Литература

1. *Зинкевич-Евстигнеева Т.Д.* Сказки для практической работы с комментариями и рекомендациями по использованию. М., 2020.
2. *Лебедева Н.М. и др.* Межкультурный диалог: Тренинг этнокультурной компетентности. М., 2003.
3. *Почебут Л.Г.* Кросс-культурная и этническая психология. М., 2017.
4. Сказкотерапия: грани и технологии. Канада, Торонто, 2019.
5. *Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.* Психология межкультурной коммуникации и этнокультурная гетерогенность общества: перспективы развития с позиций отечественной гуманитарной науки // Сб. трудов конференции Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. Смоленск, 2016.
6. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2013.
7. *Сухарев А.В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М., 2022.
8. *Хотинцев В.Ю.* Этническая идентичность и толерантность. М., 2020.

Социальные представления о мигрантах у православных христиан

Войно А.Д., Шорохова В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ag.voino@gmail.com
shorohovava@mgppu.ru

Проблема восприятия мигрантов в современном обществе остается одной из наиболее острых в условиях глобализации и усиления миграционных потоков. Религиозность является одним из факторов, формирующих общественное мнение, в отношении миграции она оказывает влияние через два ключевых механизма. С одной стороны, религиозные убеждения, основанные на принципах сострадания, способствуют более позитивному восприятию и поддержке

проиммиграционной политики. С другой стороны, религиозная идентичность как элемент групповой принадлежности усиливает дистанцирование от «чужих», особенно в отношении мигрантов, воспринимаемых как имеющих иные религиозные и этнические характеристики. Для России, где православие является доминирующей конфессией, изучение социальных представлений о мигрантах среди православных христиан приобретает особую значимость, а религиозная идентичность становится серьезным фактором ингрупповой категоризации.

Методологическую основу нашего исследования составила теория социальных представлений С. Московичи, структурный подход Жан-Клода Абрика [6]. В результате анализа эмпирических работ было обнаружено, что в общественном сознании москвичей прослеживается амбивалентность: внешне декларируется терпимость, но скрытые установки нередко содержат латентную агрессию и недоверие [1; 3]. Существенную роль в восприятии играют СМИ, усиливая негативные стереотипы, особенно среди молодежи [2]. Вместе с тем фактор личного контакта с мигрантами способен смягчать предвзятое отношение [5].

Окончательную выборку исследования составили 121 москвич, идентифицирующие себя как православные христиане, с показателем религиозности выше 3 баллов по результатам проведения авторской шкалы «Следование религиозным практикам» [4], проживающие в Москве более 5 лет и чья профессиональная деятельность не связана с социальной психологией.

В ходе исследования были выявлены структуры социальных представлений с использованием прототипического анализа на основании результатов проведения метода свободных ассоциаций для понятий «мигрант» и «мигрант моего вероисповедания». Для обработки полученных данных был применен прототипический анализ, с помощью программы Iramuteq, основанный на двух ключевых параметрах: частоте упоминания ассоциаций и ранге – порядке их возникновения у респондентов. Всего было получено по 605 ассоциаций на каждое понятие, которые затем были систематизированы в 84 и 56 категорий соответственно.

Так, ядро представлений о мигрантах связано с их чужеродностью – «Выходец из ближайшего зарубежья» (58; 2,4), «Чужак» (47; 2,5), а периферическая система отражает более гибкие элементы, в основном: характер трудовой занятости – «Работающий в сфере услуг» (33; 3,1), «Рабочий низкой квалификации» (19; 2,4), «Работа» (16; 2,9), угрозу – «Преступность» (28; 3,3), «Опасность» (19; 3), «Агрессия» (16; 3,2), и конфессиональное различие – «Мусульманин» (14; 2,6).

Социальные представления о мигрантах-единоверцах напротив акцентируют религиозную общность. В ядре находятся такие категории как «Единоверец» (67; 2,8), «Беженец» (40; 2,6) и «Чужой» (22; 2,4), что демонстрирует неоднородность восприятия. В периферической системе обнаруживается категория «Христианство» (31; 3,1) и «Славянин» (21; 2,8), а также множество характеристик, демонстрирующее положительное и даже сострадающее отношение: «Уважительный» (15; 2,8), «Теплое отношение» (16; 3,4),

«Трудолюбивый» (15; 3,4), «Сочувствие» (14; 3,1), «Нуждающийся в помощи» (16; 3,2), «Допустимо» (12; 3,1).

Сравнительный анализ подтвердил, что религиозный фактор находит отражение в структуре и содержании социальных представлений о мигрантах и проявляется через снижение уровня ксенофобии по отношению к мигрантам и усиление ингруппового фаворитизма.

Литература

1. *Галятина В.Н.* От соотечественника к «чужому»: образ этнического мигранта в восприятии москвичей (по результатам фокус-групповых дискуссий) // *Общественные науки и современность*. 2015. № 2.
2. *Гришина А.В.* Психологические особенности восприятия образа трудового мигранта в СМИ в молодежной среде // *Российский психологический журнал*. 2010. Т. 7. № 5–6.
3. *Емельянова Т.П.* Образ мигранта в сознании москвичей // *Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное*. Новосибирск, 2017. С. 83–89.
4. *Ефремова М.В.* Взаимосвязь гражданской и религиозной идентичности с экономическими установками и представлениями ... Дис. канд. психол. наук. Москва, 2010.
5. *Иноземцев А.С.* Особенности образа мигранта из Средней Азии у представителей различных поколений россиян // *Актуальные проблемы исследования массового сознания*. М., 2021.
6. *Abrie J.-C.* L'analyse structurale des representations sociales // *Les méthodes des sciences humaines / Sous la dir. S. Moscovici, F. Buschini*. Paris, 2003.

Инновационные подходы к адаптации семей с миграционной историей: опыт Челябинской области

Воробьева Т.С.

НИЦ Мониторинга и профилактики деструктивных проявлений
в образовательной среде ГБУ ДПО ЧИРПО, Челябинск, Россия

Lu_hi@list.ru

В России продолжает сохраняться тенденция к устойчивому росту числа мигрантов, что обуславливает актуальность поиска эффективных стратегий интеграции и адаптации семей с миграционной историей. Особую уязвимость в процессе адаптации проявляют дети мигрантов, которые сталкиваются с новыми языковыми, образовательными и психологическими барьерами, что требует комплексного междисциплинарного подхода [1].

В настоящее время организацией и поддержкой программ адаптации мигрантов занимается Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России). Целевые установки государственной миграционной политики до 2030 года предусматривают усиление мер по социально-культурной адаптации

иностранных граждан при одновременном снижении межэтнической напряженности. Реализуются разнообразные просветительские курсы, консультационные мероприятия, мониторинг охвата мигрантов соответствующими программами.

Проблемным компонентом процесса адаптации является отсутствие системного подхода к решению возникающих у мигрантов проблем внутри принимающего общества. В связи с этим необходимо исследование современных практик социальной работы с мигрантами и их семьями для выявления наиболее эффективных из них [2, с. 75].

В различных регионах апробируются краткосрочные курсы, а также долгосрочные комплексные программы, которые учитывают образовательные, психологические и культурные аспекты адаптации (например, проект «Чтим и соблюдаем традиции народов России», «Мир без границ». в общеобразовательных организациях, этнокультурные школы Москвы и Татарстана, программа «Безопасный район» в ЯНАО, а также деятельность НКО «РОСМИГРАНТ»).

В образовательной сфере параллельно развиваются две парадигмы: этнокультурная, направленная на сохранение национальной идентичности, и инклюзивная, предполагающая интеграцию в единую образовательную среду через межкультурный диалог. Отсутствие единых федеральных стандартов провоцирует разницу в качестве и доступности услуг по адаптации, что отрицательно сказывается на интеграции семей с миграционной историей [3].

Международный опыт (США, Канада, Германия, Швеция и др.) демонстрирует эффективность комплексных стратегий интеграции мигрантов, в которых предусматривается широкий спектр институциональной поддержки, волонтерское сопровождение, прицельная работа с родителями и детьми [7].

Обзор практик на основе анализа научных исследований, методических материалов, программ и опыта организаций в сфере образования, социальной защиты и НКО, показывает, что современная российская практика психологической поддержки детей-мигрантов активно развивается, но не стала еще полноценно самостоятельной и структурированной областью работы. Наиболее проработаны возрастные особенности старших школьников; для других возрастов материала и программ недостаточно. Большой выбор применяемых практических методов: диагностика, профилактика, коррекционная и развивающая работа с обучающимися, при этом недостаточно программ по работе со взрослым. Отсутствие четкой методологической базы и моделирования работы на всех этапах миграционного процесса [4].

Дополнительно, исследования отмечают важность межведомственного взаимодействия между образовательными учреждениями, органами социальной защиты и негосударственными организациями при реализации адаптационных программ, что позволяет повысить эффективность интеграционных процессов и обеспечить целостный подход к сопровождению семей мигрантов [3].

В Челябинской области разрабатывается и апробируются две комплексные программы, которые будут охватывать не только работу с обучающимися, но и с их семьями: «Информационно-методического межкультурно-адаптационного центра» на базе школы «Разные-Равные» и «Семейное ресурсное поле адаптации».

Основной задачей «Информационно-методического межкультурно-адаптационного центра (ИММАЦ), является содействие эффективной межкультурной коммуникации и сопровождению семей, оказавшихся в иной социокультурной среде. Научная новизна проекта заключается в комплексной междисциплинарной методологии с использованием современных диагностических инструментов, инновационных программ адаптации для разных участников образовательного процесса. Особый акцент делается на формировании у обучающихся навыков межкультурной коммуникации, развитии толерантности, поддержке родителей и педагогов посредством обучающих мероприятий.

На основе анализа практических проблем региональной адаптации мигрантов и современных теоретических подходов разработана концепция «Семейного ресурсного поля адаптации» (СРПА). СРПА рассматривается как динамическая система психологических, социальных, культурных, материальных и информационных ресурсов семьи мигрантов, вовлекаемых в процесс интеграции.

К ключевым положениям концепции СРПА относятся:

1. Многомерность – охват индивидуального, семейного и социального уровней.
2. Динамичность – переменная активизация и трансформация ресурсов в процессе адаптации.
3. Культурная специфичность – зависимость структуры ресурсов от культурных характеристик семьи и принимающего общества.
4. Синергетический эффект – взаимное усиление адаптационного потенциала при взаимодействии ресурсов.
5. Потенциал к изменениям – стимулирование личностного и семейного роста через преодоление трудностей.

Практическая реализация концепции СРПА в виде комплексных программ поддержки (семейные клубы, родительские тренинги, образовательные курсы для детей и подростков, повышение квалификации педагогов) позволяет проводить диагностику состояния ресурсного поля семьи, выявлять и усиливать имеющиеся ресурсы, своевременно устранять адаптационные риски. Использование такого подхода способствует единообразию и эффективности мероприятий по интеграции семей мигрантов, что актуально для поликультурных регионов России.

Таким образом, комплексная поддержка семей с миграционной историей, интегрирующая образовательные, психологические и социокультурные ресурсы, существенно повышает эффективность адаптационных процессов. Применение междисциплинарной модели, поддерживающей ресурсность семьи и развивающей навыки межкультурной коммуникации у всех её членов, способствует формированию толерантного и инклюзивного общества. Обеспечение единого стандарта и качественной подготовки специалистов, межведомственное сотрудничество и учет культурной специфики являются необходимым условием успешной интеграции.

Литература

1. Илимбетова А.А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2.
2. Ковтун Е.А., Милецкий В.П. Практики социальной работы с мигрантами в России: экспертные оценки // Дискурс. 2020. Т. 6. № 6.
3. Коробцова Е.В., Налетова Н.Ю. Социально-педагогическая адаптация детей-мигрантов (теоретический аспект) // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 3(205).
4. Белоусова С.А., Ботезат А.В., Гатауллин Р.Ф. и др. Обзор современных практик психологической поддержки инкорпорации детей инородных мигрантов с большой культурной дистанцией в российское принимающее сообщество // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2021. № 2–3(14–15).
5. Проект «Интеграция мигрантов: ресурсы, образование и этнокультурные коды»: информационные материалы /Под общ. ред. С.Г. Максимовой. Барнаул, 2022.
6. Учебная и социально-психологическая адаптация детей-мигрантов в образовательной организации: методические рекомендации / сост. Т.В. Самсонова. Саранск, 2021.
7. Walsh F. Strengthening Family Resilience. 3rd ed. N.Y., 2015.
8. Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development. Cambridge, 1979.

Восприятие феномена дружбы представителями русской и индийской этнокультур

Гавронова Ю.Д.

ОГБОУ ВО Смоленский государственный
институт искусств, Смоленск, Россия
kozadereza2@yandex.ru

Академическая мобильность из Индии в Россию и взаимодействие между молодёжью отражают сотрудничество между странами. В учебных заведениях проводятся культурные мероприятия, в которых студенты разных этнокультур развивают навыки межкультурного общения.

Цель исследования – выявить сходство и специфику содержания ценности дружеских отношений со сверстниками и межличностной коммуникации у студентов российских вузов, на примере граждан РФ и Индии.

В 2025 г. студентам, обучающимся в Смоленском государственном институте искусств (СГИИ) и в Смоленском государственном медицинском университете (СГМУ), было предложено написать сочинение «Дружба. Общение со сверстниками». Выборка – 100 студентов из СГИИ в возрасте 17–19 лет (21% юношей) и 65 студентов из СГМУ в возрасте 18–19 лет (54% юношей). Студенты из СГИИ идентифицировали себя как русские, а из СГМУ как индийцы. Студенты СГИИ писали на русском языке, а СГМУ в зависимости от уровня владения русским языком: или только на русском,

или на английском с кратким пересказом на русском. Сочинения обрабатывались методом контент-анализа.

СГИИ и СГМУ находятся в шаговой доступности и постоянно сотрудничают. В СГИИ готовят специалистов в сфере культуры. Поэтому в институте регулярно проходят концерты, на которых выступают представители этнических диаспор Смоленской обл. Студенты из Индии частые участники хореографических конкурсов. Студенты СГИИ и СГМУ принимают участие в совместных научных мероприятиях. Студенты-библиотекари СГИИ проходят практику в библиотеке СГМУ.

Проблемы – языковой барьер, адаптация иностранных студентов, предвзятое отношение местных граждан к чужой этнокультуре.

Тематика значима, т.к. культура определяет, какой смысл вкладывается в понятие дружбы [4, с. 518], в частности, в русской и индийской картинах мира.

По классификации Э. Холла, индийская культура с высоким контекстом, а русская культура пограничная между Западом и Востоком [3, с. 13], т.е. с элементами высококонтекстуальности, но ближе к низкоконтекстуальной. Высокий контекст: постоянные контакты с семьёй и друзьями. Низкий контекст: дружеские отношения часто временные и поверхностные [6, с. 39, 127]. Для студентов-индийцев более характерны эмпатические переживания, стимулирующие к альтруистическому поведению, чем для китайцев и африканцев [1], просоциальная стратегия, проявляющаяся в обращении за социальной поддержкой [5, с. 98].

Теоретическим основанием послужила поликомпонентная структура представлений о дружбе, включающая когнитивный (представления о дружбе), коммуникативный (коммуникативная потребность в дружбе) и эмоционально-потребностный (мотивы дружбы и эмоциональная близость) компоненты [2, с. 79]. В результате анализа сочинений вырисовалась следующая картина. Русские: коммуникативный компонент (79%) > когнитивный компонент (55%) > эмоционально-потребностный компонент (43%). Индийцы: когнитивный компонент (66%) > коммуникативный компонент (60%) > эмоционально-потребностный компонент (54%). У русских наибольший удельный вес получил коммуникативный компонент, а у индийцев когнитивный компонент. При обработке результатов контент-анализа с помощью непараметрического критерия ϕ^* у русских в сравнении с индийцами статистически значимое преобладание выявлено по коммуникативному компоненту ($\phi^*_{эм} = 2.624$, $p < 0,01$). При помощи «Облако слов» (worditout.com) проводилась визуализация частотности слов коммуникативного компонента. Доминирующие слова у русских – «мы», «сверстники», «друзья», «подруга», «знакомые», «колледж», «общение», «круг», «время», «весело», «темы», «разные», «вместе», у индийцев – «мы», «друзья», «подруга», «вместе», «Россия», «Индия», «весело», «детство», «учёба», «повседневная жизнь», «приехал», «много», «маратхи» «рассказываем», «разговариваем», «учимся», «любим», «помогаем», «гуляем». В двух группах преобладают «мы», «друзья», «подруга», «вместе». Различие:

русские студенты пишут, в основном, про общение с друзьями в колледже, а индийцы разделяют круг друзей в Индии и России и предпочитают общение не на хинди, а на диалекте маратхи. Лексемы «любим» и «помогаем» свидетельствуют о большей искренности отношений индийских студентов. Несмотря на проживание в России, индийские студенты общаются только со сверстниками своего этноса. Причём друзья в Индии для них остаются более близкими, чем их однокурсники.

Кроме того, была выделена категория «Трудности общения». У русских в сравнении с индийцами статистически значимое преобладание ($F^*_{эмп} = 5.103$, $p < 0,01$). У русских – это конфликты, буллинг, обман, предательство, несовпадение интересов и характера. Но только трое индийских студентов написали о сложностях. Причём у одного юноши они связаны с поиском русского друга. А двое пояснили, что, несмотря на ссоры, они мирятся и ценят своих друзей. Итак, русскими студентами дружба воспринимается как совместное времяпрепровождение, отношения связаны с некоторой напряжённостью, а индийские студенты рассматривают дружбу как эмоционально более глубокие отношения.

Таким образом, анализ содержания сочинений показывает, что дружба имеет значение как для русских, так и индийских студентов. Но, несмотря на академическое и культурное взаимодействие, студенты из Индии предпочитают общение в ин-группе. Проблема межкультурной дружбы требует комплексного подхода, связанного с развитием межкультурной компетентности.

Литература

1. Казаренков В.И., Каменева Г.Н., Быстренина И.Е. Эмпатия в межличностном взаимодействии иностранных студентов // Психолого-педагогический поиск. 2022. № 2 (62).
2. Лантева А.В. Возрастные особенности представлений о дружбе у детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья. Дисс. к. психол. н. Санкт-Петербург, 2019.
3. Орлова О.В. Герменевтическое измерение языковой картины мира в контексте взаимодействия культур. Автореф. дисс. д. культурологии. Москва, 2010.
4. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. Питер, 2003.
5. Федотова В.А., Жданова С.Ю. Адаптация студентов из Индии и арабских стран к образовательному пространству российского вуза // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2.
6. Hall E.T. Beyond Culture. Garden City, N.Y: Anchor Press, 1976.

Содержание этнической идентичности у психологов-консультантов в России

Голубятникова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Kat.pti@yandex.ru

Этническая идентичность рассматривается как важный элемент самосознания. Понимание того, как формируется и проявляется этническая идентичность у психологов-консультантов, позволяет оценить её взаимосвязь с консультативным процессом, определить возможные источники ресурсов для профессиональной практики и риски для возможных проекций в процессе консультирования.

Этническая идентичность – это многогранное и динамичное чувство принадлежности к определённой этнической группе, культуре и окружению, основанное на знаниях о внутригрупповой связи, личном опыте и осознанных действиях. Она формируется с течением времени и включает как личностные аспекты, так и групповые; опыт важен для её развития, но сам по себе недостаточен – ключевую роль играют также выборы, поступки и продолжающееся взаимодействие с культурой и сообществом. Этническая идентичность пересекается с другими типами социальной идентичности (например, расовой), но сохраняет свои специфические черты [2].

Содержание этнической идентичности – это совокупность этносоциальных представлений, сформированных в ходе внутрикультурной социализации и взаимодействия с другими народами, включающая осознание общей истории, культуры, традиций, места происхождения, а также связанные с ними мнения, убеждения, верования и образы собственной и чужих этнических групп, которые объединяют членов сообщества и отличают его от других [1].

В нашем исследовании мы поставили цель определить содержание этнической идентичности психологов-консультантов в России и выявить её структурные характеристики. Выборкой нашего исследования стали психологи-консультанты в России в возрастном диапазоне от 22 до 70 лет, всего 41 человек. Среди них 14 мужчин (34,1%) и 27 женщин (65,9%).

Благодаря проведенному нами исследованию мы пришли к следующим выводам:

1. У российских психологов-консультантов аффективный компонент этнической идентичности выражен сильнее когнитивного компонента.
2. Для психологов-консультантов в России нормальный тип этнической идентичности (позитивная этническая идентичность) свойственен больше, чем остальные типы этнической идентичности.
3. Российским консультирующим психологам свойственна высокая позитивность и низкая неопределенность этнической идентичности.
4. Все показатели авторского опросника достаточно высокие, что говорит о том, что респонденты понимают важность своей этнической идентичности в процессе консультирования.

Наше исследование показывает, что у российских психологов-консультантов этническая идентичность представлена преимущественно в позитивной форме, с выраженным аффективным компонентом и низкой неопределённостью. Это указывает на наличие устойчивого чувства принадлежности и эмоциональной привязанности к этнической группе, что может служить ресурсом в консультативной практике при условии развития культурной компетентности и осознанной работы с этнокультурными аспектами. Результаты обосновывают необходимость дальнейших исследований с расширенной выборкой и использованием различных подходов для уточнения связи этнической идентичности с профессиональной деятельностью и качеством консультирования.

Литература

1. *Соболева Н.С.* Исторический и современный контексты исследования этнической идентичности // Проблемы социальной психологии личности. 2008. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/sgu_socialpsy/contents/30279
2. *Phinney J.* Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions // Journal of Counseling Psychology. 2007. № 54.

Психологическое консультирование через призму этнокультурной идентичности клиента

Гребень Н.Ф.

ГУ РНПЦ психического здоровья, Минск, Беларусь
strekosa@tut.by

Этнокультурная идентичность является частью личностной идентичности и представляет собой отождествление человеком себя с определенной этнической общностью, ее культурой, ценностями и убеждениями. Она обеспечивает ориентацию в социокультурном пространстве, удовлетворяет потребность в принадлежности к группе и одновременно наделяет человека определенной уникальностью.

Современная культура характеризуется тем, что, с одной стороны, стираются различия между этносами, между индивидами, что приводит к возникновению кризиса идентичности, а с другой – наблюдается и процесс сохранения, и более того – рост этнического самосознания в связи с социальными трансформациями, что является основой формирования этнокультурной идентичности [5, с. 76].

Растет и интерес к проблеме аутентичности человека, которая является культурным конструктом и по мнению В.Д. Давыдова [4], связана с локальностью, как определенным дискурсом места, времени и культуры. Интерес к своей уникальности во многом стимулирован развитием информационных технологий, в частности, социальных сетей. Последние являются не только «ареной самовыражения», но и пространством создания виртуального образа

Я человека. Следует отметить, что поиск собственной аутентичности – запрос, с которым клиенты нередко обращаются к психологам.

Основываясь на данных реализованных нами исследований, а также практике психологического консультирования, попытаемся выделить наиболее важные аспекты этнокультурной идентичности, которые необходимо учитывать при работе с клиентами.

1. Имя человека. Имя человек получает с рождения и дальше продолжает с ним себя отождествлять. В ряде культур придерживаются традиции давать этнические имена, часто имеющие и смысловую нагрузку. В разных культурах важность обращения по имени также отличная. Как показало наше исследование, значимость имени в структуре личностной идентичности для белорусского населения невысокая, при этом она более весома для мужчин по сравнению с женщинами, для подростков по сравнению с лицами зрелого возраста [2].
2. Вера и принадлежность к религиозной конфессии. В этнической группе, как правило, доминирует определенная конфессия, а иногда и несколько. Консультирование верующего человека требует учета не только его религиозных ценностей и мировоззрения, но и правильного выбора направления и методов, применяемых в консультировании. Нередко глубоко религиозные клиенты негативно воспринимают представления психоанализа о природе человека.
3. Убеждения человека. Ряд убеждений клиента может базироваться на таком фольклорном материале как пословицы и поговорки, которые могут носить как рациональный, так и искаженный характер. К примеру, в белорусском языке в пословицах и поговорках часто превозносится труд сам по себе без привязки результату, успеху.
4. Жизненный сценарий. Народные сказки, в особенности, если клиенты были хорошо знакомы с ними в детском возрасте, могут определять их жизненный план. Как показали наши исследования, в белорусских народных сказках часто встречается такой жизненный сценарий в женских сказках как «обретение счастья через страдания» [6].
5. Гендерные стереотипы. Представления об образе и моделях поведения мужчин и женщин, что также часто опосредовано в том числе и фольклорным материалом. В белорусском фольклоре женщинам приписывают такие характеристики как красота, трудолюбие и ум, способность принимать верные решения в критических ситуациях и склонность к назиданию. Образ же мужчин характеризуется силой, смелостью, чаще изобретательностью, чем умом [1; 6].
6. Ценности и направленность личности клиента. Любая культура основывается и транслирует определенную систему ценностей, норм поведения, которые передаются из поколения в поколение, но и частично видоизменяются под воздействием экономических, социально-политических факторов. В реализованном нами исследовании было установлено, что

ценностные ориентации белорусских и литовских женщин, состоящих в браке, имеют значимые различия, несмотря на схожесть культур и соседствующее положение стран [3].

7. Актуальное состояние этнокультурной идентичности. Прежде всего, хотелось бы отметить позитивную или негативную окраску этнокультурной идентичности клиента. Клиенты с негативной этнической идентичностью могут избегать обсуждения своей родовой принадлежности, подчеркивать свои космополитические воззрения, но это не исключает, что они не являются носителями ценностей, убеждений, паттернов поведения, присущих их родной культуре.

В завершение хотелось бы отметить, что уделение должного внимания вопросу этнокультурной идентичности клиента со стороны психолога-консультанта, позволяет ему адекватно подобрать подходы и методы работы, создать более располагающую и доверительную атмосферу, повысить качество и эффективность оказываемой психологической помощи.

Литература

1. Агеенкова Е.К., Гребень Н.Ф. Фемининность: от гендерных стереотипов к реальному воплощению в персональной сказке // Мир психологии. 2021. Т. 12. № 2.
2. Гребень Н.Ф. Имя в структуре идентичности белорусов // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания / Редкол: А.А. Лазаревич (пред.) [и др.]. Минск, 2019.
3. Гребень Н.Ф. Ценностные ориентации белорусских и литовских женщин, состоящих в брачных отношениях // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности перспективы / Редкол: Н.Л. Мысливец (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2023.
4. Давыдов В.Н. Культурная аутентичность и коренные народы // Журн. социол. и соц. антропологии. 2006. Т. IX. № 3.
5. Красовская Н.Р. Этнокультурная идентичность // Власть. 2020. № 3.
6. Грэбень Н.Ф. Псіхалагічны аналіз жаночых вобразаў у беларускіх народных казках // Казка і міф у еўрапейскай прасторы 3: традыцыі і навацыі / Рэдкал.: А.І. Лакотка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2024.

Этнический вербальный этикет в межкультурной коммуникации

Гуриева С.Д.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
gurievassv@gmail.com

Понятие «межкультурная коммуникация» впервые упоминается в 1959 г. в работе Г. Трейгера и Э. Холла, в которой были сформулированы основные функции, виды, типы межкультурной коммуникации [1]. В современных

работах основное внимание уделяется теоретическим, методологическим аспектам коммуникации С.Г. Тер-Минасова [6], Т.Г. Стефаненко [4], межкультурным различиям Р.Д. Льюис [2], Р. Гестеланд [8] и т.д. Однако следует отметить, что практически во всех перечисленных работах авторы отмечают два важных момента: различия, и вытекающие из этих различий трудности, которые осложняют процесс взаимодействия. Если рассмотреть любую социально-политическую ситуацию, потенциально сложную и нестабильную, то в глубине ее можно найти коммуникативные ошибки, которые препятствуют решению проблемы конструктивным способом.

Выявление межкультурной специфики вербального этикета – по мнению многих ученых-исследователей очень сложное дело. Так, например, была разработана исследовательская программа, целью которой является изучения вербального этикета в межкультурных коммуникациях, состоящая из следующих важных вопросов.

1. Морально-нравственные ценности.
2. Отношение к представителям иного пола, социального положения.
3. Социально-психологические особенности общения.
4. Реакция на несоблюдение правил этикета.
5. Степень устойчивости этикета по отношению к инновациям, изменениям [7, с. 12–37].

Таким образом, проблема изучения этнического вербального этикета в межкультурной коммуникации, следует рассматривать на следующих уровнях: 1. Что сказать, как правильно сформулировать то, что хотим спросить; 2. Как сказать в зависимости от пола, возраста, ситуации и т.д.; 3. Как данное значение или понятие живет в реальности мира изучаемого языка.

Что сказать или содержание речи, в основном характеризует низкоконтекстные культуры (low context cultures), которые предпочитают высказываться четко и ясно, стремятся первыми выдвинуть основной аргумент «за» или «против». Как сказать (контекст коммуникации), в основном характеризует высококонтекстные культуры (high context cultures) [9]. Таким образом, в зависимости от контекста и содержания речи, содержание вербального этикета в межкультурных коммуникациях включает в себя следующие характеристики:

1. Отношение к темпу речи, молчанию, паузам.
2. Речевые формулы. Стандартные темы и способы поддержания беседы.
3. Запретные темы. Отношение к запретной лексике. Использование эвфемизмов.
4. Общепринятые метафоры.
5. Различия, связанные с социальным статусом, сословной дифференциацией.

Обобщая содержание основных характеристик вербального этикета в межкультурных коммуникациях, позволим сформулировать следующие рекомендации, направленные на соблюдение вербально этикета:

1. Соблюдать требования этнолингвистической эквивалентности: корректный, профессионально выполненный, адекватный перевод первоисточника или текста.
2. Обращать внимание на распространенные вербальные формулы. Какой формулой вербального приветствия должно сопровождаться приветствие или прощание, напутствие, пожелание и т.д.
3. Придерживаться стандартных темы и способов поддержания беседы. В достаточной степени следует владеть информацией о том, какие вопросы или ответы входят в обязательный минимум общения. Когда возможен переход от этикетной части беседы к деловому разговору. Что можно обсуждать, исходя из национально-культурных особенностей собеседника: последние достижения в области техники, промышленности, спорта, культуры, новые спектакли, выставки, презентации, достопримечательности страны или города, историю, культуру.
4. Избегать обсуждения запретных тем. Какие темы, вопросы и т.п. считаются запретными или неприличными.
5. Стараться не использовать запретную лексику. Полный запрет на использование нецензурных слов и лексики, способный оскорбить достоинство окружающих, а также эвфемизмов и инвективов, умолчания, иносказания и другие языковые символы.
6. Быть аккуратным к использованию общепринятых метафор, сказаний, легенд, анекдотов, к которым следует относиться предельно осторожно. То, что является ценностью в одной культуре, может восприниматься совершенно неоднозначно в другой.
7. Обращать внимание на различия, связанные с сословной, половозрастной и т.д. дифференциацией в вербальных приветствиях.
8. Помнить, что существуют обусловленные культурой различия в том, как данное понятие живет в реальности мира изучаемого языка. Стремиться понимать удивительный и многообразный внутренний мир носителей языка, их культуру, историю, особенности мировосприятия, традиции и т.д.

Межкультурная коммуникация представляет собой достаточно сложный, противоречий процесс. Игнорирование национально-культурных особенностей представителей другой культуры, специфики вербального и невербального этнического поведения, этноцентризм и стереотипизация в образе суждения, неизбежно ведут к негативным эмоциональным проявлениям, этническим конфликтам. Исследователям в области изучения этнического вербального этикета предстоит выявить все возможные «камни преткновения», осложняющие эффективный процесс межкультурной коммуникации. Важно найти «золотой» ключ, который поможет открыть дверь, ведущую в удивительно многообразный, интересный, таинственный и загадочный мир. По мнению Д. Мацумото, эмоции являются ключом к эффективной межкультурной коммуникации, тот, кто не способен контролировать свои негативные эмоциональные реакции, наладить конструктивный межкультурный процесс, останется за закрытыми дверями [3].

Литература

1. Hall E. The silent language. New York, 1959.
2. Lewis R.D. When Cultures Collide. Managing successfully across cultures. Nicholas Brealey Publishing, 2000.
3. Мацумото Д. Психология и культура. М., 2000.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003.
5. Суханов Д., Суханов М. Психология народов и наций. Донецк, 1997.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М., 2000.
7. Этикет у народов Передней Азии. М., 1988.
8. Gesteland R.R. Cross-Cultural Business Behavior Copenhagen Business School Press, 2002.
9. Trompenaars F., Hampden-Turner Ch. Riding the waves of culture: understanding diversity in global business. Nicholas Brealey International, 2011.

Жизнеспособность человека: кросскультурный аспект

Дагбаева С.Б., Сараева Н.М., Суханов А.А.
ФГБОУ ВО ЗабГУ, Чита, Россия
soela@bk.ru, saraiewa@mail.ru, asuhanov71@mail.ru

Проблема жизнеспособности человека, изначально изучавшаяся как универсальная психологическая характеристика, претерпела значительную трансформацию. Современные исследования все больше акцентируют ее зависимость от культурного контекста, что привело к формированию отдельного направления – кросскультурного изучения. Данный подход показал, что жизнеспособность и способы ее реализации детерминированы культурными нормами и ценностями [1]. Жизнеспособность сегодня признается культурно обусловленным феноменом, поскольку культура определяет то, как люди интерпретируют невзгоды и каким стратегиям совладания они отдают предпочтение. Согласно модели М. Унгара [7], жизнеспособность является продуктом взаимодействия человека с разнообразными культурными и социальными системами, которые предоставляют или ограничивают доступ к ресурсам. Этот подход постулирует, что не существует единого, универсального набора качеств, обеспечивающих жизнеспособность. Напротив, жизнеспособность проявляется через способность индивида или группы культурно приемлемыми способами получать доступ к тем ресурсам, которые в данной конкретной культуре считаются необходимыми для благополучия и преодоления трудностей.

Кросскультурные исследования позволяют выявить как общие, так и уникальные черты жизнеспособности. С одной стороны, определяются ее универсальные базовые основы, структура и факторы, общие для всех людей. С другой стороны, этнокультурные особенности образа жизни, системы ценностей и социальные практики обуславливают значительные различия в конкретных характеристиках

и иерархии ресурсов. Яркой иллюстрацией этого тезиса являются результаты международного исследования [4], в котором сравнивались ресурсы жизнеспособности российских и южноафриканских подростков. Было установлено, что для российских подростков ведущими являются индивидуальные ресурсы (личностные качества, навыки). В то же время для их сверстников из ЮАР первостепенную важность имеют средовые и контекстуальные ресурсы: поддержка широкой общности, религиозные и духовные убеждения, образование.

В кросскультурном контексте особую значимость приобретают такие ресурсы, как гражданская и этническая идентичность. Гражданская идентичность, понимаемая как осознание принадлежности к обществу граждан на общекультурной основе [1], в условиях внешнего давления (например, санкций) может служить мощным мобилизующим ресурсом, инструментом укрепления внутреннего единства и психологической устойчивости [6]. Исследования показывают ее положительную корреляцию с жизнестойкостью, особенно в высокострессовых условиях [3].

Этническая идентичность, как осознание своей принадлежности к определенной этнической группе, играет ключевую роль в формировании культурной идентичности человека, обеспечивая связь с традициями и историей своего народа. Обращение к традиционным ценностям и истории, усиление религиозности в трудные периоды выступают психологическими механизмами поддержания здоровья и совладания с трудностями, что напрямую связано с детерминантами жизнеспособности [2].

В целом, кросскультурный анализ жизнеспособности позволяет отказаться от упрощенных универсальных моделей в пользу более сложных, контекстуальных и валидных представлений. При этом ресурсы жизнеспособности культурно обусловлены. То, что является ключевым ресурсом в одной культуре (например, индивидуальная самостоятельность), в другой может уступать по значимости коллективным или духовным ресурсам. Гражданская и этническая идентичность обеспечивают чувство принадлежности, стабильности и связи с традициями, что критически важно для преодоления невзгод. Несмотря на растущий интерес, кросскультурных исследований жизнеспособности, особенно в поликультурном пространстве России проводится еще недостаточно. Перспективным направлением является более глубокий анализ специфики жизнеспособности в различных этнокультурных группах.

Таким образом, понимание жизнеспособности невозможно без учета культурного ландшафта, в который погружен человек. Это знание имеет не только теоретическую, но и огромную практическую ценность, позволяя разрабатывать адресные программы укрепления психологического здоровья и устойчивости с учетом культурных особенностей конкретных сообществ.

Литература

1. Гальченко А.С. Психологические детерминанты формирования гражданской идентичности у старшеклассников. Автореф. дис...канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2021.

2. Карнышев А.Д., Карнышева О.А. Идентичность и патриотизм: этнопсихологические и региональные особенности и уровни проявления // Социальная и экономическая психология: сб. науч. тр. М., 2018.
3. Кушнирук А.В. Гражданская идентичность и профессиональная эффективность спортсменов // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 1.
4. Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В., Горьковая И.А., Микляева А.В., Сараева Н.М., Суханов А.А., Терон Л., Унгар М. Сравнительный анализ жизнеспособности молодежи из регионов с разными культурно-социальными и экологическими условиями жизни // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4.
5. Рыльская Е.А. Научные подходы к исследованию жизнеспособности человека в зарубежной психологии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8.
6. Татарко А.Н. Гражданская идентичность и ментальное здоровье россиян: роль психологических стратегий совладания в условиях санкционной политики // Аналитическое резюме. 2023. Т. 4. Вып. 9 (28).
7. Ungar M. Modeling Multisystemic Resilience: Connecting Biological, Psychological, Social, and Ecological Adaptation in Contexts of Adversity // Multisystemic resilience: adaptation and transformation in contexts of change /edited by Michael Ungar. N.Y., 2021.

Развитие межкультурной компетентности в сфере управления персоналом: трудовая этика в различных культурах

Данчевская О.Е.
ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия
odanchevskaya@gmail.com

Матвеев А.В.
независимый исследователь, Москва, Россия

Сегодня большинство организаций являются многокультурными, состоящими из представителей как разных стран, так и разных этнических общностей внутри одной страны. Это имеет множество преимуществ: многообразие взглядов и подходов, более широкий анализ потребностей целевой аудитории и особенностей рынка, комбинирование стилей работы и т.д. Однако не следует забывать, что каждый сотрудник – это носитель не только организационной культуры, но и своей собственной, в первую очередь национальной, поэтому владение межкультурной компетентностью в нынешних условиях становится необходимостью. Так, исследователи отмечают, что различия характеристик национальных культур оказывают весьма ощутимое влияние на процесс и продуктивность работы и управления организацией [5, с. 147–148]. Различия могут проявляться в восприятии иерархии, стилях общения, отношении ко времени, мотивации и др., что может создавать определённые проблемы для руководителей и HR-специалистов.

Любая организация состоит из людей, следовательно, общение становится неизбежным. «В контексте организаций значимость коммуникации ‘заостряется’», т.к. она, по мнению А.А. Киселёвой, «прямо включена в производство продукта» [1, с. 15]. Понимание культурных различий и уважение к ним может помочь в создании гармоничной рабочей среды и повысить уровень доверия между сотрудниками из разных культур, что, несомненно, отразится и на их продуктивности.

Стабильная работа предприятий, обусловленная постоянным совершенствованием и развитием управленческих и технических навыков персонала, обеспечивает социальный баланс и нормальное функционирование города и региона, в котором оно расположено [6]. Поддержка развития предприятий может осуществляться как собственными трудовыми ресурсами, так и посредством привлечения персонала из-за рубежа.

Состав и структура проекта, безусловно, могут отличаться в зависимости от направления деятельности организации и специфики региона. Наиболее часто встречающаяся структура проекта включает четыре составляющие: 1) руководители проекта и сотрудники головного офиса, 2) местные консультанты, менеджеры предприятия и представители местных органов власти, 3) приглашённые управленческие консультанты и эксперты в области управления, 4) приглашённые специалисты в конкретной индустрии, производстве или виде деятельности [2].

В нашем исследовании мы рассматривали примеры типичного проекта поддержки развития предприятия, где руководители проекта/головной проектной офис и местные участники проекта (сотрудники предприятия, местные органы власти и местные консультанты) принадлежат к российской (местной) культуре, а управленческие консультанты и технические специалисты – к американской и немецкой (внешним) культурам. Выбор культур обусловлен культурной дистанцией как между внешними (американской и немецкой) и внутренней (российской) культурами, так и между участниками проекта, принадлежащими к разным внешним культурам [7]. Восприятие уровня межкультурной компетентности различных участников проекта зависит от наличия общекультурных знаний, навыков распознавания культурно-специфических характеристик и различий участников межкультурного взаимодействия [4].

Нам удалось выявить три основных вида различий в поведении представителей вышеозначенных культур в бизнес-контексте: в трудовой этике, в стилях общения и в стилях принятия решений.

Многие особенности поведения и управления можно объяснить различиями, опираясь на известные классификации культур (Э. Холла, Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарса, Р. Льюиса). Также большое значение имеет уровень межкультурной компетентности участников коммуникации: чем он выше, тем успешнее проходит взаимодействие и тем больше шансов найти взаимопонимание и избежать конфликтов.

Если культурно обусловленные личностные характеристики взрослого человека с трудом поддаются изменениям, то межкультурная компетентность развивается в любом возрасте. Это возможно через просвещение (приобретение знаний о других культурах), ориентирование (своеобразные «дорожные карты», подсказывающие, что можно и чего не следует делать) и кросс-культурные тренинги для практической отработки навыков межкультурного общения [3, с. 308–309]. Все эти способы хорошо зарекомендовали себя в многокультурных организациях, значительно улучшая внутренний климат и качество коммуникации.

Литература

1. Киселева А.А. Продуктивная коммуникация. Лингвистика результативности. Харьков, 2016.
2. Королькова Е.М. Реструктуризация предприятий: учебное пособие. Тамбов, 2007.
3. Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. М., 2002.
4. Матвеев А.В. Межкультурная компетентность. Концептуальные модели / Пер. с англ. М., 2025.
5. Мясоедов С.П., Борисова Л.Г. Кросс-культурный менеджмент: учебник для вузов. 3-е изд. М., 2023.
6. Пятшьева Е.Н. Устойчивое развитие моногородов как фактор стабилизации экономики России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 12.
7. Matveev A.V., Nelson P.E. Cross cultural communication competence and multi-cultural team performance: Perceptions of American and Russian managers // International Journal of Cross Cultural Management. 2004. Vol. 4. № 2.

Религиозные репрезентации как ментальный ресурс клиента в психологическом консультировании

Двойнин А.М.

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

alexdvoinin@mail.ru

Одной из задач, которую решает психолог в процессе психологического консультирования, является выявление психологических ресурсов у клиента. Данные ресурсы становятся в дальнейшем важной опорой для разрешения клиентом с помощью психолога трудной жизненной ситуации и совладания с ней. Ресурсная роль религиозной веры и религиозных репрезентаций давно известна как практикующим психологам, так и теоретикам. В психологическом плане можно говорить о «религиозном ресурсе» [1] клиента.

Рассмотрим способы организации религиозного ресурса, опираясь на концепцию ментальных ресурсов, разрабатываемую в отечественной психологии [2; 3].

Верующий, участвуя в коллективных обрядовых действиях, читая священные и вспомогательные религиозные тексты, прослушивая проповеди и переживая сопричастность божественному в ходе личной молитвенной практики, воспринимает и осмысливает (обрабатывает) получаемую информацию в соответствии с уже существующими у него ментальными структурами. Эта информация *кодируется, категоризируется* и, что особенно важно, *концептуализируется*. Таким образом, у верующего постепенно конструируется образ божественного (чувственный или абстрактный), возникают религиозные понятия (например, грех, спасение, праведность, дхарма, таухид и др.), складываются религиозные представления об устройстве мира в системе религиозных значений. Верующий усваивает религиозную доктрину и, благодаря концептуализации, все эти элементы связываются им с событиями, целями, стратегиями и трудностями собственной жизни, примерами из жизни других, с собственными психическими, физическими и социальными возможностями. Религиозные репрезентации, ядром которых является образ божественного (или фигура Бога), становятся психологическим ресурсом, когда их содержание связывается в ментальном опыте верующего с их практической полезностью или выгодой для достижения позитивных жизненных результатов. Такая связь может концептуализироваться в разных формах:

1. *«Чудесная»* форма связи, в рамках которой полезность божественного концептуализируется через возможность непосредственного и «чудесного» разрешения проблемы, с которой человек обращается к сверхъестественному агенту (Богу) в молитве¹.
2. *Катарсическая*, при которой само переживание позитивного взаимодействия со сверхъестественным (Богом) облегчает страдания, делает житейские проблемы неактуальными, малозначимыми.
3. *Гностическая* форма связи, когда полезность сверхъестественного для достижения жизненных результатов видится в том, что знание сакральной божественной истины, которая открылась верующему, дает преимущества в жизни через усмотрение духовной (или сверхъестественной) стороны вещей и объяснение событий.
4. *Манипулятивная*, опосредствованная отношением к сверхъестественному (Богу) как к инструменту достижения своих личных целей («чтобы что-то получить от Бога, надо усердно молиться» или «Бог обещал в Писании, значит он *должен* дать то-то и то-то»).
5. *Наградная*, опосредствованная бескорыстным отношением к божественному («следует быть ближе к Богу, жить по духовным законам, а Бог сам позаботится обо мне», «если идти по предназначенному свыше пути, то меня ждет награда»). В логике этой связи позитивный результат становится не следствием прагматичной сделки, а воспринимается как награда за праведный путь.

¹ Вопрос о реальности «сверхъестественного вмешательства» здесь мы выносим за скобки.

6. *Соратническая* связь предполагает, что полезность божественного выражается в его совместном с верующим действии в решении жизненных задач, в возможности достижения позитивного эффекта за счет сложения «усилий» самого верующего и Бога.
7. *Самосовершенствование*. Данная форма связи выражается в том, что пользу сверхъестественного верующий видит в самоулучшении и внутреннем преобразовании (избавлении от пороков, обретении душевной гармонии и баланса, добродетельном поведении), что само по себе может рассматриваться как достижение позитивного жизненного результата. Или же польза может видеться в возможности эффективно справляться с жизненными трудностями через собственный духовный рост и саморазвитие.
8. *Замещающая* форма связи, при которой полезность божественного выражается в отрешении от жизненных проблем, в ощущении себя «выше» них, что достигается через напряженную религиозную жизнь – постоянную внутреннюю концентрацию на сверхъестественной реальности (Боге) и своем духовном пути (росте).

В заключение отметим, что религиозные репрезентации клиента психолога далеко не всегда могут стать реальным психологическим ресурсом при разрешении трудной жизненной ситуации. Их ресурсная роль может быть не выражена у людей, чья религиозная принадлежность и религиозные представления являются частью культурной идентичности или интеллектуального содержания, не связанного с непосредственной жизненной практикой и не основанного на личном переживании божественного.

Литература

1. *Двойнин А.М.* Ресурсный подход в психологии религии // Психология религии: прошлое и современность / Отв. ред. А.М. Двойнин, А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2025.
2. *Хазова С.А.* Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: Дис. докт. психол. н. Кострома, 2014.
3. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2024.

Система социально-психологического сопровождения иностранных обучающихся (опыт НИУ МГСУ)

Джурад Ю.Ю.

ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия; НИУ МГСУ, Москва, Россия
dzhuradyuyu@mgpu.ru

Национальный исследовательский университет «Московский государственный строительный университет» ведет активное международное сотрудничество, которое охватывает несколько десятков стран ближнего и дальнего

зарубежья. Одним из важнейших направлений этого сотрудничества является обучение иностранцев на всех уровнях: от подготовительного курса до аспирантуры. В 2025–2026 году количество иностранных обучаемых превышает 1100 человек. Это внушительная часть контингента требует особого внимания от всех участников образовательного процесса и административных инстанций вуза. Основной запрос в этой работе связан с адаптацией иностранных обучаемых к новой культурной среде – в целом, и к среде обучения – в частности, а затем – в непрерывном сопровождении, оказании помощи, поддержки и содействия по широкому кругу вопросов.

На протяжении последних лет в НИУ МГСУ складывалась система социально-психологического сопровождения иностранных обучаемых. Она опирается на ряд структурных подразделений вуза, прежде всего, это Центр международного образования и его сектор по внеучебной работе и связи с выпускниками (Интерклуб), а также молодежный центр и психологический центр.

Хедлайнером адаптации и сопровождения иностранных студентов является Интерклуб, который за время своего существования реализовал множество мероприятий для иностранного контингента в коллаборации с самыми разными государственными и общественными организациями. Например, на регулярной основе проводятся «Этноквизы» и этнотренинги, тематические вечера землячеств и фестивали культур, широко празднуются день народного единства и международный день студентов. Более точно ежегодно реализуются мероприятия, направленные на гармонизацию межрелигиозных и межэтнических отношений, такие как встреча-беседа с имамом московской мемориальной мечети, семинар «Межкультурный диалог в мегаполисе», агитационно-профилактическая встреча со специалистом из Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательной среде, разговорный клуб, просмотры тематических фильмов и др.

Особое место в деятельности Интерклуба занимает курс подготовки тьюторов для оказания помощи в адаптации и сопровождении иностранных обучаемых. При этом тьюторы набираются из числа студентов старших курсов бакалавриата и магистратуры на добровольной основе. А прохождение ими курса подготовки в начале каждого нового учебного года включает в себя лекции и тренинги, в том числе на такие важнейшие темы как «Вербальные и невербальные особенности коммуникации в поликультурной среде», «Психологическая поддержка иностранного обучаемого, оказавшегося в сложной жизненной или экстремальной ситуации», «Мотивация и вовлеченность в образовательный процесс», «Тренинг межличностного общения», «Тренинг по разрешению конфликтов» и др.

В 2025–2026 учебном году работа по подготовке тьюторов реализуется совместно сотрудниками Интерклуба и психологического центра НИУ МГСУ в лице этнопсихолога. С этого года должность этнопсихолога введена в штатное расписание психологического центра в связи с острой необходимостью участия во всех направлениях работы с иностранцами, специалиста,

обладающего межкультурной компетентностью – совокупностью «умений, навыков, опыта и знаний, позволяющих успешно осуществлять деятельность в поликультурной среде» [1, с. 8].

Планом деятельности штатного этнопсихолога предусмотрена как групповая работа, связанная с проведением тренингов, участием в мероприятиях, организуемых другими структурными подразделениями с участием иностранных обучаемых – лекциях, встречах, кинопросмотрах и др., так и индивидуальное консультирование иностранных обучаемых.

Практика прошлых лет работы психологического центра показывает достаточно высокую востребованность таких консультаций. Первичный сбор информации по поводу обращений прошлых лет дает представление о ряде закономерностей и затруднений, с которыми сталкиваются не только сами обучаемые, но и преподаватели, сотрудники администрации и психологи.

Обращает на себя внимание тот факт, что больше всего обращение за социально-психологической помощью характерно для представителей мусульманской культуры (далее зарубежье). Что может быть связано с нормами коллективистических культур и отработанных в них механизмах посредничества, обращения к старшим (наделенным властью) членам сообщества для урегулирования конфликтных ситуаций, выраженная экстраверсия как черта менталитета.

Содержание обращений охватывает обширный спектр проблем, начиная с хозяйственно-бытовых и заканчивая экстренными и кризисными ситуациями, межкультурными конфликтами и др. Специфичность некоторых из этих запросов может быть не очевидна психологу, не обладающему культурной сензитивностью. Поэтому индивидуальные консультации в таких случаях должны проводиться в мультикультурном (кросс-культурном) подходе, который «предполагает учет и осознание культурных факторов на этапе диагностики проблем клиента, установления терапевтического альянса с ним в ходе терапевтической работы» [2, с. 12].

Следует так же отметить, что мультикультурный подход предполагает учет религиозного фактора не только как факта, декларируемого клиентом из инокультурной среды, но и диагностики выраженности внешней и внутренней религиозности, степени вовлеченности в религиозную практику. На примере мусульманских клиентов важность религиозной осведомленности психолога отмечается в связи с тем, что «представления и убеждения в отношении здоровья, особенно психического, и болезней глубоко уходят корнями в духовные традиции мусульманских общин» [3, с. 31].

Особое значение религиозная осведомленность приобретает при групповой работе и проведении массовых мероприятий в масштабах вуза. Такие мероприятия в НИУ МГСУ с участием иностранных обучаемых регулярно посвящаются острым социальным темам, так или иначе связанным в общественном сознании с темой религии. Например, проблематика экстремизма, вовлечения в деструктивные организации, психологическая манипуляция

и др. Профессиональная экспертиза этнопсихологом таких встреч, содержания методических материалов, подбор кинофильмов и др. является важнейшим условием профилактики психологического травматизма и конфликтов на этноконфессиональной почве.

Литература

1. *Омельченко Е.А., Теплова Е.Ф., Шевцова А.А.* Формирование межкультурной компетентности: методические подходы и тестовые материалы. М., 2019.
2. *Павлова О.С.* Психология мусульманского Востока // *Этнология и этнопсихология стран Востока.* М., 2025.
3. *Расул Г.Х.* Исламское консультирование: введение в теорию и практику. М., 2022.

Образование и этнокультурный контекст в Танзании: антропологический анализ

Дронова Д.А., Бутовская М.Л.
ИЭА РАН, Москва, Россия
dariadronova@yandex.ru
marina.butovskaya@gmail.com

Образование в современном мире рассматривается как ключевой фактор устойчивого развития, напрямую влияющий на здоровье населения, экономический рост, сокращение бедности и укрепление прав человека. Танзания, как и другие страны Восточной Африки, последовательно реализует международные инициативы в области всеобщего доступа к образованию, в том числе Цели устойчивого развития, принятые Генеральной Ассамблеей ООН. Особое значение здесь приобретает Цель № 4, предполагающая обеспечение бесплатного, справедливого и качественного начального и среднего образования для всех [1]. Танзания, как и другие страны Восточной Африки, Кения [4; 7] и Уганда [2] предприняли ощутимые усилия и взяли на себя обязательства бесплатного в области начального и среднего образования.

В 2015 году в Танзании была отменена плата за обучение в начальной и средней школе. Это решение позволило резко увеличить охват детей школьным образованием: показатель вырос с 69,1% в 2002 году до 83,3% в 2022 году, причем среди девочек – более значительно, чем среди мальчиков. Однако столь быстрый рост числа учащихся выявил системные проблемы: нехватку учителей, особенно в сельских районах, перегруженность классов, дефицит учебников и школьных принадлежностей, а также недостаток управленческих навыков у директоров школ [5]. Подобные трудности характерны и для соседних стран региона, что подчеркивает их системный характер [3].

Настоящий доклад основан на результатах многолетней полевой работы, проведенной в различных регионах Танзании среди представителей разных

этнических групп (хадза, датога, иракв, масаи, хая, чагга, меру и др.). Исследование охватывало как сельские группы, так и сообщества, ведущие традиционный образ жизни.

Антропологический аспект образования в Танзании не менее важен, чем институциональные изменения. Социально-культурные барьеры продолжают оказывать значительное влияние на образовательные траектории детей, особенно девочек. Во многих общинах сохраняются традиционные практики ранних браков, что вынуждает девочек прекращать обучение. Бытовые обязанности также распределяются неравномерно, ограничивая возможности девочек для учебы. Таким образом, образование становится не только инструментом социализации, но и полем воспроизводства культурных норм, что требует внимательного учета культурного контекста.

Особую роль в этом играет культурно-ориентированное образование, которое направлено на учет языковых и культурных особенностей детей. По мнению воспитателей дошкольных учреждений и учителей начальной школы, использование родного языка и опора на культурную специфику способствует повышению успеваемости учащихся и улучшению качества преподавания [6]. Однако педагоги отмечают и серьезные препятствия: перегруженность классов, нехватку билингвальных учителей и слабую подготовку кадров к работе в многоязычной и мультикультурной среде. Не владение учителями родным языком учеников на начальном этапе обучения часто становится ключевым фактором, мешающим полноценному включению детей в образовательный процесс.

Закрепление достигнутого прогресса требует не только увеличения финансирования и развития инфраструктуры, но и переосмысления подходов к обучению с учетом культурных особенностей. Необходимо усиление программ подготовки педагогов, включающих компоненты билингвального и межкультурного образования, просветительская работа с родителями и сообществами для преодоления культурных барьеров, а также взаимодействие с государственными структурами.

Исследование выполнено в соответствии с планом НИР «Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты» ИЭА РАН.

Литература

1. ООН, Генеральная ассамблея, Резолюция 25 сентября 2015. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/291/92/pdf/n1529192.pdf>
2. *Asankha P., Yamano T.* Impacts of universal secondary education policy on secondary school enrollments in Uganda // *Journal of Accounting, Finance, and Economics*. 2011. Vol. 1(1).
3. *Cheruto K.L., Benjamin K.W.* Management challenges facing implementation of free primary education in Kenya: a case of Keiyo district // *Journal of Education Administration and Policy Studies*. 2010. Vol. 2(5).
4. *Khamati M.J., Nyongesa W.J.* Factors Influencing the Implementation of Free Secondary Education in Mumias District, Kenya // *Journal of Social Science for Policy Implementation*. 2013. Vol. 1.

5. *Lucumay L.S., Matete R.E.* Challenges facing the implementation of fee-free education in primary schools in Tanzania // *Heliyon*. 2024. Vol. 10(2).
6. *Mgaiwa S.J., Amani J.* Culturally Responsive Instruction in Early Childhood Education in Tanzania: Teachers' Beliefs and Instructional Challenges // *Early Childhood Educ J*. 2024. Vol.52.
7. *Muindi M.M.* Impact of Free Secondary Education on Quality of Secondary Education in Katanga, Yatta District- Machakos County, Kenya. Unpublished master dissertation, Kenyatta University, 2011.

Школа студенческого наставничества для иностранных студентов в вузе: организация и роль в системе академической поддержки

Заварницина А.Е.

ФГБОУ ВО ЮГУ, Ханты-Мансийск, Россия

a_voroncova@ugrasu.ru

В эпоху передовых информационно-коммуникационных технологий, открытой экономики и развития международного образования наблюдается рост числа иностранных студентов, поступающих в российские высшие учебные заведения. Согласно данным портала для российских соотечественников «Русский век», с января по июнь 2025 года в Россию прибыло более 170 тысяч иностранных студентов, что характеризуется приростом почти на 6% по сравнению с соответствующим периодом 2024 года [4]. Вследствие процессов глобализации и совершенствования программ академического обмена, географические дистанции утрачивают свою значимость, что предоставляет студентам из различных государств возможность получения образования на территории Российской Федерации.

Помимо получения новых знаний, иностранные обучающиеся сталкиваются с проблемами адаптации в изменённом культурном и образовательном пространстве. Взаимодействие с местными традициями, обычаями и образовательными практиками часто становится сложным этапом на пути к успешному обучению и социальной интеграции. В данной работе рассматривается подход к решению проблемы адаптации иностранных обучающихся посредством внедрения школы студенческого наставничества, которая выступает в качестве ресурса для улучшения качества международного образовательного обмена и успешного включения студентов в жизнь российских университетов. К определению роли студенческого наставничества в системе академической и социальной поддержки обращались исследователи в сфере психологии, такие как: Т.А. Борзова [1], Е.Г. Гиндес, И.А. Троян, Л.А. Кравченко [2], Е.А. Зуенко [3].

Учёные предлагают различные трактовки понятия студенческого наставничества (peer mentoring) в зависимости от контекста, целей и организационных особенностей данной формы наставничества. П. Колье, рассуждая

об эффективности формы программы «студент-студенту» в контексте содействия академическому успеху обучающихся вуза, предлагает рассматривать студенческое наставничество как специфическую модель взаимодействия, при которой обучающиеся с аналогичным опытом выполняют роль менторов, оказывая поддержку подопечному в формировании академической идентичности, совершенствовании учебных компетенций и развитии социальных связей [6]. Автор акцентирует внимание на уникальной роли «равных» менторов, которые, в отличие от преподавателей, находятся на одном уровне с подопечным, что делает их поддержку более доступной и понятной. Е.Г. Гиндес, И.А. Троян, Л.А. Кравченко в своем определении подчеркивают многогранность студенческого наставничества, охватывают широкий спектр целей студенческого наставничества, включая не только академическую адаптацию и укрепление социальных связей, но и формирование гражданской идентичности [3]. В настоящей работе данная форма наставничества рассматривается как процесс взаимодействия между студентами, направленный на оказание академической, социальной и профессиональной поддержки.

С учетом значимости наставничества среди сверстников исследователи сосредоточили значительное внимание на изучении его функций и положительного влияния в контексте образовательной среды. Е.А. Зуенко представляет результаты реализации программы проекта «Студенческое наставничество. Следуй за мной», осуществлённого в Беловском политехническом техникуме. Автор отмечает, что *«благодаря реализации проекта, адаптация первокурсников к новым условиям обучения прошла успешнее»*, что демонстрирует эффективность данной методики [3].

Положительным примером реализации студенческого наставничества служит опыт Южно-Уральского государственного университета [5]. Студенты старших курсов, выступающие в роли тьюторов, оказывают поддержку иностранным студентам с момента их прибытия в Россию. Они содействуют в оформлении необходимых документов, знакомят с городской инфраструктурой, проводят экскурсии по университетскому кампусу, информируют о культурных особенностях России и способствуют установлению социальных связей. Реализация данного проекта значительно облегчает процесс адаптации иностранных студентов и способствует укреплению межкультурного взаимопонимания.

Школа студенческого наставничества в ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» (ЮГУ) представляет собой структурированную программу, направленную на поддержку иностранных студентов ВО и слушателей подготовительного отделения в адаптации к университетской среде, развитии их академических, социальных и культурных навыков. Программа реализуется в рамках образовательного модуля «Деятельностные практики», целью которого является получение первичных профессиональных навыков у студентов первого курса очной формы обучения и продолжается в течение всего учебного года.

Создание и внедрение школы включали в себя следующие этапы:

1. Подготовка условий для запуска программы (информирование, определение ресурсов).

2. Отбор наставников среди студентов первого курса очной формы обучения путем проведения выборной кампании (преимущественно рассматривались студенты, владеющие языком общения иностранных студентов/слушателей и способных оказать психологическую и академическую помощь).
3. Обучение потенциальных наставников среди студентов первого курса очной формы обучения путем проведения консультационных встреч и организации серии межкультурных тренингов со старшими наставниками в лице опытного преподавателя, сотрудников в сфере международного сотрудничества и специалистов учебно-воспитательной работы в течение месяца.
4. Формирование и организация работы наставнических пар или групп с мониторингом и поддержкой, которая подразумевает содействие в адаптации к учебной и социальной среде, помощь в решении возникающих бытовых и академических вопросов, а также поддержку в развитии коммуникативных навыков и культурного обмена.
5. Завершение программы с оценкой эффективности и поощрением участников. Форматы организации учебных занятий и тренингов охватывали групповые и индивидуальные занятия, проведение мероприятий в онлайн и офлайн режимах, применение ролевых игр, тематических семинаров, а также форматов дискуссий и обмена опытом.

На основе обработки данных обратной связи, предоставленных иностранными студентами, школа студенческого наставничества сыграла решающую роль в успешной их интеграции, предоставляя академическую, социальную и культурную поддержку. Взаимный характер наставничества также принес пользу студентам-наставникам, повышая их лидерские качества и культурную осведомленность. В целом, такие программы способствуют формированию поддерживающего сообщества, которое обогащает опыт обучения в учебном заведении для иностранных студентов и способствует их академическому и социальному успеху.

Литература

1. Борзова Т.А. Роль наставничества в профессиональном становлении студентов // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1 (110).
2. Гиндес Е.Г., Троян И.А., Кравченко Л.А. Наставничество в высшем образовании: концепция, модель и перспективы развития // Высшее образование в России. 2023. № 8–9.
3. Зуенко Е.А. Организация студенческого наставничества в техникуме // Образование. Карьера. Общество. 2021. № 4 (71).
4. Интернет-портал «Русский век». URL: https://ruvek.mid.ru/news/inostrannaya_molodezh_vse_chashe_vybiraet_rossiyu_dlya_polucheniya_obrazovaniya/
5. Официальный сайт ФГАОУ ВО «ИОУрГУ (НИУ)». Наставник для иностранных студентов в ИОУрГУ: опыт и перспективы. URL: <https://www.susu.ru/ru/news/2024/07/03/nastavnik-dlya-inostrannyh-studentov-v-opyt-i-perspektivy>
6. Collier P. Why peer mentoring is an effective approach for promoting college student success // Student Peer Mentoring. 2017. Vol. 28. № 3.

Мотивация студентов в моделях межкультурного взаимодействия: социокультурный и психологический ракурсы

Зверовская Я.П.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

zverovskayayp@mgppu.ru

Межкультурное взаимодействие становится неотъемлемой частью жизни современной молодёжи, особенно в студенческой среде, поэтому его успешность во многом определяется уровнем мотивации участников – их стремлением и готовностью вступать в контакт с носителями иной культуры и преодолевать барьеры понимания. Мотивация в данном контексте понимается как динамический процесс, возникающий в ответ на потребность и побуждающий личность менять свое поведение [5].

Исследования подтверждают, что высокая мотивация способна компенсировать многие трудности и даже отсутствие выдающихся способностей. К примеру, мотивированный студент достигает успехов в межкультурном обучении и общении быстрее, чем менее мотивированный [5].

Социокультурный аспект мотивации в межкультурном взаимодействии предполагает анализ влияния социальной и культурной среды на формирование мотивации к такому общению. На неё влияют ценности общества, образовательная политика, культура учебного заведения и характер предыдущего опыта.

В условиях глобализирующегося образования и формирования поликультурной образовательной среды растет потребность студентов в изучении языков и общении с представителями других культур, что требует дополнительной стимуляции, которая сможет активизировать познавательные процессы и обеспечит успешную коммуникацию. Внедрение культурологического контекста в процесс обучения: знакомство с традициями и ценностями, повышает интерес студентов к межкультурному взаимодействию [2].

Именно знание языка играет особую роль в готовности студентов к межкультурному взаимодействию, поскольку отсутствие должных языковых компетенций затрудняет процесс налаживания контакта между представителями разных культур. Именно поэтому мотивация к изучению языка тесно связана с мотивацией к самому общению. В контексте данной идеи выделяют два типа мотивов [1]:

- Интегративная мотивация предполагает стремление проникнуть в сообщество носителей, стать «своим», понимать и разделять образ жизни. Студент с такими мотивами хочет установить дружеские отношения и участвовать в диалоге.
- Инструментальная мотивация базируется на прагматических целях – диплом, карьера, академическая или профессиональная выгода.

Оба вида мотивов сосуществуют в студенческой среде, но, согласно исследованиям, их соотношение различается: в технических вузах преобладают

инструментальные установки, в то время как интегративные мотивы обеспечивают более высокий уровень владения языком и межкультурной компетентности, что более свойственно гуманитарным вузам [4].

Социокультурные условия обучения могут усиливать либо ослаблять мотивацию, поэтому если среда поощряет межкультурное сотрудничество, то у студентов растёт интерес к взаимодействию. Обычно в учебных учреждениях реализуются международные проекты, обучение по обмену, курсы медиации. Неблагоприятная среда напротив формирует враждебность или дискриминацию, которые ведут к замкнутости и избеганию межкультурного взаимодействия. Таким образом, социокультурный подход акцентирует внимание на внешних факторах мотивации: образовательной среде, общественном мнении, группе сверстников и доступности контактов.

Показательны результаты эксперимента зарубежных исследований, где группа студентов прошла практику в другой стране: помимо роста их языковой и коммуникативной компетентности, исследователи зафиксировали существенный подъём мотивации к дальнейшему их изучению, а также установление ряда личных межкультурных дружеских контактов. Следовательно, мотивация в межкультурных моделях на социокультурном уровне выступает и как результат успешной адаптации, и как предпосылка для новых контактов.

С психологической точки зрения, мотивация рассматривается как внутренний побудительный механизм, связанный с потребностями, эмоциями, ценностями и установками личности. Психологический ракурс в моделях межкультурного взаимодействия фокусируется на том, почему человек стремится к взаимодействию с представителями иных культур, какие индивидуально-психологические особенности это стремление усиливают или тормозят. Здесь на первое место выходят такие компоненты мотивационной сферы, как внутренняя и внешняя мотивация, уверенность в своих силах и тревожность [6]:

- Внешняя обусловлена вознаграждениями или выгодами.
- Внутренняя мотивация проявляется как интерес к многообразию, стремление узнавать новое ради самого процесса, поэтому для вовлечения студентов в межкультурную коммуникацию она более ценна.
- Согласно теории управления тревогой и неопределённостью, эффективное взаимодействие возможно при оптимальном уровне тревожности: сильный страх блокирует общение, при этом полное его отсутствие невозможно. В таком случае мотивация проявляется в готовности преодолевать дискомфорт ради взаимодействия.
- Вера в себя позволяет успешно функционировать в новой культурной среде, положительно коррелируя с мотивацией к интеграции. К примеру, уверенный студент легче идёт на контакт, даже при наличии барьеров, неуверенный может избегать общения. Именно поэтому в современной поликультурной среде все чаще проводятся тренинги, включающие игровые методы работы и обратную связь.

Обобщая психологический ракурс, можно сказать, что мотивация в межкультурных моделях выступает как внутренний двигатель, определяющий инициативность и настойчивость личности в межкультурном общении. При этом психологический компонент мотивации пронизывает все этапы формирования межкультурной компетенции: от зарождения интереса и первых попыток общения до формирования устойчивой готовности эффективно взаимодействовать с носителями другой культуры [3]. Рассмотрение роли мотивации в моделях межкультурного взаимодействия с социокультурного и психологического ракурсов позволяет глубже понять механизмы коммуникации. Социокультурный аспект показывает значимость внешних условий, а психологический акцентирует внимание на внутренних стимулах. Современные исследования в студенческой среде подтверждают, что оптимальная модель – это синтез: создание таких социальных условий, которые поддерживают внутреннюю мотивацию учащихся.

Литература

1. Ковалева К., Герасименко Э. Особенности мотивации обучения иностранным языкам // International scientific and practical conference world science. 2020. № 4 (256).
2. Семенчук Ю.А. Повышение мотивации студентов к формированию межкультурной компетенции // Вестник науки Сибири. 2016. № 1 (20).
3. Хухлаев О.Е., Гриценко В.В., Дагбаева С.Б. [и др.] Межкультурная компетентность и эффективность межкультурного взаимодействия // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 1.
4. Царева Е.Е. Особенности развития межкультурной коммуникации студентов инженерного вуза в условиях зарубежной производственной практики // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 6.
5. Reeves S., Panteleeva M. Role of Motivation in Learning a Second Language for Intercultural Competence Development // Teacher Education – IFTE 2017: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2017.
6. Zheng H. et al. Intercultural interaction willingness: a PLS-PM approach to influencing factors and its mediation effect // Palgrave Communications. 2024. Vol. 11. № 1.

Музыка в тренинге межкультурной коммуникации

Звонова Е.В.

ФГБОУ ВО РГСУ, Москва, Россия
zevmgpi@rambler.ru

В практической деятельности психолога тренинг выполняет важную роль метода обучения в ситуации активного взаимодействия и общения участников. Целью тренинга выступает поиск и формирование просоциальной,

индивидуально принимаемой формы поведения [5]. В программах тренинга широко используются различные методы, приемы и средства организации деятельности [1], а также создаются условия для активизации саморефлексии. В основе тренинга заложен продуктивный посыл междисциплинарных связей социальной, возрастной и педагогической психологии [6]. В тренинге межкультурной коммуникации теоретический блок составляет семиотика и семиотический анализ культурных артефактов (в нашем случае, музыки) разных культур.

Эффективность тренинга определяется, во-первых, ясной, обоснованной и научно оправданной теоретической позицией, которая диктует выбор психологических механизмов, запускаемых в процессе проведения тренинга; во-вторых, ясным представлением о цели, данное в понятиях поведения, имеющего заданные, планируемые и диагностируемые характеристики [4].

В тренинге межкультурной коммуникации основным психологическим механизмом выступал процесс символизации, который представлен в двух аспектах. Первый был связан с теоретической моделью типов культурно-исторического мышления, которые определяли тип символизации разных культур, создающие определенную, типичную для данного способа познания и фиксации его результатов, модель мира. В этом ракурсе каждое музыкальное произведение выступало как мини-модель познавательной активности и социальных взаимоотношений определенной культуры [3].

Второй аспект был связан с внутренней само перестройкой познавательной стратегии. Поскольку каждый человек впитывает хронотоп собственной культуры, определенные представления о пространстве и времени [7], а также обучается способам их фиксации, взаимодействие с другими культурами представляет необходимость расширения собственной познавательной стратегии. Данное расширение может выступать или на начальном уровне как допущение иных значимых способов организации мира человека, или, на высоком уровне, не просто принятия, но использования всех типов символизации в собственной познавательной активности, что позволяет органично «транслироваться» в иное культурное измерение, понимать, взаимодействовать и создавать иную реальность.

Тренинг межкультурной коммуникации значительно шире, чем просто метод формирования умений взаимодействовать с представителями других культур. Наличие межкультурной компетенции является в современном культурном пространстве «порталом в иной мир», открывающий бесконечные варианты новых комбинаций и новых созидательных идей. Работа с музыкальными символами как с интегрирующим продуктом познавательного опыта разных культур, позволяет активизировать познавательную деятельность и эмоциональное состояние участников тренинга.

Содержательно тренинг межкультурной коммуникации строился на следующих положениях:

1. необходима актуализация знаний, накопленных в процессе эволюции гуманитарных дисциплин через призму социальной психологии, это позволяет

систематизировать и суммировать информационный компонент в контексте типологии культур, что соответствует принципу фундаментализации образования [2];

2. музыкальное произведение декодируется в рамках культурно обусловленной знаково-символической системы и рассматривается как символично представленная ситуация социального взаимодействия;
3. необходима максимальная активность участников тренинга. Рекомендуется создавать для участников возможность высказаться, спорить, размышлять, что реально в ситуации использования психотехники (эмпатии, кларификации, майевтики, интерпретации, психотехника выбора). Музыкальное произведение становится символично представленным субъективным переживанием или эмоциональным диалогом.

Последовательность заданий тренинга позволяет погружать участников в поэтапно представленные ситуации, которые опосредствованы с помощью знаково-символических систем разных культур.

Эффективность проведенных занятий оценивается в процессе посттренингового сопровождения группы в ракурсе сформированности умений оперировать символами разных культур, что возможно реализовать через определенный промежуток времени после окончания тренинга.

Литература

1. Вачков И.В. Метафора как средство психологической работы в тренинге с педагогами // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2015. № 5.
2. Володарская Е.А., Володарская И.А. Фундаментализация образования как основа позитивного имиджа науки в обществе // European Social Science Journal. 2018. № 1.
3. Звонова Е.В. Символизм музыкального искусства как средство социального познания в межкультурной коммуникации. Дисс. ... докт. психол. наук. М., 2025.
4. Звонова Е.В., Егорова А.А. Приемы управления символизации в социально-психологическом тренинге // Мир психологии. 2022. № 3 (110).
5. Петровская Л.А. Общение-компетентность-тренинг. Избранные труды. М., 2007.
6. Степанова В.В. Толстых Н.Н. Междисциплинарные связи социальной, возрастной и педагогической психологии: ресурсы развития // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1.
7. Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. М., 2018.

Кросс-культурное исследование представлений о надежде у разных религиозных групп (на примере православных и мусульман)

Ивенков В.Э.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

vadimivenkov98@gmail.com

Нынешний век характеризуется активным усилением межкультурного взаимодействия, вызванного процессами глобализации. Новые вызовы, обусловленные межкультурным обменом в различных сферах человеческой деятельности, требуют адекватных ответов. В этом контексте особенно актуальным становится исследование психологических феноменов с учётом их культурной и религиозной обусловленности. Особое значение приобретает изучение представлений о надежде, поскольку данный психологический и философский концепт выступает важнейшим источником мотивации, способствующим преодолению жизненных трудностей.

Надежда, как психологическая категория, играет ключевую роль в осмыслении внутреннего мира человека. Она не только способствует преодолению трудностей, но и помогает обрести смысл жизни и достичь психологического благополучия. Изучение надежды открывает возможности для разработки эффективных методов психологической помощи, направленных на восполнение и укрепление внутренних ресурсов личности. В философском измерении надежда отражает многогранность человеческого опыта, соединяя элементы веры, прогнозирования будущего и поиска смысла в условиях нестабильности и неопределённости.

В православной традиции надежда понимается не как ожидание материальных благ, но как глубокое упование на Бога и Его милость. Она помогает верующему преодолевать жизненные испытания, бороться с грехом и падшей природой, а также сохранять твёрдую уверенность в наследовании вечной жизни. При этом надежда не является пассивным ожиданием, а выражается в активном действии.

Для мусульман надежда представляет собой обязательное качество верующего. Она не должна вести к пассивности или бездействию, напротив – именно надежда мотивирует к совершению благих поступков и исполнению предписаний ислама. При этом она должна находиться в равновесии со страхом («хавф»), что помогает сохранять ответственность за свои поступки и осознавать их духовные последствия.

Целью нашей работы является проведение кросс-культурного эмпирического исследования представлений о надежде у православных и мусульман. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при разработке программ психологической поддержки и консультирования с учётом культурных и религиозных особенностей клиентов. Кроме того, полученные данные могут быть полезны для

совершенствования межкультурного диалога, направленного на укрепление общественной сплочённости и снижение конфликтов между различными культурными и религиозными группами.

Эмпирические методы исследования включали анкетирование с использованием адаптированных методик: «Шкала надежды» Ч. Снайдера (адаптация К. Муздыбаева, 1999), «Шкала религиозности» Г. Олпорта (адаптация Д.М. Чумакова, 2015), а также проведение теста диспозиционного оптимизма М. Шейера (адаптация Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина, 2021).

Эмпирическая часть исследования охватила 88 респондентов (62 православных и 26 мусульман). Кросс-культурный анализ подтвердил гипотезу о сходстве представлений о надежде: статистически значимых различий в уровнях диспозиционной надежды и оптимизма между православными и мусульманами выявлено не было, что позволяет рассматривать данные конструкты как универсальные личностные ресурсы. В то же время у мусульман отмечены более высокие показатели внутренней религиозности и индекса религиозности, что, вероятно, связано со спецификой исламской социализации. Корреляционный анализ выявил слабую положительную связь между компонентами надежды («сила воли» и «способность находить пути») у мусульман, а также связь между внутренней и внешней религиозностью у православных, что отражает различия в структуре религиозного опыта.

Таким образом, надежда и оптимизм проявляются как универсальные ресурсы человеческой личности, не зависящие напрямую от религиозной принадлежности. В то же время обнаруженные различия подчёркивают важность учёта культурно-религиозного контекста при анализе взаимосвязи духовных и личностных характеристик.

Литература

1. *Снайдер Ч.* Шкала надежды / адаптация К. Муздыбаева. М., 1999.
2. *Олпорт Г.* Шкала религиозности / адаптация Д.М. Чумакова. М., 2015.
3. *Шейер М.* Тест диспозиционного оптимизма / адаптация Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина. М., 2021.

Особенности психолого-педагогического сопровождения детей-мигрантов в общеобразовательных учреждениях ХМАО-Югры

Каверина В.А., Миронов А.В.

ФГБОУ ВО ЮГУ, Ханты-Мансийск, Россия

Миграционные процессы являются одной из ключевых характеристик современного общества. По данным международных организаций, а также российских исследователей, количество мигрантов в мире продолжает

увеличиваться, и значительную их часть составляют семьи с детьми школьного возраста. Для России данная проблема имеет особую актуальность в силу её геополитического положения и экономического развития [1, с. 244]. В ряде регионов фиксируется значительный приток трудовых мигрантов и членов их семей. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра является одним из таких регионов. Его социально-экономическая привлекательность, связанная с топливно-энергетическим комплексом, обуславливает постоянный поток миграции. В результате общеобразовательные школы округа ежегодно принимают значительное количество детей, для которых русский язык не является родным, а нормы и ценности российского общества во многом отличаются от привычных им культурных моделей.

Образовательные учреждения региона оказываются в центре процессов межкультурного взаимодействия. С одной стороны, школа – это ресурс интеграции и социализации ребёнка. Она формирует у него новые социальные роли, способствует усвоению норм и ценностей, обеспечивает обучение и воспитание. С другой стороны, дети-мигранты сталкиваются с комплексом трудностей, связанных с необходимостью усвоения нового языка, освоения культурных традиций, выстраивания отношений с педагогами и сверстниками [6, с. 651]. Эти трудности проявляются в эмоциональной неустойчивости, повышенной тревожности, снижении учебной мотивации и даже в формировании негативного отношения к образовательному процессу.

Теоретический анализ зарубежной и отечественной литературы показал, что социально-психологическая адаптация детей-мигрантов – это многокомпонентный процесс, включающий биологический, психологический, социальный и культурный уровни [2; 4; 5; 7]. Успешность адаптации зависит от сочетания внешних условий (школа, общество, семья) и внутренних факторов (мотивация, копинг-стратегии, эмоциональная устойчивость ребёнка) [3, с. 56]. В условиях ХМАО-Югры, где многонациональный состав образовательной среды особенно выражен, особое значение приобретает комплексное психолого-педагогическое сопровождение, включающее работу с ребёнком, его семьёй и педагогами.

Эмпирическое исследование, проведённое в школах города Ханты-Мансийска, было направлено на выявление особенностей социально-психологической адаптации детей-мигрантов младшего школьного возраста и апробацию программы психолого-педагогического сопровождения. В исследовании приняли участие 22 ребёнка в возрасте от 7 до 10 лет, представлявшие четыре этнические группы. Данный возраст был выбран в силу его особой значимости для формирования учебной мотивации и коммуникативных навыков, а также потому, что именно в младшем школьном возрасте ребёнок наиболее уязвим к влиянию стрессовых факторов, сопровождающих процесс миграции.

Для изучения уровня адаптированности использовался комплекс диагностических методик, включавший карты педагогического наблюдения, методы экспертной оценки, опросники и специальные инструменты,

предназначенные для исследования нравственных представлений и межличностных установок. Полученные данные позволили зафиксировать ряд трудностей, наиболее характерных для детей-мигрантов. Среди них выделялись высокий уровень тревожности, эмоциональная нестабильность, затруднения во взаимодействии со сверстниками, недостаточная учебная мотивация и низкая способность к саморегуляции. Выявленные особенности стали основой для разработки психолого-педагогической программы «Адаптация+», направленной на социализацию и адаптацию детей-мигрантов в процессе их включения в образовательное пространство.

Программа состоит из 19 занятий, проводившихся в групповой форме. В работе применялись игровые методы, арт-терапевтические приёмы и тренинговые техники, что обеспечивало постепенное вовлечение детей в совместную деятельность и формировало поддерживающую атмосферу. Занятия были ориентированы на снижение эмоционального напряжения, развитие эмпатии и коммуникативных умений, формирование позитивного отношения к учебному процессу, а также укреплению навыков саморегуляции.

Формирующий этап исследования показал, что реализация программы «Адаптация+» способствовала положительной динамике по большинству параметров адаптированности. Сопоставление данных, полученных до и после проведения занятий, выявило значительное снижение уровня тревожности и эмоциональной напряжённости ($t=2,22$, при $p<0,05$). Дети, которые ранее демонстрировали замкнутость и избегали взаимодействия, стали более открытыми в общении, легче вступали в контакт со сверстниками и педагогами, проявляли большую устойчивость в эмоционально сложных ситуациях. Наряду с этим фиксировался рост учебной мотивации ($t=2,94$, при $p<0,05$). Если на начальном этапе у детей отмечалось пассивное отношение к учебному процессу, нежелание выполнять задания и низкая концентрация внимания, то после завершения программы многие учащиеся стали проявлять интерес к образовательной деятельности, чаще демонстрировали инициативу и стремились к сотрудничеству с учителем. Существенные изменения произошли в сфере нравственных представлений и социальных умений ($t=2,39$, при $p<0,05$). В начале исследования значительная часть детей испытывала трудности в понимании и принятии правил коллективной деятельности, однако после завершения программы они демонстрировали более устойчивые социальные установки, активнее участвовали в совместных формах работы, проявляли эмпатию и ответственность. Положительная динамика прослеживалась и в развитии навыков саморегуляции ($t=2,81$, при $p<0,05$): дети становились менее импульсивными, стремились контролировать свои эмоции и проявляли большую выдержку в ситуациях фрустрации.

Таким образом, в ходе проведенного эксперимента была доказана эффективность программы «Адаптация+», как средства психолого-педагогического сопровождения детей-мигрантов в условиях полиэтнической образовательной среды города Ханты-Мансийска. Целенаправленная и системная работа,

основанная на комплексном использовании психологических и педагогических методов, обеспечила снижение уровня эмоционального напряжения, повышение учебной мотивации, развитие социально значимых навыков и укрепление взаимодействия семьи и школы. Полученные результаты позволяют рассматривать программу «Адаптация+» как перспективную модель сопровождения, которая может быть масштабирована и внедрена в образовательные учреждения региона.

Литература

1. *Акаев А.А.* Миграция: формы и роль в улучшении качества жизни населения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2.
2. *Гриценко В.В., Шустова Н.Е.* Социально-психологическая адаптация детей из семей мигрантов. М., 2016.
3. *Долгова В.И., Дергачева Р.Г.* Проблемы адаптации детей мигрантов: Монография. М., 2021.
4. *Климова Е.А.* Взаимосвязь социально-психологической адаптированности детей и характеристик детско-родительских отношений в семьях мигрантов: Дис. канд. психол. н. Пенза, 2021.
5. *Макаров А.Я.* Социокультурная адаптация детей мигрантов в образовательной среде (на примере столичного мегаполиса): Автореф. дис. канд. пед. наук. Москва, 2010.
6. *Хамраева Е.А.* Сравнительный анализ проблем и ресурсов в системе образования детей мигрантов (на примере Федеральных округов Российской Федерации) // ПНИО. 2022. № 1 (55).
7. *Osman F.* Longing for a sense of belonging – Somali immigrant adolescents' experiences of their acculturation efforts in Sweden // International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being. 2020. № 15.

Содержание этнической идентичности членов Московского общества греков в инокультурной среде: гендерный и возрастной контекст

Карев К.А., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
well-go@mail.ru

Вопросы сохранения и изменения этнической идентичности в условиях межкультурного взаимодействия остаются актуальными как для теоретической этнопсихологии, так и для прикладной сферы межкультурного консультирования [3; 4]. В современных условиях этническая принадлежность во многом определяет восприятие человеком собственного психологического состояния и влияет на выбор стратегий адаптации в иной культурной среде.

Особый интерес представляет греческая этнокультурная группа, так как её культурная идентичность в Москве изучена сравнительно мало. В городе

группа представлена общиной, численность которой позволяет проводить исследование особенностей её этнокультурного самосознания в условиях мегаполиса. Личный интерес к деятельности региональной общественной организации «Московское общество греков» (МОГ) связан как с принадлежностью одного из авторов к этому сообществу, так и с исследовательским стремлением глубже понять содержание и формы проявления этнической идентичности её членов.

Цель исследования заключалась в анализе восприятия и выраженности этнической идентичности у участников МОГ, с учетом различий, связанных с полом и возрастом респондентов.

В исследовании приняли участие 32 человека (12 мужчин и 20 женщин) в возрасте от 21 до 53 лет. Методический инструментарий включал опросник позитивности и определённости этнической идентичности [5], адаптированную русскоязычную версию шкалы выраженности этнической идентичности Дж. Финни [5] и полуструктурированное интервью, разработанное с опорой на модель аккультурации Дж. Берри [7].

Анализ количественных данных показал, что большинство участников демонстрируют выраженно позитивное отношение к своей этнической принадлежности, причём данный показатель выше у женщин. У мужчин чаще наблюдалась неопределённость в этническом самоопределении, что может быть связано с более высокой адаптационной нагрузкой и социальной ролью. В старших возрастных группах фиксировалось снижение как позитивности, так и определённости восприятия своей этнической принадлежности, что, вероятно, отражает процессы переоценки ценностей и социальной идентичности в ходе жизненного цикла [6].

Обработка материалов интервью выявила, что этническая идентичность респондентов тесно связана со знанием культурных традиций и символов греческой культуры, а также с потребностью в межпоколенной передаче её ценностей. При этом одни воспринимают культуру как средство сохранения общности, другие – как основу личностной самобытности [1].

Настоящая публикация продолжает линию исследований авторов, посвящённую изучению социально-психологических аспектов сохранения этнической идентичности представителей греческой общины в инокультурной среде [2].

В исследовании подчёркивается важность адаптации консультативных подходов к культурному контексту клиента, особенно с учётом гендерных, возрастных и аккультурационных факторов [4; 8; 7]. Полученные результаты расширяют научную базу по вопросам сохранения этнической идентичности представителей общин, проживающих в инокультурной среде, и могут быть использованы для разработки прикладных программ, направленных на поддержку этнокультурного самосознания и гармоничную интеграцию в многонациональное общество [8].

Литература

1. Барретт М. Развитие этнической идентичности у детей. М., 2010.
2. Карев К.А., Александрова Е.А. К вопросу об изучении социально-психологических аспектов сохранения этнической идентичности в инокультурной среде (на примере Московского общества греков) // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VIII Межд. науч.-практ. конф. памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики». М., 2023.
3. Павлова О.С. Психологическое консультирование мусульман: анализ зарубежных источников // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 3.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум. М., 2013.
5. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросс-культурной психологии: учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 2011.
6. Тэйфел Г., Тернер Дж. Теория социальной идентичности. СПб., 2008.
7. Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology. 1997. Vol. 46. № 1.
8. Pedersen P.B., et.al. Counseling Across Cultures. Thousand Oaks, 2015.

Динамика этнической идентичности студенческой молодёжи в Республике Молдова

Кауненко И.И.

Независимый Международный Университет Молдовы (ULIM)
Кишинёв, Республика Молдова
irina.caunenco@gmail.com

Хорозова Л.Ф.

Комратский государственный университет
Комрат, Республика Молдова
larisahorozova@yandex.ru

Исследование динамики этнической идентичности и базовых убеждений молодёжи различных этнических групп представляет основу для прогнозирования стратегий социальных практик в условиях межэтнического взаимодействия.

Цель — проанализировать динамику этнической идентичности студенческой молодёжи разных этнических групп (молдаван, украинцев, русских, болгар и гагаузов) (2013 г.; 2024–25 г.г.). Изучить базовые убеждения студенческой молодёжи разных этнических групп в условиях транзитивного общества

В данном случае мы представим эмпирические результаты по группам молдаван и гагаузов. *Объект* исследования – этническая идентичность студенческой молодёжи. *Выборка* составила 160 респондентов. Возрастной состав – 19–25 лет. Социальный статус: студенты, магистранты университетов г. Кишинёва, г. Комрата (АТО Гагаузия); период исследования – 2013, 2024–2025 гг. Этническая группа – молдаване, гагаузы. *Методы исследования*: Диагностический тест отношений (ДТО) [3]; Шкала базовых убеждений [4, с. 44–47]. Для оценки доминирующего типа направленности стереотипов

по методике ДТО применялись непараметрические критерии: критерий Фридмана (Friedman ANOVA) и Т-критерий Вилкоксона (Wilcoxon test). Для обработки данных использовались статистические пакеты IBM SPSS Statistics.

В своём исследовании мы исходили из того, что этнические стереотипы представляют опору этнической идентичности, и одной из их важнейших функций является позитивно ценностная дифференциация собственной группы, поддержание позитивной групповой идентичности. Однако, при изменении отношений между группами и социокультурной ситуации, стереотипы могут трансформироваться. Базовые убеждения личности являются одним из важных ресурсов адаптации к социокультурным изменениям в обществе [5, 113–136; 1, с. 99–118; 2, с. 12–18].

Результаты эмпирического исследования.

В обеих выборках молодёжи молдаван, гагаузов (2013 г.; 2024–25 г.г.) был выявлен положительный автостереотип, что свидетельствует о позитивной самоидентификации на групповом уровне. У молодёжи гагаузов обеих выборок гетеростереотип молдаван, русских позитивный. У молодёжи молдаван обеих выборок гетеростереотип русских также положительный. У обеих групп выявлены высокие показатели амбивалентности по автостереотипам и гетеростереотипам, и наиболее низкие показатели по «идеалу». У молодёжи молдаван при сопоставлении направленности (D) автостереотипа и гетеростереотипа русских не было выявлено статистически значимых различий, что свидетельствует об эмоционально-оценочной близости с группой русских. Аналогичные результаты были получены у молодёжи гагаузов при сопоставлении направленности (D) автостереотипа с гетеростереотипом молдаван, русских (2013, 2024–25).

У молодёжи молдаван статистически значимые различия выявлены при сопоставлении «идеала» и самооценки ($Z = -3,623$; $p = 0,001$), самооценки и автостереотипа ($Z = -3,064$; $p = 0,002$), самооценки и гетеростереотипа русских ($Z = -4,159$; $p = 0,001$). По выборке молодёжи молдаван 2013 г. были получены аналогичные результаты.

У молодёжи гагаузов выявлены статистически значимые различия при сопоставлении идеала и самооценки ($Z = -4593$, $p=0,001$), самооценки и автостереотипа ($Z = -3,974$, $p=0,003$), самооценки и гетеростереотипа молдаван ($Z = -2,959$, $p=0,003$), автостереотипа и гетеростереотипа русских ($Z = -2,464$, $p=0,014$). В выборке молодёжи гагаузов 2013 г. не было выявлено статистически значимых различий между автостереотипом гагаузов и гетеростереотипом русских.

Таким образом, у молодёжи молдаван в обеих выборках выявлена близость автостереотипа молдаван с группой русских, а у гагаузов произошли изменения в этническом стереотипе: в выборке 2013 г. у молодёжи гагаузов была близость на групповом уровне с группой русских (автостереотип и гетеростереотип русских), то уже в выборке 2024 г. – на личностном (самооценка и гетеростереотип русских).

У гагаузов по отношению к группе молдаван в выборке 2025 г. выявлена близость на групповом уровне, в отличие от выборки 2013 г., где между гетеростереотипом молдаван и автостереотипом гагаузов были установлены значимые различия ($Z = -3,968$, $p = 0,014$).

Эмпирическое исследование базовых убеждений позволило установить наличие оптимистического отношения к миру у молодёжи молдаван и гагаузов: благосклонность мира (молдаване – 3,96; гагаузы – 4,02); осмысленность мира (молдаване – 3,74; гагаузы – 4,02); собственная ценность (молдаване – 4,37; гагаузы – 4,10).

Таким образом, анализ эмпирических данных по динамике этнических стереотипов молодёжи молдаван и гагаузов выявил устойчивость позитивной этнической идентичности, а также оптимистическое отношение к миру и к себе.

Литература

1. Гриценко В.В., Резник А.Д., Константинов В.В. и др. Страх перед коронавирусом заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9. № 2.
2. Маслова О.В. Базовые убеждения личности как ресурс межкультурной адаптации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2011. № 3.
3. Солдатова Г.У. Межэтническая напряжённость в современном обществе. М., 1998.
4. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М., 2003.
5. Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct // Social Cognition. 1989. Vol. 7. № 2.

Исследование субъективного благополучия монгольских студентов, обучающихся в России

Керимова И.А.
ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия
i.kerimova@gmail.com

Интернационализация высшего образования является фактом современной реальности. К примеру, в Московском педагогическом государственном университете в настоящее время обучается 2848 студентов из 70 стран мира. Среди проблем, закономерно возникающих в связи со студенческой миграцией, проблема субъективного благополучия студентов, является одной из наиболее актуальных.

Благополучие – комплексное понятие, характеризующееся наличием позитивных эмоций, удовлетворённостью жизнью, душевным равновесием, а также успешной социальной адаптацией и интеграцией [1].

Концепция «субъективное благополучие» получила свое развитие через обширные эмпирические исследования в области психологии счастья

и жизненной удовлетворенности. Интегральную модель данного конструкта представил Э. Динер, в которой субъективное благополучие рассматривается как комплексное явление, которое формируется на основе взаимодействия индивида с его социальным и эмоциональным контекстом, включает в себя переживания счастья и удовлетворенности жизнью [5].

В дальнейшем исследования К. Рифф сместили акцент с субъективного понимания психологического благополучия на объективное и расширили понятие субъективного благополучия, подчеркнув важность таких параметров, как автономия и личностный рост, которые стали ключевыми в определении благополучия как социально-психологического феномена [7].

Этот вопрос также привлекает внимание отечественных исследователей [2; 3].

Монгольские студенты, обучающиеся за границей, вынуждены осваивать язык преподавания, внедрять в свою жизнь образцы поведения, характерные для другой культуры, и устанавливать отношения с людьми, социализированными в совершенно ином контексте. Эти факторы последовательно влияют на уровень субъективного благополучия личности монгольского студента в условиях новой социокультурной среды. Мы предположили, что субъективное благополучие монгольских студентов, обучающихся на родине и в России будет значительно различаться.

Цель исследования: выявить и сравнить уровни субъективного благополучия монгольских студентов, обучающихся в Монголии и в России. Выборку составили 103 человека: монгольские студенты, обучающиеся в Монголии (51 человек) и в России (52 человека), в возрасте от 18 до 25 лет.

Методы исследования: «Шкала психологического благополучия», К. Рифф, (адаптированный вариант на монгольском языке З. Лхамсурэном [6]), «Шкала удовлетворенности жизнью», Э. Динера [5] (адаптирована на монгольском языке Н. Ганбаяр [4]), «Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта» (Д. Уотсон, Л. Кларк, А. Теллеген), стандартизирована в Монгольском национальном институте психологии и психометрики.

Результаты. Монгольские студенты, которые обучаются в России, показывают более высокие значения по уровню удовлетворенности жизнью (335 и 303 соответственно), психологического благополучия (26,5 и 23), позитивного аффекта (36 и 26), чем студенты, обучающиеся в Монголии. Статистически значимые различия выявлены по интегральному показателю психологического благополучия ($p < 0.050$) и по отдельным шкалам: личностный рост ($p < .001$) и цели в жизни ($p 0.040$).

Таким образом, можно увидеть несмотря на то, что студенты учатся и живут вдали от дома, в чужой стране, другой образовательной среде, и, в целом, в другой культуре, они чувствуют себя более благополучными и счастливыми. Они также больше стремятся к личностному росту и установлению жизненных целей, в целом ощущая себя психологически благополучными.

Учитывая традиционность и высокий уровень коллективизма монгольского общества, монгольские студенты, обучающиеся в России, вероятно, имеют

большую свободу самовыражения и самореализации, что отражается в их более высоких показателях личностного роста и осознанности жизненных целей. Тогда как студенты, обучающиеся на родине, испытывают давление традиционных культурных установок, ограничивающих их возможности для самостоятельного целеполагания и, как следствие, снижающих общий уровень психологического благополучия.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* К психофизиологии студенческого возраста // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы / под ред. Б.Г. Ананьева, Н.В. Кузьминой. Л., 1974. Вып. 2.
2. *Шамионов Р.М.* Субъективное благополучие личности: изменчивость и детерминация // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы. Ярославль, 2020.
3. *Леонтьев Д.А.* Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля / Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1.
4. *Ganbayar N.* Өөрийгөө хайрлах нь сэтгэл зүйн сайн сайхан байдалд нөлөөлөх эсэхийг судалсан үр дүн. 2023.
5. *Jebb A., et.al.* Subjective Well-Being Around the World: Trends and Predictors Across the Life Span // Psychol. Sci. 2020. 31(3).
6. *Lkhamsuren Z.* Сэтгэл зүйн сайн сайхан байдлын хэмжүүрийн найдварт болон тохироц чанарын судалгаа. 2020.
7. *Ryff C.D.* Happiness is everything, or is it? Explorations on the Meaning of Psychological Wellbeing // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. № 57.

Взаимосвязь между психологическими особенностями и профессиональной успешностью топ-менеджеров на примере управленцев из России и Китая

Ким О.И.

Независимый исследователь, Москва, Россия
Olgakimltd@gmail.com

Актуальность исследования. В своей работе мы рассматриваем психологические аспекты успешности топ-менеджеров в КНР и России. У обеих стран абсолютно разная история бизнеса, культура управления и мотивация к действиям, но при этом есть и много общего. Исследование актуально для улучшения построения межкультурных взаимоотношений между странами в сфере бизнеса: адаптации подходов в менеджменте с учетом этнокультурных различий стран.

Степень научной разработанности проблемы. Тема разрабатывалась такими российскими учеными, как А.А. Урбанович, С.А. Бобинкин, А.Л. Журавлев, Н.С. Пряжников, Г.А. Суворова, В.Д. Шадриков, М.В. Аборина, О.В. Вовчемис, и зарубежными исследователями: М. Чен, Дж. Чайлд,

М. Локкет, Г. Саймон, Д. Маккеланд, Р. Блейк, Ф. Тан. Несмотря на то, что существует много исследований, изучающих психологию успешного руководителя, литературы, в которой были бы представлены различия в психологических особенностях менеджеров в России и Китае довольно мало, за исключением работ Ф. Тан и О.В. Вовчемис [1; 2].

Цель исследования. Изучение взаимосвязи между психологическими особенностями и профессиональной успешностью топ-менеджеров российских и китайских компаний.

Эмпирическая база исследования. Всего в исследовании приняли участие 36 человек, из них 18 представители РФ и 18 – КНР. Возраст респондентов: 72% (26 респондентов) 35–45 лет, 28% (10 респондентов) 45–55 лет.

Все респонденты занимали высокие позиции топ-менеджеров в торгово-промышленных компаниях и компаниях, занимающихся внешней торговлей. 75% (27 респондента) лица мужского пола, 25% (9 респондентов) женского пола.

У каждого респондента в подчинении от 8 сотрудников; 86% опрошенных имеют более 7 лет управленческого опыта.

Методы исследования. Опрос респондентов осуществлялся на русском и китайском языках с помощью авторской анкеты-опросника для определения степени успешности топ-менеджера по внешним факторам (чистая прибыль, масштабирование компании) и внутренним (личностная оценка своей продуктивности), а также Пятифакторного личностного опросника (Р. МакКрае, П. Коста); методики «Способность к самоуправлению», ССП (Н.М. Пейсахов) и Шкалы общей толерантности к неопределенности, IAS (С. Баднер). Статистическая обработка результатов проводилась в программе SPSS «Statistics» v 7.0; использовался метод корреляционного анализа.

Результаты исследования.

Выявлены статистически значимые различия в личностных особенностях успешных топ менеджеров из Китая и России.

1. Китайские топ-менеджеры больше склонны к подчинению перед собственниками компаний, тогда как российские топ-менеджеры в большей степени склонны к обособленной работе и в меньшей степени проявляют качества «группового игрока».
2. У китайских топ-менеджеров больше ($p \leq 0,01$), чем у российских коллег, выражено понимание других людей.
3. Российские топ-менеджеры больше ($p \leq 0,01$) склонны к самоуважению, чем к уважению других.
4. По основной шкале общей способности к самоуправлению различий по странам нет. Но при этом мы видим следующие различия по субшкалам:
 - Российские управленцы анализируют противоречия больше ($p < 0,05$), чем китайские;
 - Китайские топ-менеджеры более склонны ($p < 0,05$) к прогнозированию;
5. Исследование характерологических особенностей у более успешных топ менеджеров Китая и России по шкале толерантности к неопределенности не выявило каких-то взаимосвязей ($p > 0,05$).

Литература

1. *Вовчемис О.В.* Психологические особенности китайских менеджеров по продажам автомобильных запчастей // The bulletin of the Samara Humanitarian Academy. A series psychology. 2014. Т.16. № 2.
2. *Тан Ф.* Восприятие особенностей взаимодействия руководителей и подчиненных представителями разных поколений в России и Китае: Автореф. дис. канд. психол. наук. Москва. 2018.

Особенности медико-социального сопровождения иностранных граждан, пребывающих в миграции

Коренев Д.А., Барский К.А.

Фонд по профилактике социально-значимых
заболеваний «Шаги», Москва, Россия

ldmitrii.korenev@gmail.com, barskiykirill@gmail.com

Миграционные процессы оказывают значительное влияние на систему здравоохранения и эпидемиологическую ситуацию в принимающих странах. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, мигранты относятся к группе повышенной уязвимости в отношении инфекционных заболеваний, таких как ВИЧ, вирусные гепатиты и туберкулез [1]. В условиях ограниченного доступа к системам здравоохранения люди в миграции чаще сталкиваются с барьерами в получении необходимой медицинской помощи, что усиливает риски распространения социально значимых заболеваний.

Сравнение международного опыта показывает, что большинство государств мира постепенно отказались от практики ограничения прав ВИЧ-положительных иностранных граждан. В большинстве стран не существует запретов на въезд, проживание и трудовую деятельность людей, живущих с ВИЧ. Это соответствует рекомендациям UNAIDS, которые на протяжении многих лет указывают на неэффективность подобных ограничений, как с точки зрения эпидемиологии, так и с точки зрения соблюдения прав человека [4, с. 61]. Однако в Российской Федерации все еще сохраняются подобные жесткие законодательные барьеры. В соответствии со ст. 11 Федерального закона № 38-ФЗ, иностранные граждане и лица без гражданства подлежат депортации при выявлении у них ВИЧ-инфекции, за исключением тех, у кого есть родственники первой линии – граждане РФ. Подобные правовые ограничения не только препятствуют доступу мигрантов к медицинской, психологической и социальной помощи, но и вынуждают их скрывать диагноз и избегать взаимодействия с официальными ведомствами.

Мигранты в России также сталкиваются с множеством иных трудностей, которые препятствуют получению помощи. Языковой барьер и невысокий,

как правило, уровень грамотности не всегда позволяют в полной мере понимать информацию и ориентироваться в незнакомой среде. Культурные особенности и различия могут приводить к сложностям в межличностной коммуникации, недоверию и отказу обращаться за помощью. Большую роль имеет также и экономический фактор – низкий уровень дохода и финансовая нестабильность ведут к смещению приоритета с сохранения своего здоровья на покрытие базовых потребностей. Правовая незащищенность приводит к страху и избеганию взаимодействия во внешней среде. Так, дополнительным барьером становится социальная изоляция: многие мигранты живут большими коммунами и часто подвергаются дискриминации и стигматизации, что усиливает их уязвимость и снижает готовность искать помощь. Все это приводит к поздней диагностике заболеваний и неполучению своевременного лечения [3, с. 11].

Преодоление этих барьеров требует комплексного подхода. Международные рекомендации указывают на необходимость внедрения интегрированных человеко-ориентированных моделей сопровождения, которые учитывают культурные особенности, обеспечивают доступ к информации на родном языке, предоставляют медицинскую помощь, юридическую и социальную поддержку [2, с. 18]. В российском контексте значительная часть этой работы возлагается на некоммерческие организации, поскольку именно они создают пространство, в которое мигрант может безопасно обратиться за помощью. Опыт показывает, что именно деятельность НКО становится ключевым фактором, позволяющим хотя бы частично компенсировать дефицит государственной помощи и существующие барьеры, предоставляя широкий спектр услуг.

Одним из направлений работы благотворительного фонда «Шаги» является предоставление помощи иностранным гражданам, затронутым ВИЧ и другими социально значимыми заболеваниями.

В 2024 году Фондом было оказано более 9000 услуг мигрантам. Из них более 2500 составили консультации социальных работников для 682 уникальных иностранных граждан из 23 стран. Основное число обращений поступило от представителей стран Центральной Азии, но были и граждане из стран Восточной Европы, Африки и Южной Америки. Также 4 благополучателя являлись апатридами, то есть лицами, не имеющими гражданства ни одной из стран. Традиционно мужчины составили основную часть обращающихся – 76%. Большинство мигрантов имели ВИЧ-положительный статус – 475 (69%). Все нуждающиеся были взяты на длительное медико-социальное сопровождение и достигли неопределяемого уровня РНК ВИЧ.

Для оказания эффективной помощи людям, пребывающим в миграции, необходима подготовка специалистов, обладающих не только профильными знаниями, но и межкультурными компетенциями. Социальные работники НКО и специалисты государственных учреждений должны уметь строить доверительное взаимодействие с представителями разных культур, учитывать их традиции и ценности, быть готовыми к работе в условиях высокого уровня тревожности и недоверия. Важными навыками становятся основы психологической

поддержки, способность снижать уровень внутренней и внешней стигматизации, а также знание культурных и правовых аспектов. Только комплексный подход, основанный на гуманности и кросс-культурной чувствительности, ведет к улучшению качества жизни людей. Эта работа является важнейшей не только с гуманитарной, но и с эпидемиологической точки зрения, поскольку позволяет снизить распространение ВИЧ и других социально значимых заболеваний и обеспечить соблюдение права каждого человека на здоровье.

Литература

1. Всемирная организация здравоохранения. Всемирный доклад по охране здоровья беженцев и мигрантов: резюме. Женева. 2022.
2. Международная организация по миграции (МОМ). Разработка государственных программ по охране здоровья мигрантов: обзор международного опыта. 2023.
3. Региональная экспертная группа по здоровью мигрантов / «Ситуационный анализ по вопросам предоставления услуг в связи с ВИЧ для иностранных граждан – мигрантов в РФ». 2021.
4. UNAIDS. Global AIDS Strategy 2021–2026: End Inequalities. End AIDS. Geneva. 2021.

Формирование межкультурной компетентности в УО «Барановичский государственный университет»

Кривуть М.Л.

УО БарГУ, Барановичи, Республика Беларусь
krivut@mail.ru

Распространение идей инклюзивной культуры, открытость научного пространства, Интернет-технологии и технические возможности способствуют тесному межкультурному сотрудничеству в разных сферах образования, экономики, культуры, науки и т.д. В учреждениях высшего образования Республики Беларусь продолжается популяризация партнёрства с вузами ближнего и дальнего зарубежья с целью установления эффективных взаимовыгодных связей для участия в программах сотрудничества в области образования, науки, культуры. Активно реализуются программы академического обмена, научного, культурно-исторического, духовного сотрудничества с учреждениями образования, научными центрами, предприятиями, общественными организациями. На сегодняшний день учреждение образования «Барановичский государственный университет» (далее – БарГУ) сотрудничает более чем с 230 вузами из 26 стран. Следствием этого является рост количества иностранных студентов, получающих высшее образование в БарГУ, а также студентов, участвующих в краткосрочных и длительных программах академического обмена.

Иностранным студентам, не владеющих русским языком, предлагается дополнительная языковая подготовка, предполагающая знакомство с русским языком, культурой, традициями белорусского народа, с историческими местами. Для более быстрой адаптации и включению в образовательный процесс за студентом (студентами) закрепляется преподаватель, как правило куратор студенческой группы, а также ментор – студент-волонтер, который не только при необходимости сопровождает иностранного коллегу, но и знакомит со спецификой национальных корпоративных отношений, досуговой деятельностью, поддерживает в сложных жизненных ситуациях.

Современному специалисту для того, чтобы быть востребованным на рынке труда необходимо владеть достаточно высоким уровнем профессиональной компетентности [1; 2]. Всё чаще в состав профессиональной компетентности исследователи включают межкультурную компетентность [3; 4].

Разделяя позицию А.П. Садохина, определяющего межкультурную компетентность как способность эффективно взаимодействовать с представителями других культур, что предполагает знание культурных особенностей, умение адаптироваться к межкультурным различиям и использовать соответствующую вербальную и невербальную коммуникацию [3], в вузе большое значение придается формированию межкультурной компетентности как в образовательном процессе, так и в воспитательной деятельности. Если образовательный процесс достаточно консервативен, то направления воспитательной деятельности, способствующие формированию межкультурной компетентности, весьма разнообразны. В БарГУ преобладают культурно-творческое, спортивное, экологическое и волонтерское направления.

Культурно-творческое направление включает организацию и проведение межкультурных музыкальных, театральных программ, праздников, дней национальной культуры, участие в деятельности музыкальных коллективов, студий, театра, кружков декоративно прикладного творчества, участие в творческих выставках, конкурсах городского, республиканского и международного уровня. Работа над совместным творческим проектом – это сложная деятельность даже в рамках лиц одной национальности. Межкультурное взаимодействие в творчестве более сложно, однако и продукт данной деятельности всегда интереснее, ярче, эмоциональнее.

Спортивное направление способствует формированию физической культуры будущих специалистов не только в рамках изучения определённых дисциплин, но развития навыков ЗОЖ, исследования национальных видов спорта, выполнения спортивных программ с присвоением разрядов, выступления на соревнованиях разного уровня. Ритуалы, интернациональные вариации подготовки, специфика поведения после побед либо поражений являются лучшим материалом для изучения национальных спортивных характеристик. Подготовка, командный дух, эмпатия, взаимоподдержка не только способствуют формированию спортивного коллектива, но и повышают уровень межличностной коммуникации и межкультурной компетентности.

Цель: сохранить природные экосистемы – объединяет многих студентов разных стран, так как они хорошо понимают, что невозможно быть здоровым там, где загрязнены главные жизненные источники, а ресурсов катастрофически не хватает. В рамках реализации Целей устойчивого развития студенты разных стран объединяются для участия в экологических акциях, экскурсиях, проектах. Активно участвуют в разработке и прохождении экологических маршрутов. Обмениваются опытом национальных, экологических программ, направленных на сохранение биоразнообразия разных регионов планеты, сокращению и переработке отходов, учёту экологического компонента при разработке новых проектов и материально-технических продуктов.

В последние годы среди иностранных и отечественных студентов растёт популярность участия в волонтерской деятельности. Как правило, это социальное волонтерство, направленное на помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Волонтёры организуют акции, разрабатывают образовательные, культурно-творческие, спортивные программы и посещают с ними детей из домов интернатов, в том числе для детей с инвалидностью, и социальных приютов.

Мероприятия всех направлений воспитательной работы БарГУ способствуют не только профессиональной компетентности, но личностному развитию каждого участника независимо от этнических, культурных, религиозных и других особенностей.

Литература

1. *Барышникова И.Е.* Профессиональная компетентность: виды, структура и современные подходы // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 3.
2. *Колбасова Л.О.* Профессиональная компетентность в современном социальном пространстве // Вестник ОГУ. 2009. № 7(101).
3. *Садохин А.П.* Межкультурная компетентность как социокультурный феномен. Калуга, 2008.
4. *Целоева Д.А.* Межкультурная компетенция как элемент профессиональной компетентности будущего педагога-лингвиста // МНКО. 2019. № 3 (76).

Миграционные намерения и региональная идентичность жителей посёлка городского типа Красная Горбатка

Кривцова А.С., Парушина А.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
krivcovaas@mgppu.ru, Sascho@mail.ru

Современные исследователи отмечают, что приверженность месту оказывает влияние на миграционные настроения людей в той или иной локации. Насколько человек психологически благополучен, удовлетворен жизнью в том месте, где он жил с рождения или же прожил значительную часть жизни в течение длительного времени, — исследование этих аспектов и их связь с миграционными настроениями поможет выявлению и решению психологических трудностей человека, группы людей.

Отметим, что даже в тех населенных пунктах, где есть увлеченные и инициативные люди, развивающие социальные возможности для жителей села, существует проблема отъезда жителей. Привычно утверждается, что это происходит из-за объективных причин — в малых городах, в посёлках сложно найти работу. Молодежь покидает родные места и едет в крупные города, в нашем случае в Москву, Владимир, Нижний Новгород, осуществляя переезд в крупные города и агломерации.

Массовый отъезд может не только негативно сказаться на психологическом состоянии конкретных людей, семей, но повлечь последствия для всего местного сообщества, которое дисгармонизируется, страдая от оттока жителей. Также можно предположить, что не все уехавшие найдут работу и жилье на новом месте. Например, кто-то из покинувших малую родину, возвращается, не добившись желаемых результатов. Кто-то устраивается в большом городе на работу, которая не соответствует его способностям и запросам, в результате, человек страдает от нереализованности, несмотря на отъезд, который до этого, вероятно, воспринимался как шаг к самореализации, экономической независимости. Субъективные факторы отъезда — это, в том числе установки, представления об успехе, которого можно добиться только в крупном городе. Возникают вопросы — насколько эти представления соответствуют реальности, как они влияют на восприятие родного места, где родился и вырос, или, наоборот, есть что-то, что может удержать человека от отъезда. Существует ли приверженность месту и с чем она связана, влияет ли на эту приверженность визуальный (и не только визуальный) образ места, где вырос, ассоциации, закрепившиеся именно в этом месте, детское запечатление. Возможно, существуют какие-то смысловые конструкты, идеи, убеждения, которые все же заставляют человека сознательно или подсознательно стремиться в родные места, если все же уехал, или удерживают его от отъезда, если он еще не принял такого решения.

Для этого необходимо выяснить направленность миграционных установок членов местного сообщества. Кроме того, у людей, которые не уехали, могут срабатывать не только механизмы, связанные с желанием остаться жить в родном посёлке, но и механизмы, связанные со страхом перемен, с избеганием проблем в будущем, даже если их мало что держит на их малой родине. Если же люди испытывают чувство привязанности к родным местам, то насколько это чувство важно при выборе уезжать или оставаться, что определяет это чувство, а также установки, ценности, убеждения в отношении малой родины? Что людям необходимо для повышения индекса субъективной удовлетворенности жизнью, если они решили оставаться здесь, какие позитивные или же негативные факторы удерживают их от отъезда?

Цель исследования: изучить содержание региональной идентичности и миграционных намерений, подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу о связи идентичности с местом и миграционных намерений жителей определенной локации.

Объект исследования: феномены региональной идентичности и миграционных настроений личности.

Предмет исследования: связь региональной идентичности и миграционных намерений жителей поселка Красная Горбатка Владимирской области.

Общая гипотеза исследования: существует отрицательная связь между степенью выраженности региональной идентичности жителей посёлка Красная Горбатка и их миграционными намерениями: чем выше идентификация себя с местом, где человек живет с рождения или длительное время, а также с местным сообществом, тем ниже его намерения уехать в другой город или регион.

Теоретическую основу исследования составляют принципы анализа и синтеза, концепция планируемого поведения Айзена, концепция эмиграционного поведения Н.В. Муращенковой, В.В. Гриценко, М.Н. Ефременковой [1; 2; 4], теория приверженности своей стране С.В. Фроловой [7], результаты исследований Ж.Ж. Ромашевой [5], А.В. Трифионовой [6] и др.

Методы сбора эмпирической информации: анонимный опрос, включающий блок вопросов, касающихся идентичности с местом [3], и блок вопросов о миграционных намерениях [4], а также демографические данные респондентов.

Методы обработки результатов исследования: описательная статистика, корреляционный анализ.

Результаты исследования.

1. По выборке в части миграционных намерений наиболее высокое среднее значение выявлено для показателя «Воспринимаемый контроль в отношении миграции». Он составляет 4 – выше среднего уровня 3 (с учётом 6-балльной системы оценивания утверждений). С учетом того, что большинство респондентов, давшие отрицательные оценки утверждениям о благоприятности миграции, тем не менее, положительно оценили утверждения из шкалы контроля в отношении миграции, можно утверждать, что люди в выборке

уверены в себе, готовы переехать в случае необходимости, даже если у них очень низкий уровень миграционных намерений.

Остальные показатели миграционных намерений по выборке ниже среднего уровня, что свидетельствует о невысоком уровне миграционных намерений у опрошенных людей. Следует также учесть, что большинство респондентов – более двух третей выборки из 60 человек – дали отрицательные оценки утверждений о желательности миграции, относительно усредненные показатели среднего сложились только благодаря нескольким респондентам, которые дали полярно положительные оценки утверждениям о желательности и правильности переезда (6), а также оценки 4 и 5.

Кроме того, самым низким показателем является показатель поведения по реализации миграционного намерения – 2,23. Таким образом, даже среди тех респондентов, которые положительно относятся к миграции, мало людей, готовых активно действовать. Аттитуды в отношении миграции – 2,70, это показатель, наиболее приближенный к среднему уровню, утверждения шкалы аттитудов около трети респондентов оценили положительно (оценки 4, 5, 6): «Для меня решение переехать жить в другой город в ближайшие пять лет – умное (16 чел.) /приятное (18 чел.) /полезное (20 чел.)». Т. е. примерно около трети респондентов имеют социальные представления о том, что переезд для них – правильный и желаемый выбор.

2. По выборке в части региональной идентичности получены значения показателей выше среднего уровня.

Вера в возможности и чувство принадлежности к посёлку – выше среднего уровня, однако это наиболее низкий показатель, 2,9. Т. е. оценки утверждений, касающихся веры в возможности в посёлке, оказались несколько ниже по выборке. Например, в отличие от других утверждений по этой шкале, утверждение «Я вижу, что в поселке создаются новые возможности» набрало почти половину отрицательных оценок». При этом всего 16 респондентов дали отрицательную оценку утверждения по той же шкале: «Про жителей Красной Горбатки можно сказать, что их объединяет привязанность к своему посёлку». То есть, результаты по отдельным вопросам этой шкалы довольно контрастные, у людей сложное отношение к поселку в этой части утверждений.

Некоторые респонденты также не верят, что могут повлиять на ситуацию в посёлке, поэтому по шкале личного вклада в жизнь поселка показатель немного ниже 3,19. Однако значительная часть респондентов, в свою очередь, считает свой вклад значимым. Мнения жителей также несколько контрастны по этой шкале, например, 25 респондентов не согласились с утверждением, что в развитии посёлка есть их вклад, не считают, что их активность что-то меняет в жизни посёлка – 26 респондентов из 60.

По мнению 50 респондентов из 60 (оценки 4,5,6), поселок обладает уникальностью – показатель среднего значения по выборке – 3,56. Люди ценят место, в котором живут.

В целом можно отметить, что показатели региональной идентичности у жителей, участвующих в опросе, довольно высокие, хотя они не всегда верят в возможности посёлка и в значимость своего личного вклада. Но ответы показывают, что опрошенные жители, во-первых, эмоционально привязаны к поселку – 3,65, и, во-вторых, самым высоким показателем по выборке выявлено по шкале планирование будущего – 3,69. То есть, жители посёлка не только эмоционально привязаны к этому месту, но и связывают с ним свое будущее.

3. Выявлены статистически значимые отрицательные связи между показателями миграционных намерений и региональной идентичности: чем выше миграционные намерения, тем ниже региональная идентичность респондентов ($p < 0,01$). Иными словами, люди с более высоким уровнем эмиграционных намерений в меньшей степени чувствуют себя частью этого места, а те, кто хочет остаться, не планирует переезд и не задумывается о нем, чаще испытывают чувство принадлежности, привязанности к месту проживания. Это доказывает, что основная гипотеза исследования полностью подтверждается. Однако выявлены и исключения: по шкале воспринимаемого контроля в отношении миграции значимая корреляция со всеми шкалами блока региональной идентичности не выявлена. Кроме того, не обнаружено значимой корреляции между шкалой воспринимаемых норм в отношении миграции и шкалой личного вклада в жизнь посёлка. Эти данные согласуются с не очень высоким уровнем веры опрошенных в то, что они могут повлиять на жизнь в посёлке, что уже было выявлено при анализе средних значений по выборке.
4. При сравнении двух наиболее представленных в выборке возрастных групп, от 26 до 40 лет и от 41 до 60 лет, выяснилось, что различия между показателями этих групп нет. Люди этих возрастных категорий одинаково относятся к переезду и у них примерно равный уровень региональной идентичности. Эти результаты интересны тем, что они противоречат сложившемуся мнению о большей приверженности к месту у людей старшего возраста по отношению к более молодым людям, у которых также принято констатировать более высокую мобильность и показатели миграционных намерений.

Литература

1. Гриценко В.В., Муращенкова Н.В., Ефременкова М.Н. Представления смоленских студентов о мотивах эмиграции современной российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9. № 4(36).
2. Ефременкова М.Н. и др. Представления о настоящем и будущем страны как фактор эмиграционной активности студенческой молодежи: кросс-культурный анализ // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 1.
3. Литвина С.А., Муравьева О.И. Опросник идентичности с городом: разработка, проверка надежности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018 Т. 8. № 1.

4. *Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н.* Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений студенческой молодежи: кросс-культурный анализ. М., 2023.
5. *Ромашева Ж.Ж.* Эмиграционные установки молодежи северных и южных регионов Казахстана в зависимости от индивидуальных ценностей // *Min-bar. Islamic Studies*. 2021. № 14(3)
6. *Трифонов А.В.* Роль локальной идентичности и воспринимаемого контекста в психологическом благополучии русских Эстонии // *Культурно-историческая психология*. 2021. № 17(4).
7. *Фролова С.В.* Смыслообразование эмиграционных намерений // *Вестник Самарской гуманитарной академии*. 2006. № 2 (5). Выпуск «Психология».

Исследование взаимосвязи этнической идентичности и ценностно-смысловой сферы личности бурятских, калмыцких и тувинских студентов

Кудинов С.С., Шевельденева Б.С.

РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

kudinov-ss@rudn.ru, 1132226619@pfur.ru

Влияние глобализации на социокультурные процессы оказывает глубокое воздействие на традиционные ценностные системы и этническое самосознание современной молодежи. Наиболее выражено данная тенденция проявляется среди представителей коренных народов (буряты, калмыки, тувинцы), чья этническая идентичность формируется в тесной связи с религиозными и культурными традициями. Нарушение этнокультурной преемственности может провоцировать дезадаптационные явления и затруднять формирование жизненных стратегий. В этой связи изучение взаимосвязи структуры этнической идентичности и системы ценностных ориентаций у студенческой молодежи представляет значительный научный и практический интерес для психологии личности и кросс-культурных исследований.

Этническая идентичность интерпретируется как комплексный психосоциальный конструкт, формирующийся в процессе интериоризации культурных норм и ценностных ориентаций конкретной общности [4]. Ценностно-смысловая сфера личности определяется как система устойчивых убеждений, детерминирующих жизненные цели, поведенческие стратегии и экзистенциальные смыслы [1]. Теоретический анализ позволил сформулировать гипотезу о наличии значимых взаимосвязей между компонентами этнической идентичности и аксиологическими ориентациями личности, обусловленных как универсальными тенденциями, так и культурно-исторической спецификой.

В эмпирическом исследовании приняли участие 90 студентов (равномерно представленных бурятской, калмыцкой и тувинской этническими группами)

в возрасте 18–25 лет. Диагностический комплекс включал: методику «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатов, С.В. Рыжова) [3], тест смысловых ориентаций (Д.А. Леонтьев) [1] и методику диагностики социально-психологических установок (О.Ф. Потемкина) [2].

Статистический анализ данных осуществлялся с применением описательной статистики, однофакторного дисперсионного анализа (параметрического и непараметрического), апостериорных сравнений и корреляционного анализа с использованием коэффициента Спирмена.

Результаты дисперсионного анализа не выявили значимых межгрупповых различий по показателям смысловых ориентаций, что свидетельствует о сходстве базовых экзистенциальных установок в студенческой среде. Однако анализ по методике О.Ф. Потемкиной показал статистически значимое различие по шкале «Свобода» ($F=2.880$, $p=0.044$). Пост-хок анализ (Геймса-Хауэлла) подтвердил более высокие показатели ориентации на свободу у тувинских студентов в сравнении с бурятскими студентами ($p=0.025$).

Корреляционный анализ выявил значимые связи между параметрами этнической идентичности и ценностными ориентациями: позитивная корреляция между позитивной этнической идентичностью и ориентацией на свободу ($r=0.200$, $p=0.032$); положительная связь ориентации на результат с этноизоляционизмом ($r=0.245$, $p=0.008$); корреляция ориентации на власть с этноизоляционизмом ($r=0.234$, $p=0.011$) и национальным фанатизмом ($r=0.194$, $p=0.037$). Обнаружена парадоксальная положительная связь между альтруизмом и этнонигилизмом ($r=0.238$, $p=0.010$).

Интерпретация результатов свидетельствует о сложном характере взаимосвязей между компонентами этнической идентичности и структурой ценностно-смысловой сферы. Выявленная положительная корреляция между позитивной этнической идентичностью и ориентацией на свободу указывает на сопряженность гармоничной формы этнического самосознания с ценностью личной автономии, что соответствует современным представлениям о балансе между культурной принадлежностью и открытостью к межкультурному взаимодействию.

Корреляции инструментальных ценностей с формами гиперидентичности могут отражать стратегии инструментального использования этничности как ресурса для достижения личных целей. Парадоксальная связь альтруизма с этнонигилизмом потенциально указывает на формирование этнической идентичности, основанной на универсальных гуманистических принципах.

Этноспецифические различия в ценностных профилях отражают влияние как традиционных культурных паттернов, так и процессов аккультурации. Сохранение позитивной этнической идентичности при усвоении современных ценностей свидетельствует об успешных стратегиях культурной адаптации как важном факторе психологического благополучия.

Проведенное исследование подтвердило сложный характер взаимосвязей между этнической идентичностью и ценностно-смысловой сферой личности.

Выявленные этноспецифические особенности подчеркивают важность учета культурного контекста при разработке программ психологического сопровождения и образовательных стратегий в условиях поликультурной среды.

Литература

1. *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 5.
2. *Потемкина О.Ф.* Методы диагностики социально-психологических установок личности // Методы психологической диагностики. Т. 1. М., 1993.
3. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
4. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2014.

Развитие межкультурной компетентности в организациях «будущего»

Лобанова Т.Н.

РАНХиГС, Москва, Россия
Lobanova.tatiana@gmail.com

В современной научной литературе существуют разные трактовки термина «компетентность». В контексте организационного дизайна «компетентность» означает обладание работниками компетенцией или знаниями, позволяющими судить о чем-либо. А.К. Маркова к основным видам компетентности относил специальную (в основном профессиональную), социальную, личностную и индивидуальную [4, с. 107–111]. Социальная компетентность объединяет в себе лингвистический, информационный, социально-культурный и др. компоненты. Для формирования и развития межкультурной компетенции важную роль играет именно социокультурный компонент, который представляет собой готовность и способность партнеров по коммуникации к ведению диалога на основе знаний собственной культуры и культуры партнера [6, с. 129].

Процессы формирования договоренностей и последующие коммуникации между руководством и сотрудниками, между представителями разных поколений, религиозных культур, политических пристрастий становятся самым ценным активом, а зачастую ключевым фактором выживания, роста и развития организаций «будущего».

По определению Г. Хэмела и Ф. Лалу, «организация будущего» – это гибкая, адаптивная и инновационная структура, которая использует современные технологии, ориентируется на устойчивое развитие и ставит во главу угла человеческий капитал. Такие организации способны быстро реагировать на изменения внешней среды, внедрять новые подходы к управлению и создавать ценность для сотрудников, клиентов, общества и окружающей среды [2; 7]. Один из подходов к феноменологии «организаций будущего» обозначен

Ф. Лалу через выделение трех главных инструментов развития компаний: самоуправления, целостности и эволюционной цели [2].

Наиболее ценным активом в организациях будущего являются **люди**. По отношению к людям в компаниях будущего формируется культура доверия, инноваций и совместной работы, благоприятная атмосфера для обмена знаниями, для поддержания самостоятельности и целостности сотрудников [5, с. 36]. Формирование такой культуры невозможно без развития межкультурной компетентности персонала.

Так, например, для полноценного внедрения самоуправления в компании – интернет-провайдере автору как организационному консультанту потребовалось провести профессиональные тренинги по межкультурным коммуникациям, организовать работу различных Комитетов без руководителей, обеспечить прозрачную информацию внутри компании и возможность открытых заявлений об обязательствах сотрудников друг перед другом. Ценностью в развитии межкультурной компетентности для персонала такой организации будущего явилось то, что через регулярные совместные встречи сотрудники стали лучше понимать работу коллег, быстрее решать вопросы и реализовывать инициативы. Только за счет этого количество абонентов компании увеличилось на 25%.

Необходимость развития межкультурных коммуникаций в IT-компаниях, разрабатывающей программные решения для заказчиков, была связана рисками «провала» дорогостоящих проектов из-за сложностей отношений между разработчиками и тестировщиками. Для «выращивания» совместных команд, повышения их эффективности, вовлеченности и качества коммуникаций в компании был создан «учебный лагерь» – место, где разработчики готовились работать вместе с тестировщиками. Развитие межкультурной компетентности здесь включало согласование ценностей участников, подбор интересных задач из «бэклога» компании, обратную связь от наставников. Во время обучения сотрудники знакомились с принципами компании, процессом работы и проходили систему оценки. Для перехода в производство сотруднику необходимо было сдать все аттестации по межкультурным компетенциям и получить оценку наставника. Компания ввела в правило регулярное измерение таких межкультурных метрик, как психологическая безопасность и надежность коммуникаций, структура и ясность, смысл и значение изложения, оценка результативности взаимодействия.

Еще одной из особенностей развития межкультурной компетентности в организациях будущего является умение коммуницировать с клиентами. Клиентократия – это система управления компанией «от заказчиков к исполнителям», где ценности клиента обеспечиваются системой обещаний от сотрудников клиенту. Так, например, одна из московских медицинских клиник только за счет изменения подхода к своему бизнесу в сторону «пациентократии», увеличила среднегодовую прибыль на 20%.

Примером развития межкультурной коммуникации в практике самоуправления является и торговая компания в Алтайском крае, которая реализует

регулярные встречи функциональных, междифункциональных, проектных команд, ассортиментных комитетов в магазинах, круглых столов «Как мы служим клиенту?», встреч с представителями других поколений – пенсионерами и подростками. При этом количество инициатив в компании возросло за 2024 год в 5,5 раз, что позволило компании не только избежать потерь на логистике и бизнес-процессах, но и заработать.

Приведенные в данной статье примеры из практики организационного консультирования автора показывают тот эффект, который дает развитие межкультурной компетентности в организациях будущего, реализующих подходы самоуправления, социократии, клиентократии, горизонтального лидерства.

Безусловно, существуют сложности и ограничения в развитии межкультурной компетентности организаций, такие как ментальность отдельных руководителей и сотрудников, ориентированных на указания «сверху», страх излишнего «либерализма», потери «лица» или контроля над компанией, дискомфорт неопределенности и нечеткости. Вместе с тем, подобные риски можно минимизировать за счет пилотных межкультурных проектов обучения сотрудников и внедрения гибридных моделей коммуникаций [3].

Перспективность работы социальных психологов в области межкультурных коммуникаций в организациях увеличивает количество «счастливых компаний» [1], усиливает экономический потенциал страны и повышает ее «индекс счастья».

Литература

1. *Базаров Т.Ю., Крымов А.А.* Счастливая компания: секреты практической психологии. М., 2023.
2. *Лалу Ф.* Открывая организации будущего. М., 2017.
3. *Лобанова Т.Н.* Трудовые интересы в информационном обществе: монография. М., 2023.
4. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М., 1996.
5. *Разгуляев В.* Бирюзовое управление на практике: Опыт российских компаний. М., 2020.
6. *Садохин А.И.* Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 1.
7. *Хэмел Г.* Менеджмент XXI века: Новые открытия // Управление производством. Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 03.07.2011. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4246>

Кросс-культурные особенности обучения китайских студентов в вузах Беларуси

Лямин Д.П.

БНТУ, Минск, Республика Беларусь
d.turizm@yandex.ru

В настоящее время, в период активного развития рынка образовательных услуг, особую актуальность приобретают возможности привлечения в учебные заведения иностранных студентов. Это обусловлено как экономическими причинами, так и политическими аспектами, направленными на расширение социальных, культурных, а в перспективе и дипломатических связей не только конкретного вуза, но и страны в целом [2]. Кроме того, совместное обучение с иностранными студентами стимулирует развитие международных связей между университетами, организацию совместных проектов и обмен опытом, что повышает конкурентоспособность государственных образовательных учреждений на международном уровне. Для иностранного студента приезд в другую страну, дальнейшее обучение в вузе, имеющем свои устоявшиеся традиции и правила, предполагает сложный процесс адаптации. Необходимо не только адаптироваться к новой культуре, но и привыкнуть к особенностям процесса обучения, к взаимодействию с представителями принимающей стороны [1].

Однако обучение иностранных студентов в вузах сопряжено с рядом психологических трудностей, обусловленных различиями в культуре, воспитании, социальном опыте, а также восприятии учебного процесса. В основном это связано с такими проблемами, как:

- наличие языкового барьера и когнитивных трудностей восприятия материала. Даже при высоком уровне знания языка, студентам приходится адаптироваться к специфике терминологии и академического стиля речи, что создает дополнительную нагрузку на восприятие и обработку информации;
- культурные различия и адаптация к новой социальной среде. Студентам из-за рубежа необходимо привыкнуть к другой образовательной системе, социальным нормам поведения, традициям и обычаям страны пребывания. Эти различия могут вызывать стресс, неуверенность и даже депрессию, влияя на мотивацию и успеваемость. Адаптационный период может занять значительное время, что замедляет процесс освоения программы;
- особенности менталитета и подходов к обучению. Различия в национальных моделях воспитания и организации образовательного процесса приводят к конфликтам ожидания преподавателя и студента относительно уровня самостоятельности, инициативности и ответственности учащихся;
- эмоциональная нестабильность и повышенная тревожность. Процесс адаптации зачастую сопровождается эмоциональными перегрузками, связанной с разлукой с семьей, друзьями, привычной социальной средой. Ощущение

одиночества, тревоги и неопределенности негативно сказывается на психоэмоциональном состоянии, снижает эффективность обучения;

- проблемы социальной интеграции и межкультурного общения. Необходимо преодолеть социальные и когнитивные стереотипы, коммуникативные барьеры, найти новых друзей и создать предпосылки для эффективного взаимодействия с однокурсниками. Недостаточная социальная поддержка усиливает чувство изоляции и ухудшает общий уровень удовлетворенности жизнью и учебой.

На основе опыта работы с китайскими студентами, а также проведенных опросов в учебных группах можно сделать некоторые выводы, которые следует учитывать при выборе, как методики преподавания, так и структуры занятия. Следует понимать, что китайская культура традиционно высоко ставит авторитет преподавателя. Китайские студенты ориентированы на заучивание материала, жесткий контроль, и авторитарный подход, поэтому они ожидают четких инструкций и строгого контроля, при этом демонстрируют уважение к преподавателю. Следовательно, преподаватель должен проявлять уверенность в себе, в обязательном порядке демонстрировать компетентность и требовательность. Необходимо учитывать, что система оценки знаний в Китае основана преимущественно на экзаменах и тестировании. Для значительной части китайских студентов высокие баллы являются главным показателем успеха, и это формирует отношение к учебе, ориентированное на получение высоких отметок, а не на знание изучаемой дисциплины. Кроме того, многие китайские студенты воспринимают лекционные занятия как единственный источник информации, ожидая подробного изложения преподавателем всех нюансов изучаемой темы. В ходе учебного процесса целесообразно постоянно мотивировать их на самостоятельное изучение дополнительной литературы и различных интернет-ресурсов профессиональной направленности, организуя коллективное обсуждение изученного самостоятельно материала. Одним из ключевых элементов успешного учебного процесса для китайских студентов является дисциплина одним. Они, как правило, соблюдают порядок, правила посещения занятий, сдают вовремя выполненные задания и внимательно относиться к требованиям преподавателей. Однако если преподаватель не проявляет требовательности, уровень дисциплинированности группы может значительно снизиться уже через полгода обучения в вузе.

Таким образом, для того, чтоб добиться успешного усвоения материала, особенно на начальном этапе обучения, необходимо учитывать культурные традиции и особенности системы обучения иностранцев, слабое знание языка, особенно профессиональной лексики. Электронные переводчики зачастую не могут правильно перевести некоторые слова, что может сильно исказить информационную составляющую. Конечно, в современном вузе сложно обеспечить индивидуальный подход к каждому иностранному студенту, однако при проведении занятий следует принимать во внимание особенности восприятия ими учебного материала, исходя из особенностей их системы образования.

Литература

1. *Апасова М.В., Кулагина И.Ю.* Условия адаптации иностранных студентов в ВУЗах // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 4.
2. *Вершинина И.А., Курбанов А.Р., Панич Н.А.* Иностранные студенты в России: особенности мотивации и адаптации // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6.

Потенциал гражданской идентичности как фактора просоциального поведения молодёжи

Ляпина Т.Е., Гуриева С.Д.
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Tlyapina2001@bk.ru, s.gurieva@spbu.ru

Введение. Просоциальное поведение, определяемое как широкая категория действий, призванных приносить пользу другому человеку, социальной группе, обществу [7, с. 366], вызывает значительный интерес психологов благодаря положительным социальным эффектам: оно укрепляет доверие к миру, повышает уровень счастья [3, с. 24–25] и др.

Рассматривающие его исследования позволили установить, что просоциальные стратегии чаще применяются по отношению к близким или тем, кто идентифицируется как близкий по различным основаниям [6, с. 6–7]. Показано, что люди более склонны помогать представителям своей группы [5, с. 816], что имеет позитивные последствия в условиях однородности сообщества. Однако помощь членам собственной группы может сопровождаться проявлениями внутригруппового фаворитизма и дискриминацией представителей других групп: с ними реже сотрудничают, их интересами пренебрегают для достижения собственной выгоды [8, с. 245–286].

Именно развитие крупной общей идентичности (или над-идентичности), как восприятия принадлежности к сообществу, объединяющему как собственную группу индивидов, так и смежные внешние группы, может быть ключом к преодолению негативных феноменов. В рамках мультикультурного государства такую роль может играть гражданская идентичность как установка человека на принадлежность к сообществу граждан (народу) определённой страны, ее культуре. Например, было показано, что развитие общей идентичности у индийских граждан способно снижать напряжение и повышать просоциальность даже среди конфликтующих религиозных групп [4, с. 17–18].

Изучение факторов сплоченности общества особенно актуально для России, потому мы предлагаем подробнее рассмотреть потенциал российской гражданской идентичности как фактора просоциального поведения молодёжи.

Методы. В выборку были включены 355 респондентов ($N = 355$) в возрасте от 18 до 35 лет ($M = 22.78$, $SD = 3.65$), из которых 298 женщин (83.94%), 57 мужчин (16.06%).

Выраженность гражданской идентичности измерялось при помощи методики «Идентификация с человечеством» (IWAH) С. МакФарленда в адаптации Т.А. Нестика [2, с. 157–167]. Для измерения показателей форм просоциального поведения применялась методика «Измерение просоциальных тенденций» в адаптации Н.В. Кухтовой [1, с. 19–20]. Социально-демографические характеристики респондентов были отражены в анкете.

Анализ проводился в программе JASP 0.19.3. Применялись методы описательной статистики, проводился анализ надежности шкал (коэффициент ω -Макдоналда), проверка гипотезы проводилась с помощью методологии моделирования структурными уравнениями.

Результаты. Установлено, что гражданская идентичность достоверно связана со всеми формами просоциального поведения: связи с конформным, анонимным, экстремным, эмоциональным и альтруистическим просоциальным поведением были умеренными, а с публичным – слабыми. Обнаруженные паттерны корреляций позволяют предположить, что предпочтительным в сознании людей является скрытое оказание помощи.

Выводы. Сила обнаруженной связи позволяет заключить, что гражданская идентичность как над-идентичность имеет потенциал для повышения помогающих тенденций в отношении широкого круга лиц, включающего сограждан различной этнической, религиозной принадлежности и пр.

На практике полученные результаты можно использовать в педагогическом и социально-политическом процессе, при планировании комплекса мер, направленных на популяризацию просоциального поведения в российском обществе, с целью повышения групповой сплоченности и взаимной заботы в мультикультурном сообществе.

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032600013-2 «Моделирование устойчивых конструктов гражданской идентичности российской молодёжи как механизма трансфера духовно-нравственных ценностей».

Литература

1. Кухтова Н.В., Доморацкая Н.В. Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи: теоретические основы и методики изучения. Витебск, 2011.
2. Нестик Т.А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // ИПРАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4.
3. Carattini S., Roesli M. Trust, happiness, and pro-social behavior // Centre for Climate Change Economics and Policy. 2020. № 376.
4. Charnysh V., Lucas C., Singh P. The ties that bind: National identity salience and pro-social behavior toward the ethnic other // Comparative Political Studies. 2015. V. 48. № 3.
5. Fowler J.H., Kam C.D. Beyond the self: Social identity, altruism, and political participation // The Journal of politics. 2007. V. 69 № 3.

6. *Padilla-Walker L.M., Carlo G., Memmott-Elison M.K.* Longitudinal change in adolescents' prosocial behavior toward strangers, friends, and family // *Journal of Research on Adolescence*. 2018. V. 28. № 3.
7. *Penner L.A., Dovidio J.F., Piliavin J.A., Schroeder D.A.* Prosocial behavior: Multilevel perspectives // *Annu. Rev. Psychol.* 2005. V. 56. № 1.
8. *Singh P.* Subnationalism and Social Development // *Inside countries: Subnational research in comparative politics*. 2019. V. 31.

Меры профилактики распространения насильственной радикализации среди молодежи

Майский Д.О.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kudelit@gmail.com

Социальные программы – важный инструмент улучшения общества, позволяющий влиять на широкие слои населения быстрее, чем индивидуальная работа. Однако опыт Р. Нисбета и С. Росса показывает, что без учёта глубоких социально-психологических причин такие усилия могут оказаться неэффективными [5]. Поэтому важно тщательно продумывать специфику программ, подбирать инструменты, которые действительно принесут пользу, иначе добрые намерения могут обернуться негативными последствиями.

Целеполагание играет ключевую роль. М. Розенберг отмечает, чтобы воздействие было ненасильственным, нужно ответить на два вопроса: «Что мы хотим, чтобы человек сделал?» и «По каким причинам человек будет делать то, чего мы хотим?» [4]. Ограничившись лишь первым вопросом, и проводят назидательные беседы («радикализм – плохо»), которые не меняют поведения, вызывают лишь неискреннее согласие и раздражение. Ключ к успешному воздействию – понимать мотивы и потребности самой молодежи и строить цель так, чтобы она была разделяемая всеми сторонами. А также выражать свои цели на языке позитивных действий. Говорить то, что мы хотим получить, а не то, чего мы не хотим.

В работе с молодежью важно учитывать, что молодые люди ценят автономию. У. Миллер и С. Роллник предупреждают, что прямое ограничение свободы вызывает реактивное сопротивление и снижает эффективность мер [3].

Прежде, уточним, о каком радикализме речь. О.В. Сакаев отмечает, что после террористических актов конца XX – начала XXI века понятие «радикализация» стало синонимом экстремизма и терроризма [6]. Так, радикализацию, в рамках многих программ, определяют как рост экстремистских убеждений, ведущих к терроризму. Сгребание под одну гребенку терроризм, экстремизм и радикализм, следовательно, и меры по профилактике оных, только способствует неэффективному расходованию ресурсов. Это в свою очередь только увеличивает риски развития насильственной радикализации.

Существенный недостаток программ в том, что сложно оценить эффективность их мер в условиях недостатка эмпирических данных о природе современного радикализма. С 1980-х остаётся актуальной цитата А. Шмида и А. Йонгмана о том, что по контртерроризму написано много на основе мало-го числа исследований [7].

Имеет место переосмысление радикализации как процесса изменения убеждений и поведения, противоречащее статус-кво, подавляющему альтернативные цели и способы их достижения. Поэтому следует говорить о работе именно с насильственной радикализацией или радикализацией в насильственный экстремизм.

А. Круглански и соавторы подчёркивают какую роль в радикализации играет *контрфинальность*: чем больше выбранный способ противоречит альтернативным целям, тем больше он воспринимается как подходящий для главной. Пример – суицидальный бомбист (подрыв это способ), который ставит во главу угла служение высшему благу (основная цель), забывая о ценности жизни (альтернативная цель). Ведущим мотивом радикализации, в том числе и насильственной, авторы называют поиск значимости, уважения, ценности и смысла [8].

Процесс де-радикализации ими рассматривается, как обратный: восстановление альтернативных целей и снижение приверженности основной идеологической цели или средствам (насилию и терроризму) для достижения этой цели. Например, человек может разочароваться в поведении своих лидеров и товарищей, начать сомневаться в том, что деятельность организации (способ) действительно служит высоким идеологическим целям. Вследствие, работа по профилактике насильственной радикализации заключается в разоблачении эффективности, моральной или религиозной оправданности насилия, как к ведущими к обретению значимости и уважения [там же].

Следовательно, в работе с молодёжью важно показывать многогранность мотивов и ценных сфер их жизни. Психотерапия стремится развить поведенческую гибкость, чтобы человек не становился заложником одной «любимой стратегии». В случае радикализации акцент стоит смещать на ценности и жизненные цели молодежи, выявляя, какие из них укрепляются, а какие утрачиваются.

Имеющийся опыт показывает, что такие инструменты психотерапевтической практики, как оценка преимуществ и недостатков, вполне применимы и к оценке эффективности насилия как средства достижения. В их рамках предлагать ненасильственные пути, конкретизируя каждый этап, чтобы отмечать достигнутое, закрепляя ощущения контроля над жизнью. Такой подход осуществляется в философии сократической майевтики, где участники взаимодействия вместе приходят к выводам.

Немаловажен фактор разочарования из-за неспособности достижения целей законным путём. Отношение к собственным эмоциям чуть ли не ключевая тема в работе с психологом, следовательно принципы и средства таких подходов, как Терапия эмоциональных схем Р. Лихи [2] или Эмоционально-фокусированная терапия С. Джонсон [1], будут наиболее эффективными

вариантами решений. Обучающими не только тому, как человеку справляться со стрессом и негативными эмоциями, но и как лучше взаимодействовать с людьми, достигать с ними близости и взаимопонимания.

В заключении, широта программ, предлагаемых заинтересованными лицами, открывает большой путь для выбора средств по улучшению общественного мира, а социально-психологические модели, проверенные в исследованиях, помогут отобрать те из них, которые будут наиболее соответствовать нашим нуждам при работе с молодыми людьми. Если мы хотим достичь изменений в их взглядах и поведении нам самим важно держать в уме какого конкретно ответа и реакции мы хотим от них получить. С обратной стороны, для этого необходимо узнать, что молодым людям нужно услышать, чтобы решить для себя насколько им подходит то, что мы предлагаем.

Литература

1. *Джонсон С.* Чувство любви. Новый научный подход к романтическим отношениям / Пер. с англ. М., 2020.
2. *Лихи Р.* Терапия эмоциональных схем. СПб., 2022.
3. *Миллер У., Роллик С.* Мотивационное консультирование / Пер. с англ. М., 2017.
4. *Розенберг М.* Ненасильственное общение в конфликтах и разногласиях: Говорить мирно в мире, полном конфликтов / Пер. с англ. М., 2022.
5. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии / Пер. с англ. М., 1999.
6. *Сакаев В.Т.* Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе // Антиномии. 2021. № 2.
7. *Dalgaard-Nielsen A.* Violent Radicalization in Europe: What We Know and What We Do Not Know // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2010. 33(9).
8. *Kruglanski A.* The Psychology of Radicalization and Deradicalization: How Significance Quest Impacts Violent Extremism. // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35.

О мерах, реализуемых в сфере защиты национальных меньшинств, развития их языка и культуры в Азербайджанской Республике

Мамедова И.О.

АГПУ, г. Баку, Азербайджан
elchin_mamedzade@hotmail.com

Культура национальных меньшинств и этнических групп, проживающих на территории Азербайджана, охраняется и активно развивается как неотъемлемая часть общей национальной культурной среды. Государственная политика целенаправленно направлена на сохранение и поддержку их культурного наследия, художественных традиций, обычаев, ритуалов и языков, что позволяет обеспечивать преемственность культурных ценностей и формирование

инклюзивного общества. Азербайджан, являясь полноправным членом Совета Европы, последовательно руководствуется положениями «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств», демонстрируя приверженность международным стандартам защиты прав этнических сообществ. Важно подчеркнуть, что представители национальных меньшинств, малочисленных народов и этнических групп обладают равными правами в соответствии с их профессиональной квалификацией и компетенциями, без какой-либо дискриминации. Для эффективной реализации этих прав создаются всесторонние условия, предотвращаются любые действия или бездействия, способные их нарушить, а также придается особое значение рассмотрению заявлений и жалоб граждан, обеспечивая своевременное и справедливое принятие решений [1].

Государственные указы Азербайджанской Республики возлагают на Администрацию Президента, Кабинет Министров, профильные министерства и ведомства, а также на руководителей местных органов исполнительной власти комплексную ответственность за реализацию государственной поддержки, проведение целенаправленной государственной политики в следующих областях:

- сохранение и развитие культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств, малочисленных народов и этнических групп;
- соблюдение национальных традиций и обычаев, полная свобода религиозных обрядов и ритуалов, а также сохранение и использование мест поклонения;
- свободное развитие национального мастерства, профессионального и любительского творчества, народного искусства и культурных инициатив;
- охрана и сохранение историко-культурных памятников всех народов;
- защита и поддержание мест, заповедников, парков и других природных объектов, представляющих ценность для населения.

При Министерстве культуры и туризма Азербайджанской Республики функционирует Координационный Совет национальных меньшинств, который координирует деятельность по защите прав, развитию культуры и сохранению традиций этнических групп. В Национальной академии наук создан специализированный отдел, занимающийся изучением языка, культуры, истории и этнографии национальных меньшинств, что обеспечивает научное сопровождение государственной политики в этой области. В Баку наряду с мечетями действуют католические церкви и синагоги, что демонстрирует мультикультурную и религиозную толерантность в обществе.

Азербайджан активно присоединяется к международным конвенциям, подтверждающим приоритет защиты прав национальных меньшинств. Министерство культуры и туризма организует в Баку фестивали искусств национальных меньшинств под девизом «Азербайджан – родная земля», направленные на сохранение культурного наследия и укрепление межкультурного диалога. Среди ключевых мероприятий выделяются Международный джазовый фестиваль в Баку, демонстрирующий многообразие джазовых стилей; Фестиваль «Мир Мугама», посвященный традиционному азербайджанскому музыкальному

искусству мугама; Фестивали граната и яблок, отражающие народные праздники и сельскохозяйственные традиции; Фестиваль искусств «Девичья башня» и мероприятия, посвященные выдающимся композиторам Узеира Гаджибекова, Кара Караеву и Мстиславу Ростроповичу. В рамках этих фестивалей публикуются материалы, посвященные азербайджанской этнической музыке, проводятся научные конференции и фотовыставки, демонстрирующие быт, традиции и культурное наследие национальных меньшинств [2]. Министерство образования ежегодно обеспечивает национальные меньшинства учебниками и методическими пособиями, своевременно обновляя их в соответствии с образовательными стандартами.

Международное признание политики Азербайджана в отношении национальных меньшинств подтверждается оценками соответствующих организаций. Так, на конференции ОБСЕ в Вене правительственная делегация представила доклад о состоянии образования национальных меньшинств, отметив, что их права защищены, а образовательные возможности обеспечены [3].

Таким образом, государственные мероприятия на национальном и международном уровнях способствуют укреплению межкультурного диалога, повышению международного престижа страны и формированию национальной солидарности. Азербайджан демонстрирует пример гармоничного сосуществования различных этнических и религиозных групп, подтверждая возможность мирного взаимодействия большинства и меньшинства в едином культурном пространстве.

Государственная политика Азербайджанской Республики в сфере защиты национальных меньшинств направлена на сохранение и развитие их культурного, языкового и религиозного наследия. Создаются всесторонние условия для реализации прав представителей этнических групп, обеспечивается недопустимость дискриминации и соблюдение принципов равенства. Институциональная структура поддержки национальных меньшинств включает работу Координационного совета при Министерстве культуры и туризма, специализированного отдела при Национальной академии наук, а также ежегодное обеспечение учебными материалами через Министерство образования, что обеспечивает системный и комплексный подход к решению вопросов сохранения культурного и образовательного потенциала меньшинств.

Культурные мероприятия, такие как фестивали искусств национальных меньшинств, международные музыкальные и этнические фестивали, фотовыставки и научные конференции, способствуют укреплению межкультурного диалога, сохранению традиций и популяризации культурного наследия среди широкого круга населения и международного сообщества.

Азербайджанский опыт демонстрирует успешное сочетание национальной политики и международных стандартов защиты прав меньшинств, включая присоединение к европейским и международным конвенциям. Это повышает международный престиж страны и укрепляет национальную солидарность. В целом, меры, реализуемые в Азербайджане, формируют пример гармоничного

сосуществования различных этнических и религиозных групп, обеспечивая мирное взаимодействие большинства и меньшинства, сохранение культурного разнообразия и устойчивое развитие многонационального общества.

Литература

1. Библер В.С. Культура. Диалог культур: опыт определения // Вопр. философии. 1989. № 6.
2. Литературно-художественные истоки азербайджанского мультикультурализма / под ред. К.М. Абдуллаева. Баку, 2016.
3. Нестеров А.Г. Россия, Европа, Азербайджан: опыт политики мультикультурализма // Bakı Beynəlxalq Humanitar Forumunun materialları (2–3 oktyabr 2014-cü il). Bakı: Şərq-Qərb, 2016.

Межэтнические установки и межкультурное диалоговое взаимодействие субъектов поликультурной образовательной среды военного института

Матвеев Д.Е.

НВИ войск национальной гвардии, Новосибирск, Россия
dematveev@mail.ru

Беловолов В.А., Беловолова С.П.

Новосибирский юридический институт (филиал) ТГУ
Новосибирск, Россия

На современном этапе развития общества, в условиях расширения международных связей и нарастающей глобализации, в многонациональном поликультурном социуме, важным фактором социального развития и национальной безопасности государства является формирование навыков межкультурной коммуникации, межкультурного диалогового взаимодействия.

Анализ современных социокультурных условий показывает, что в процессе профессиональной подготовки будущих офицеров фундаментальной основой обеспечения межкультурной коммуникации являются межэтнические установки и межкультурное диалоговое взаимодействие в контексте социокультурного, этноцентричного опыта.

Первостепенное значение для решения поставленных нами задач, имеют труды учёных (А.И. Джуринский, В.А. Лабунская, Г.У. Солдатова и др.), в которых рассматриваются сущностные и содержательные характеристики поликультурного образования, направленные на понимание собственной культурной идентичности, на формирование типа национальной культуры и развития процесса диалогового взаимодействия представителей различных культур. Особая роль в межкультурной коммуникации принадлежит эмпатии, рефлексии как важные механизмы при взаимодействии людей в поликультурной среде, обеспечивая не только принятие (ассертивность/толерантность),

но и понимание представителей других культур. В частности, предметом исследования ученых под руководством В.А. Лабунской является этнолукизм, как «обыденная» дискриминационная практика на представителей этнокультурных групп с определенным типом внешнего облика.

Исследуя понятие «среды», мы исходим из основных концептуальных положений (В.И. Слободчиков, В.А. Петровский, О.С. Газман, В.А. Ясвин и др.) целостности социального и природного бытия, культуры и личности. В свете сказанного важно, что именно эти исходные позиции позволяют рассмотреть влияние «среды» на развитие, функционирование и формирование личности в обществе.

Привлекают внимание, в аспекте проблематики нашего исследования, работы учёных (С.Г. Вершловский, Ю.Н. Кулюткин, Ю.С. Мануйлов и др.), которые отражают и подчёркивают, что «образовательная среда» является целостной, неотъемлемой частью социума, исследуемая как подсистема социокультурной среды.

Исследуя поликультурную образовательную среду, мы исходили из основных теоретико-методологических концептуальных положений В.В. Гриценко, И.В. Кузнецовой, Е.А. Пугачевой, О.С. Павловой, О.В. Хухлаевой, О.Е. Хухлаева и др. Авторы рассматривают поликультурную образовательную среду как процесс взаимодействия субъектов образовательного пространства, который способствует вовлечению личности в национальные интересы, этнокультурные и духовно-нравственные ценности [1]; для эффективного обеспечения межэтнического и диалогового взаимодействия субъектов поликультурного образовательного пространства, в процессе которого, происходит понимание культурных ценностей и норм поведения представителей диалога культур.

Анализ научной литературы (А.Г. Асмолов, Л.М. Дробизева, Т.Т. Иосебадзе, Т.Ш. Иосебадзе, Д.Н. Узнадзе, Т.Г. Стефаненко и др.) ориентирован на значимость исследования в поликультурной образовательной среде такого явления как «этническая установка». Авторы рассматривают этнические установки через поведенческий компонент этнической идентичности и раскрывают данный феномен как предрасположенность субъекта к вовлечению в национальные, межкультурные, этно-нравственные, морально-этические процессы в межкультурном диалоговом взаимодействии представителей различных этносов.

Для теоретико-методологического обоснования предмета нашего исследования важно опираться на работы (С.Д. Гуриева, И.М. Кузнецов, Н.В. Ткаченко, О.Е. Хухлаев и др.), в которых феномен «этнические установки» рассматривается как готовность представителя диалога культур к выбору определённого поведения, включающая в себя межкультурное взаимодействие с представителями диалога культур, ингибирование негативных эмоциональных реакций на следование правилам этнотолерантного взаимодействия [2; 4].

В трудах Л.В. Блинова, О.В. Лунёвой, Л.Г. Почебут, Т.Г. Стефаненко и др. заслуживает внимание трактовка феномена «межкультурное взаимодействие» как процесс организации взаимоотношений субъектов поликультурной образовательной среды, в котором сохраняется национальная идентичность,

происходит актуализация межэтнических установок, направленная на выявление содержательных компонентов этнических культур представителей различных этносов и их реализацию в системе поликультурных контактов [3].

Таким образом, опираясь на теоретико-экспериментальные результаты нашего исследования, заслуживает быть отмеченным, что задачи, стоящие перед поликультурным образованием, будут эффективно и системно выполняться в ходе реализации процесса формирования межэтнических установок у субъектов поликультурной образовательной среды вуза в рамках межкультурного диалогового взаимодействия в контексте социокультурного, этноцентричного опыта.

Литература

1. Гриценко В.В., Кузнецова И.В. Поликультурная среда вуза как условие формирования позитивного отношения к представителям других этнокультур // Психология образования в XXI веке: теория и практика: материалы Междунар.науч.-практ. конф. Волгоград, 2011.
2. Гуриева С.Д. Установка и формирование системы межэтнических отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. 2009. № 6 (1).
3. Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю. Межкультурный диалог: тренинг этнокультурной компетентности. М., 2003.
4. Хухлаев О.Е., Кузнецов И.М., Ткаченко Н.В. Разработка и адаптация методики «Шкала этнонациональных установок» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3.

Сценарный подход к исследованию аккультурации семей постсоветских иммигрантов во Франции и США

Маховская О.И.

ИП РАН, Москва, Россия
makhovskayaoi@ipran.ru

Доклад построен на материале двух научных экспедиций в рамках международных программ Фулбрайта (США) Дидро (Франция), анализе сценариев аккультурации детей российских иммигрантов во Франции и США в изучаемый период (1998–2002).

Социализация (аккультурация) понимается нами как усвоение типичных, культурно-заданных сценариев. Основные критерии успешности аккультурации: баланс позитивной идентичности и толерантность по отношению к окружению.

Теоретическая гипотеза: Образовательные и воспитательные сценарии в протестантских (США), католических (Франция) и православной России существенно различаются. Это создает угрозы положительной идентичности в процессе аккультурации детей российских иммигрантов.

Предмет исследования – различия в образовательных и воспитательных сценариях.

Методы. При исследовании сценариев социализации детей российских иммигрантов в США и Франции мы использовали три группы методов: 1) анализ культурных артефактов (электронная переписка, иммигрантская пресса, мемуары); 2) очные глубинные интервью по методу «снежного кома» с экспертами, учителями, родителями, подростками, детьми; 3) авторская рисуночная методика «Модель семьи». Два критерия – распределение власти и ответственности – позволили выделить 5 культурно-заданных моделей семьи.

Результаты качественного анализа сценариев формирования идентичности российских детей в США.

Образовательные сценарии и стратегии аккультурации (пример Франции). Стратегические сценарии обеспечивают разные уровни аккультурации и поддержания позитивной идентичности (Дж. Берри) Стратегии аккультурации и сценарии, которые выбирали родители для воспитания и образования своих детей: *ассимиляция* – французская школа; *маргинализация* – ребенок нигде не учится; *интеграция* – школа при Посольстве и французская школа; *сепаратизм* – школа при Посольстве РФ и (или) церковно-приходская.

Сравнение моделей семьи. Методика «Модель семьи» подробно описана в статьях и монографии, включает две модели семьи по православному типу, а также модели по католическому, протестантскому типам и модель семьи украинских евангелистов. Модель позволяет оценить семейный ресурс аккультурации, а также повысить осознанность психологических проблем у участников исследований, начиная со старшего подросткового возраста, помогла эксплицировать причины семейных конфликтов, оспаривание ролей и функций членов семьи, борьбу за доминирование, паритетность, открытость-закрытость семейных границ и т.д. Дети межкультурных браков демонстрируют большую степень рассогласования между идеальной и реальной семьями, и более высокий уровень конфликтности и психологической неудовлетворенности.

Сравнение поведения родителей в постсоветской и западной культуре обнаруживает нормативные различия: авторитарные стиль против демократического, подчинение против обсуждения, строгое распределение ролей и обязанностей против командного решения проблем, моральное поощрение против материального. Но уже тогда на рубеже веков наметились современные тенденции: вовлечение отцов в воспитание детей, солидаризация школы и семьи, индивидуальные формы обучения в среде постсоветских иммигрантов.

Сравнение образовательных практик в школах позволяет описывать их различия в терминах индивидуализма-коллективизма. Постсоветская школа: преподавание ведется в расчете на сплоченное поведение класса как единого коллектива, отклонение от групповых предписаний наказывается, учитель – абсолютный авторитет и т.д. Основная задача школы – обеспечивать успеваемость и послушание со стороны учеников. Западная школа: индивидуальный подход в обучении, приветствуется оригинальность поведения и принимаемых

решений, учитель – один из положительных примеров поведения для учеников, но не абсолютный авторитет. Основной результат учительских усилий – умение учеников мыслить самостоятельно, критически и вести себя независимо. Усилия направлены на личность, а не на интеллект.

Сравнение отношений подростков с одноклассниками: эмоциональная привязанность между одноклассниками, продолжительная дружба на годы. Подростки из западных стран поддерживают более формальные и дистантные отношения, демонстрируют независимое от группы поведение.

Баланс идентичности – важный критерий успешной аккультурации. Предложена концепция трехуровневого строения идентичности. Трем уровням идентичности соответствуют три типа сценариев: *перцептивному* – ситуативные сценарии, в рамках которых накапливаются знания о мире и людях, а также признаки «подтверждения – неподтверждения» позитивной идентичности; *когнитивному* – стереотипные социальные, культурно-заданные сценарии, *волевому, субъектному уровню* – выработка критериев отбора сценариев, их соотнесение с социально-желательными нормативами, поиск индивидуальных вариантов. Культурный шок начинается с нарастающего сенсорного дискомфорта (еда кажется невкусной, люди некрасивыми, цвета неестественными). На когнитивном уровне индивид сталкивается с конфликтом образов ситуаций («А у нас так не делают»). Невозможность изменить что-то воспринимается как угроза позитивной идентичности.

Психологические последствия иммиграции для детей в результате контраста образовательных сценариев: культурный шок, «межпоколенный разрыв», или «проблема второго поколения» (generation-2), культивированные аутизм и депрессия. Многие взрослые иммиграцию соотносят с наказанием за предательство. Французский этнопсихиатр Т. Натан считал этот сценарий основным источником депрессии.

Литература

1. Дружинин В.Н. Психология семьи. Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
2. Маховская О., Бургос М. Пути социализации детей российских эмигрантов во Франции: сквозь призму «историй жизни» // Психологический журнал. 2001. № 4.
3. Маховская О.И. Формирование идентичности российских детей в США // Психологический журнал. 2005. № 3.
4. Berry J. Introduction to methodology. Boston, 1980.

Проблемы межкультурной коммуникации иностранных студентов в российских вузах и меры по эффективному их решению (на примере Белгородского государственного университета)

Машкова А.С.

НИУ БелГУ, Белгород, Россия

moonlit17@mail.ru

Межкультурная коммуникация является неотъемлемой частью современного образовательного пространства. Россия традиционно принимает большое количество иностранных студентов, обучающихся в различных вузах по программам подготовки специалистов в медицине, гуманитарных науках, инженерных и других направлениях. Вместе с тем коммуникация иностранных студентов с российскими преподавателями, сокурсниками и представителями административных структур далеко не всегда проходит без трудностей.

Наиболее остро встает проблема неравноправного взаимодействия, которое проявляется в недопонимании, раздражении и иногда в неуважительном отношении. Такие коммуникативные барьеры оказывают влияние не только на качество образования, но и на психологическое состояние иностранных студентов, их успешную интеграцию в российскую академическую среду.

В данной статье мы выделим основные факторы и закономерности, влияющие на эффективность межкультурной коммуникации иностранных студентов, которая, в свою очередь, оказывает значительное влияние на процесс их адаптации в российской образовательной среде (на примере Белгородского университета), а также обозначим какие меры межкультурного взаимодействия оказываются наиболее эффективными.

Новизна работы заключается в обобщении опыта иностранных студентов НИУ БелГУ и выделении основных закономерностей адаптации через призму межкультурной коммуникации, на основании чего предлагаются рекомендации по межкультурному взаимодействию.

По мнению Э. Холла, одна из функций культуры состоит в том, чтобы служить высоко избирательным фильтром между человеком и внешним миром. Именно культура определяет, на что мы обращаем внимание и что игнорируем» [3, с. 85]. Поэтому анализ трудностей и поиск эффективных решений становятся важнейшей задачей современной образовательной политики.

Рассмотрим основные проблемы коммуникации иностранных студентов НИУ БелГУ с преподавателями и сотрудниками университета.

1. Трудности коммуникации на подготовительном факультете.

На подготовительном факультете белгородского университета у иностранных студентов, изучающих русский язык и основы будущих специальностей

часто складываются теплые отношения с преподавателями. Это связано с тем, что именно в этот период студенты особенно уязвимы: они находятся в чужой стране, плохо владеют языком и ощущают зависимость от педагогов. Не случайно преподаватели иногда их называют «детьми». Это выражение условно отражает их слабую позицию и потребность в поддержке.

2. Изменение отношения со стороны преподавателей при поступлении на основные факультеты.

После поступления на первые курсы профильных факультетов ситуация как правило меняется. Иностранные студенты НИУ БелГУ, делясь своим опытом отмечают, что преподаватели часто начинают проявлять раздражение, сталкиваясь с недостаточным знанием языка или академическими трудностями студентов. На занятиях это может выражаться в повышении голоса, нетерпимости к ошибкам. В деканатах также нередко возникают конфликты: представители администрации позволяют себе резкий тон, подчеркивая иерархию и «слабую позицию» иностранных студентов.

3. Психологическая уязвимость иностранных студентов.

Молодые люди, обучающиеся в НИУ БелГУ, отражая свой личный опыт, сообщают, что им крайне тяжело отстаивать права. Они чувствуют зависимость от системы, опасаются негативных последствий (например, проблем с учебой или документами) и поэтому вынуждены мириться не редко с неуважительным отношением. Это ведет к тревожности, снижению учебной мотивации и ощущению социальной изоляции.

Например, «у представителей арабских стран имеются трудности во взаимоотношениях с женщинами, в частности, с преподавателями женского пола. Нередко возникают конфликты из-за того, что преподаватели-женщины проявляют строгость, а также допускают повышение тона во время занятий в целях поддержания дисциплины, что является оскорбительным для указанных студентов. Это связано с тем, что женщина в арабских странах играет другую социальную роль» [2, с. 257]. Эти ситуации частично можно объяснить культурными различиями в восприятии власти. Так, Г. Хофстеде отмечает, что «дистанция власти» показывает, насколько люди в обществе готовы мириться с тем, что власть и решения в организациях распределены неравномерно. В странах с высоким расстоянием власти подчинённые обычно не спорят с руководством и принимают иерархию как данность, тогда как в странах с низким расстоянием власти люди ожидают более равного отношения и могут обсуждать решения руководителей [4, с. 83].

Кроме того, Эрвинг Гоффман подчёркивает, что каждый человек имеет моральное право на уважительное обращение со стороны окружающих, исходя из своих социальных характеристик [1, с. 13].

Для преодоления данных трудностей рассмотрим механизмы повышения эффективности межкультурного взаимодействия.

Чтобы минимизировать барьеры в межкультурной коммуникации, можно выделить следующий комплекс мер:

1. Обучение преподавателей и административного персонала основам межкультурного взаимодействия (введение тренингов и курсов), с учетом языковых и культурных особенностей студентов.
2. Создание служб поддержки и защиты прав иностранных студентов. Такие центры могут оказывать психологическую помощь, разрешать конфликты официальными способами, разрабатывать адаптационные программы.
3. Развитие студенческого самоуправления и диалога. Важно вовлекать российских и иностранных студентов в совместные проекты, спортивные и культурные мероприятия. Это способствует взаимопониманию и снижает уровень предвзятости.
4. Регулярный мониторинг адаптации. Вузы могут проводить опросы и анонимные анкеты, чтобы выявлять проблемы и своевременно на них реагировать.

Эти меры помогают смягчить эффекты культурного «фильтра» и создать среду, где межкультурная коммуникация становится более эффективной и уважительной.

Проблема межкультурной коммуникации в российских вузах имеет сложный и многогранный характер. С одной стороны, подготовительный факультет создает для иностранных студентов атмосферу доверия и поддержки. С другой стороны, в дальнейшем они сталкиваются с проявлениями раздражения, неуважения и даже дискриминации со стороны преподавателей, и администрации.

Такая ситуация требует системных изменений. Формирование уважительного и толерантного подхода, развитие межкультурной компетентности и создание служб поддержки помогут не только улучшить адаптацию иностранных студентов, но и повысить международный престиж российского образования.

Литература

1. Гоффман Э. The Presentation of Self in Everyday Life. Garden City, NY: Anchor Books, 1959.
2. Машкова А.С. Адаптация иностранных студентов к новой образовательной среде: факторы успеха // РКИ: Лингвометодическая образовательная платформа: Сб. тр. Межд. науч.-практ. конф. Белгород, 2021.
3. Холл Э. The Silent Language. Garden City, NY: Doubleday, 1959.
4. Хофстеде Г. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1984.

Эмоции на нейтральном лице: особенности запечатленной мимики у кабардинцев и балкарцев

*Мезенцева А.А., Ростовцева В.В.,
Дронова Д.А., Бутовская М.Л.*

ИЭА РАН, Москва, Россия

*khatsenkova@yandex.ru, victoria.v.rostovtseva@gmail.com,
dariadronova@yandex.ru, marina.butovskaya@gmail.com*

Изучение мимических выражений эмоций представляет собой одну из фундаментальных областей исследования невербальной коммуникации человека. Несмотря на существование универсальных паттернов мимической экспрессии базовых эмоций, установленных в классических работах Пола Экмана и его коллег [1], современные исследования все чаще обращают внимание на культурную вариативность в проявлении и интерпретации эмоциональных выражений лица [2, 3]. Особый интерес представляет изучение мимической экспрессии у народов Северного Кавказа, где традиционные культурные нормы предписывают сдержанность в проявлении эмоций, особенно в публичном пространстве. Кабардинцы и балкарцы, являясь коренными народами Кабардино-Балкарской Республики, представляют две различные этнолингвистические группы: кабардинцы относятся к адыгской группе абхазо-адыгской языковой семьи, в то время как балкарцы принадлежат к тюркской языковой группе. Несмотря на длительное совместное проживание и взаимное культурное влияние, эти народы сохраняют специфические особенности традиционного этикета и норм эмоционального поведения [5].

В исследовании приняли участие 239 человек в возрасте от 18 до 25 лет: 167 кабардинцев (85 мужчин, 82 женщины) и 72 балкарца (34 мужчины, 38 женщин). Фотопортреты участников снимались в стандартизированных лабораторных условиях с контролируемым освещением на расстоянии 150 см от камеры высокого разрешения. Участников просили расслабить лицевые мышцы и смотреть прямо в камеру для получения нейтрального выражения лица. Анализ фотопортретов проводился с использованием системы FaceReader 9 (Noldus Information Technology, Нидерланды), которая на основе технологии Active Appearance Model оценивает интенсивность базовых эмоциональных выражений лица по шкале от 0 (полное отсутствие) до 1 (максимальная интенсивность): радость, печаль, гнев, удивление, страх, отвращение и презрение, а также интегральный показатель эмоционального возбуждения [4].

Результаты анализа показали, что на нейтральных лицах кабардинцев и балкарцев прослеживаются различия в следах эмоциональности. У кабардинцев фиксируются более явные паттерны позитивной мимической экспрессии, включая большую валентность возбуждения, более выраженное проявление радости, что, вероятно, отражает влияние традиционных норм эмоционального поведения на невербальную коммуникацию. Традиционная

культура адыгов, к которой относятся кабардинцы, включает развитую систему гостеприимства и социальных ритуалов, предполагающих демонстрацию доброжелательности и открытости в межличностном взаимодействии. В отличие от этого, балкарская культура, имеющая тюркские корни, предполагает большую эмоциональную сдержанность в публичном пространстве [5]. У обоих народов прослеживаются особенности эмоциональной экспрессии специфические для пола, согласующиеся с общемировыми тенденциями: женщины демонстрируют большую эмоциональную экспрессивность, особенно в выражении негативных эмоций, таких как печаль и страх. Однако по степени выраженности (оценена по размеру эффекта) особенности половой специфики больше проявляются именно в кабардинской популяции. Важно отметить, что все выявленные различия характеризовались малым или средним размером эффекта, что указывает на существование значительной индивидуальной вариативности внутри каждой группы.

Полученные в исследовании результаты вносят вклад в понимание культурной вариативности невербальной коммуникации и подчеркивают важность учета этнокультурного контекста при интерпретации мимических выражений эмоций. Результаты исследования могут быть использованы при разработке культурно-адаптированных методов психологической диагностики и в практике межкультурной коммуникации.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 24-18-00457.

Литература

1. Ekman P. Universals and cultural differences in facial expressions of emotion // Nebraska Symposium on Motivation / Ed. J. Cole. Lincoln: University of Nebraska Press, 1972.
2. Matsumoto D., Yoo S.H., Fontaine J. Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2008. 39(1).
3. Мезенцева А.А., Ростовцева В.В., Имамеев Э.Р. Выражение эмоций посредством мимики: эволюционные механизмы и современные методы исследований // Вопросы психологии. 2024. Т. 70. № 3.
4. Ростовцева В.В., Бутовская М.Л. Нейтральное лицо человека несет отпечаток его эмоциональности // Этнографическое обозрение. 2022. № 6.
5. Стукалин Ю.В. Этнография кабардинцев и балкарцев. Материальная и духовная культура народов Кабардино-Балкарии. М., 2019.

Пение крезя как архетипический способ саморегуляции у бесермян

Мещерская-Робустова Е.В.

Покровский филиал ФГБОУ ВО МПГУ, Покров, Россия
robusta22@list.ru

Тема представленного исследования родилась в контексте культурологических изысканий в области истории и культуры бесермян – одного из малочисленных народов России, проживающего на севере и северо-западе Удмуртии и насчитывающего на сегодняшний день около двух тысяч человек. Знания об этом народе могут найти применение в практике психологического консультирования, и именно через призму психологии автор анализирует сведения, полученные о культуре бесермян в ходе этнографических исследований на территории их компактного проживания в Глазовском, Юкаменском, Ярском и Балезинском районах Удмуртской Республики. В представленной работе актуализируются предварительные результаты исследований по применению в практике психолога авторского метода психологической поддержки, который обозначим здесь как «метод крезя». За его основу нами взят способ, характерный для создания и исполнения песнопения «крезь», бытование которого фиксируется в северных районах Удмуртии, и прежде всего, у бесермян. Тем самым, в качестве объекта изучения в представленном исследовании выступают традиции исполнительской импровизации, воплощающие в себе наследие древнейшего искусства пения крезей, в то время как предметом исследования является то, каким образом эти традиции, определяемые в этномузыковедении через диадку «пение – говорение», могут быть востребованы сегодня не только в рамках музыкального творчества, но также и в психологии, в парадигме экзистенциального подхода, в качестве средства эмоционально-психологического воздействия, саморегуляции и осмысления жизненной ситуации личности.

Крезь является маркером традиционной культуры бесермян. Это песнопение, но не вполне обычное: в нём отсутствует свойственный песне закреплённый сюжетный поэтический текст. Текст сочиняется как бы на ходу, в процессе исполнения, не носит поэтического характера и фактически представляет собой импровизацию на заданную тему – творчество в реальном времени. Данную певческую традицию условно обозначают как «пение – говорение». Это определение поясняется так: исполнители не считают свои традиционные напевы песнями, располагая их на стыке музыкального (пение) и внемузыкального (говорение) [3, с. 5]. При этом то, о чём поётся/проговаривается в крезе, «неискушенному» слушателю непонятно, причём не только потому, что каждый из исполнителей, даже в ансамблевом пении, «излагает своё», не нарушая при этом общую синергию, но и потому что вообще вербальное наполнение крезя организуется через слова, многие из которых

лишены самостоятельного смысла, представляя собой служебные части речи – междометия, предлоги, союзы, затерявшиеся в языке устаревшие слова, прочие невыясненные понятия, смысл которых давно утрачен и связан, возможно, с древнейшей заклинательной практикой. Текст креза есть «поток отдельных слов, слогов, звуков» [2, с. 29], как бы «слова ни о чём» – не имеющие самостоятельного смысла лексические единицы, обозначаемые в этномузыковедении термином «припевные слова». Вслед за исследователем А.П. Шаховским, одним из первых обратившим внимание на песенную традицию бесермян [1], полагаем, что исторически припевные слова, вероятно, являют собой эзотерический ряд неразгаданных таинственных смыслов, которые подспудно призваны вкладывать в крезь как в некое действо его исполнители.

И здесь, нам думается, от рассуждений об эзотерических смыслах стоит сделать разворот темы в плоскость реальной жизни и, отталкиваясь от того, что исполнители действительно привносят в крезь собственные смыслы, превращая его в некое таинство, внедрить эти принципы смыслообразования при исполнении креза в психотерапевтическую практику при работе с клиентами психотерапевта и психолога. Суть названной техники заключается в том, что клиентам в рамках их индивидуальных запросов предлагается «пропевать» свою проблему с помощью припевных слов – слогов, междометий, восклицаний, вздохов, ономатопеэтической лексики, с вкраплением отдельных фраз, характеризующих суть переживаемой психотравмирующей ситуации, отношение к ней и т. д. Это можно делать на собственный мотив либо на мотив известной песни: заметим, что бесермяне в старину также составляли некоторые крезы на мотив знакомых им русских народных песен [4; 5].

В рамках психологического консультирования техника креза применима как в индивидуальной, так и групповой работе с клиентами. Подчеркнем, что именно коллективное исполнение креза в наибольшей мере раскрывает всю глубину этого вида музыкальной импровизации; в целях психологической поддержки также в определённых случаях наиболее эффективными оказываются именно методы группового воздействия, когда психолог создаёт мини-группу из людей, оказавшихся в сходной жизненной ситуации и пытающихся преодолеть аналогичные проблемы.

Отметим, что в процессе пения крезей удмурты и бесермяне отмечают эффект высвобождения «застарелой боли». В том, что крезь избавляет от душевных переживаний через осмысление и принятие жизненных обстоятельств, нам видится не только его свойство, но и назначение. Пение креза рассматривается нами как традиционный народный способ саморегуляции, который может быть взят за основу для разработки соответствующих психологических и психотерапевтических техник.

Этническая музыка содержит в себе огромный потенциал позитивного воздействия на личность. Мироощущение представителей любого народа, переданное посредством этнического звукоидеала, традиционных ритмов и мелодических линий, заслуживает отдельного внимания психологов;

также и бесермянская (североудмуртская) традиция музыкальной песенной импровизации может выступать как материал не только для культурологических, исторических, этномузыковедческих, но и перспективных практико-ориентированных психологических исследований.

Литература

1. *Мещерская-Робустова Е.В.* Песни-импровизации бесермян в исследованиях А.П. Шаховского // Проблемы музыкальной науки. 2024. № 4 (57).
2. *Нуриева Н.М.* Импровизация в песенной культуре удмуртов: жанр, стиль, мышление. Ижевск, 2014.
3. *Шаховской А.П.* Бесермянский крезь. Логика музыкально-звукового высказывания: дисс. ... док. искусствоведения: 17.00.02. М., 1997.
4. *Шаховской А.П.* Народно-песенная культура бесермян. М., 1993.
5. *Шаховской А.П.* Русская песня в традиционной культуре бесермян. Глазов, 1993.

Построение и анализ многомерного имиджа этноса (на материале китайских респондентов)

Митина О.В., Дзоу Д.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
omitina@inbox.ru, samuelzdcdb@outlook.com

В психосемантическом исследовании, проведенном нами в 2024 году и представленному в ряде публикаций [1, 2, 3] было построено семантическое пространство восприятия образов различных этносов китайскими респондентами, длительно проживающими в разных странах: Китае, США, Японии и России. В каждой из этих стран число респондентов составляет не менее 100 человек, при этом их возраст лежал в диапазоне от 18 до 35 лет.

Для сбора эмпирических данных использовалась психосемантическая методика «Этнический образ» [1; 2: 3]. 74 пункта методики – это ценностные, личностные, социальные, культурные характеристики, которыми в той или иной степени можно охарактеризовать обобщенного представителя какого-либо этноса [3; 4]. В качестве оцениваемых образов в данном исследовании были выбраны 17 актуальных для китайского обыденного сознания этносов, т. е. таких про которых китайские респонденты имеют достаточно устойчивые представления [1, 3].

Респонденты должны были оценить в какой степени та или иная характеристика, сформулированная в каждом пункте, подходит тому или иному этносу.

С помощью метода главных компонент были выделены категории-факторы, задающие семантическое пространство этнического сознания китайских респондентов:

1. *Позитивное отношение,*
2. *Враждебность,*

3. *Цивилизованность*,
4. *Этническая экзогамия*,
5. *Культурная закрытость*,
6. *Национальные ценности и традиции*,
7. *Либеральные и демократические ценности*,
8. *Девiantiность*.

В работе [3] представлено содержание всех категорий. Было показано, что с изменением страны проживания сами категории не меняются, но меняется их значимость в групповом сознании. Также было показано, что меняются оценки разных этносов в зависимости от страны проживания. Эта динамика подробно проанализирована в работе [1].

На следующем этапе нашей задачей было построение многомерного имиджа этноса – позитивного образа в сознании респондентов. Для этого были отобраны категории, которые значимо положительно коррелируют с первой категорией *Позитивное отношение* и между собой. Таких категорий из указанных восьми было две: *Цивилизованность* и *Национальные ценности и традиции*. В итоге три категории-шкалы образуют общую положительную шкалу второго порядка для оценки этнических образов, которую можно назвать *Имидж этноса*. *Имидж* включает коннотативную оценку и отношение с точки зрения перспектив и ретроспектив, охватывая восприятие прошлого настоящего и будущего. *Позитивное отношение* – оценка текущего состояния этноса. Балл по *цивилизованности* показывает оценку перспективы и будущего этноса, а *Национальные ценности и традиции* отражает достижения прошлого и их значимость, а также то, как в сознании респондентов представители оцениваемого этноса сохраняют традиции и достижения прошлого. В результате имидж этноса представлен в виде суммы баллов по указанным трем шкалам. Чем больше эта величина, тем лучше имидж. Таким образом можно сравнивать имиджи и различных этносов у респондентов, проживающих в одной стране, и имиджи одного и того же этноса у респондентов, проживающих в разных странах.

Вот некоторые результаты.

Имидж «Китайцев» среди китайских респондентов, проживающих в России, заметно ниже, чем среди китайских респондентов, проживающие в других трех странах. Это может отражать определенные внутриэтнические конфликты, с которыми респонденты сталкиваются, живя в России, что приводит к ослаблению их этнической идентичности (см. также [1]).

Имидж «Японцев» наиболее положительный среди китайских респондентов, проживающих в России. Возможно, что, живя в России китайские респонденты «переняли» позитивное отношение к японскому этносу, бытующее в нашей стране, не сталкиваясь с представителями этого этноса лично.

Имидж «Американцев» среди китайских респондентов, проживающих в России, самый высокий. Самые низкие оценки этого этноса показали респонденты, проживающие в США, что может свидетельствовать о критическом отношении к «хозяевам».

Имидж «Русских» наиболее высок среди респондентов, проживающих в Японии. Наиболее негативное восприятие «Русских» среди респондентов, проживающих в США.

Заслуживает внимание отношение к «Уйгурам». Лучше всего этот этнос воспринимаются респондентами, проживающими в Китае, напротив, респонденты из США оценили «Уйгуров» наиболее низко. Возможно высокие оценки «Уйгуров» респондентами, проживающими в Китае связаны с государственной политикой, направленной на укрепление национального единства КНР. В учебных заведениях присутствуют курсы, посвященные культуре и истории различных национальных меньшинств, что помогает воспитывать уважение и признание этнического разнообразия. Социальные сети и медиа в Китае способствуют распространению позитивной информации об уйгурах, что дополнительно формирует благоприятное общественное мнение. Низкие оценки «Уйгуров» респондентами, проживающими в США, вполне могут объясняться тяготением отдельных представителей этого этноса к исламскому радикализму, а отсюда настороженному отношению в США к «Уйгурам» в целом.

Достаточно негативная оценка «Арабов» респондентами из США аналогична предыдущему случаю. Общее позитивное отношение к арабскому миру в России и негативное в США оказывает влияние на людей длительно там проживающих.

Имидж «Северных корейцев» среди респондентов, проживающие в Китае, наиболее высокий, что указывает на положительное отношение к данному этносу в стране. Это может быть связано с особенными отношениями и культурными связями между Китаем и Северной Кореей. Напротив, респонденты, проживающие в США, демонстрируют наиболее негативное восприятие данного этноса.

Можно сделать вывод, что значимые различия в восприятии собственно этноса китайскими респондентами отражают влияние геополитического и культурного контекста места их проживания на их самосознание. На формирование имиджа этноса влияет история взаимоотношений между этим этнос и Китаем. Совместное проживание и взаимодействие с представителями других этносов может способствовать изменению их имиджа. СМИ и социальные сети играют большую роль в формировании имиджа того или иного этноса.

Литература

1. Митина О.В., Петренко В.Ф., Цзоу Д. Психосемантический анализ этнической картины мира: структура и динамика (на материале китайского этноса). // Теоретическая и экспериментальная психология (в печати).
2. Митина О.В., Цзоу Д. Психосемантическое исследование представлений китайских респондентов о своем собственном и других этносах // Андреевские чтения. Социальная психология в современном обществе. Сб. материалов междунауч. конф. М., 2025.
3. Митина О.В., Цзоу Д. Реконструкция категориальной системы восприятия этнической картины мира китайскими респондентами // Экспериментальная психология в социальных практиках: сб. науч. ст. по материалам конф. / Под ред. В.А. Барабанщикова, В.В. Селиванова. М., 2025.
4. Петренко В.Ф., Митина О.В. Политическая психология: Психосемантический подход. М., 2018.

Восприятие народного танца как предмет этнопсихологического исследования

Митина О.В., Цуй Ж.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
omitina@inbox.ru, 1725368049@qq.com

Танцевальное искусство, являясь культурно-общественным, обладающим символическими свойствами феноменом, может рассматриваться как вид коммуникативного процесса, несущего в себе общественный смысл [1]. Движения танцора или музыка, сопровождающая выступление, не просто физические движения или звуки; они несут в себе культурное, эмоциональное и эстетическое значение.

Танец имеет возможность влиять на образование персональных конструкторов и участвовать в формировании картины мира в целом.

Народный танец представляет сочетание эмоций, символики и исторических традиций своего народа, в него вкладывается содержание, имеющее на себе влияние политических, экономических и географических условий жизни народа. В народном танце выражаются характерологические особенности, поведенческие нормы присущие этому народу [2].

Анализ того, как именно человек воспринимает танец того или иного народа (своего или чужого) представляет большой интерес для этнопсихологов. Изучая восприятие танца необходимо понять, как зрители интерпретируют танцевальное действо и приписывают смысл танцевальным движениям.

Метод, позволяющий эксплицировать весь комплекс переживаний зрителя танца на когнитивном, эмоциональном уровнях – психосемантика. Ключевая характеристика – рассмотрение танца через построение семантических пространств, которые отражают содержание сознания зрителя. Исследователь имеет возможность выявить неосознаваемые признаки категоризации танца, реализовать рефлекссию восприятия, увеличить степень осознанности содержания танцевального произведения [5].

Нами уже накоплен достаточно большой опыт изучения восприятия народного танца (см. [3, 4]). Здесь мы ознакомим с результатами нового исследования, которое было проведено в 2024 году в КНР на материале восприятия китайского народного танцевального искусства. В этом исследовании приняли участие 231 респондент в возрасте от 16 до 50 лет. Среди них 163 этнических китайца и 68 представителей этнических меньшинств: маньчжуры, дайцы, монголы, корейцы.

Китайский народный танец исторически пронизан глубокой семантикой и символикой, варьирующейся в зависимости от периода и стиля. Символика, заложенная в танцевальных движениях, костюмах и реквизите, часто отражает ценности, верования и культурные представления того времени.

Цель исследования – провести анализ восприятия китайского народного танцевального искусства, построить семантическое пространство восприятия

танцевальной феноменологии, определить влияние этнической принадлежности на восприятие танцев.

Испытуемым последовательно были предъявлены для просмотра 5 танцев различных этносов: Китайский «Тысячерукий Авалокитешвара», Корейский «Палочный танец», Маньчжурский «Шаманский танец», Монгольский «Белая лошадь», Дайский танец «Цветение бирманского османтуса».

По результатам просмотра испытуемые заполняли опросник Танцевальный семантический дифференциал (70 антонимичных понятий приложимых для оценки танцев).

Методом главных компонент с косоугольным вращением было выделено 5 факторов суммарно объясняющие 52,7% общей дисперсии (о.д.).

1. Величественность (+) ↔ приниженность (–) (28% о.д.).

В этот фактор вошли понятия на положительном полюсе связанные в высокими моральными стандартами, на отрицательном – с низкими или аморальными качествами. Понятия положительного полюса, характеризуют положительные эмоции и ассоциации, в то время как их антонимы – негативные. «Положительные понятия» часто описывают практическую ценность и развитие, тогда как их антонимы могут приводить к разрушению или ухудшению состояния. Наконец, «положительные понятия» связаны с осознанностью и вниманием к себе и окружающим, в то время как отрицательные могут отражать неосознанные состояния или действия. Т.о. первый наиболее значимый фактор носит оценочный характер.

2. Доброжелательность (+) ↔ Агрессия (–) (10% о.д.)

Понятия положительного полюса фактора ассоциируются с добротой, надежностью и гармонией, их антонимы часто связаны с угрозами, агрессией или отсутствием гибкости. Понятия положительного полюса связаны с чувством комфорта, доверия и радости, их антонимы – тревогу, страх или недовольство. Понятия положительного полюса ассоциируются с развитием и улучшением качества жизни, тогда как их антонимы – с конфликтами, стрессом и ухудшением отношений.

3. Активность (+) ↔ пассивность (–) (6,1% о.д.)

Понятия с наибольшими нагрузками положительного полюса: энергичность, уверенность, сила. Антонимы им: вялость, робость, слабость

4. Феминность (+) ↔ маскулинность (–) (5,2% о.д.)

Понятия положительного полюса фактора ассоциируются с миром, гармонией и внутренним спокойствием, тогда как их антонимы подчеркивают активность, напряженность и иногда конфликтность в человеческих отношениях и внутреннем состоянии.

5. Легкость (+) ↔ серьезность (–) (3,4% о.д.) на положительном полюсе образован понятиями: игривость, легкость, простота, на отрицательном: серьезность, тяжесть, сложность

Из высоких корреляций отметим «Величественность» с «активностью» (0,571) и «феминностью» (0,381).

Категориальная система восприятия танцевальной феноменологии, полученная на каждой этнической подвыборке ограничена только указанными выше факторами. В некоторых случаях их меньше, но возможно это связано с малочисленностью некоторых этнических подвыборок.

Из результатов анализа восприятия танцев своего этноса с использованием критерия Краскелла-Уоллеса: Этнические китайцы видят китайский танец самым величественным, самым доброжелательным, самым серьезным, самым активным. Корейцы видят корейский танец самым доброжелательным. Маньчжуры воспринимают маньчжурский танец агрессивным, маскулинным, наименее величественным, наиболее пассивным (возможно в сознании респондентов, эта характеристика не столько отсутствия активности, сколько степенности). Монголы видят свой танец величественным, доброжелательным, самым активным. Респонденты дайского этноса оценили свой танец самым доброжелательным.

Возможно, именно компонента доброжелательности является наиболее важной при восприятии танца собственной этнической культуры. Исключение составляют респонденты маньчжурской национальности. Но поиск объяснений этому феномену – задача будущих исследований.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Герц А.Б., Митина О.В. От аутентичного танца к аутентичной личности: психосемантический анализ // Мир психологии. 2025. № 1.
3. Лабунская В.А., Шкурко Т.А. Развитие личности методом танцевально-экспрессивного тренинга // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1.
4. Митина О., Мирсаидов М.М. Психосемантический анализ восприятия танцевального искусства // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2025. № 2.
5. Петренко В.Ф. Психосемантика искусства. М., 2014.

Межкультурные взаимодействия в системе долговременного ухода: вызовы и конфликты (на примере работы сиделок в Москве)

Миткина Н.Б.

ГОО Московский дом ветеранов войн и вооруженных сил
Москва, Россия
natamitki@gmail.com

Введение. Демографическое старение населения России, характеризующееся ростом доли лиц старших возрастов и долгожителей [2], закономерно увеличивает нагрузку на систему социального обслуживания. Ключевыми акторами в сфере надомного ухода выступают сиделки (официально – «помощники

по уходу»), чья профессиональная деятельность сопряжена с высокими эмоциональными и физическими нагрузками.

В Москве кадровый потенциал данной сферы формируется преимущественно за счет трудовых мигрантов из регионов России и стран СНГ, что приводит к формированию мультикультурной среды [1]. Зачастую это порождает латентные и открытые конфликты, обусловленные социокультурными, этническими и конфессиональными различиями между сиделками и получателями услуг. В то время как в зарубежной литературе проблема дискриминации медицинского персонала из числа этнических меньшинств широко освещается [3; 4; 5], в российской науке данный феномен остается малоизученным.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования послужили данные, собранные в течение 4 лет (2021–2025 гг.) в одной из социальных организаций Москвы, предоставляющей услуги домашнего ухода за пожилыми людьми. В качестве основного метода сбора информации выступили интервью с сиделками, а также включенное наблюдение за их рабочими практиками. Выборка сотрудников организации репрезентирует ключевые группы: женщины – представительницы Калмыкии, Северного Кавказа, Средней Азии и других регионов. Целевая группа подопечных – москвичи в возрасте от 90 лет и старше (средний возраст – 96 лет).

Результаты и обсуждение. Анализ исследования позволил идентифицировать несколько типичных моделей межкультурных конфликтов:

1. Этническая дискриминация со стороны подопечных. В ряде случаев фиксировались открытые расистские высказывания в адрес сиделок (например, требование «вернуться на родину» от столетнего подопечного в отношении сиделки-калмычки или оскорбительного высказывания «обезьяна» в адрес выходца из Кыргызстана). Важно отметить, что подобное поведение зачастую усугубляется возрастными когнитивными нарушениями (деменцией) у подопечных, что требует особых коммуникативных стратегий.
2. Религиозная дискриминация со стороны родственников. Объектом критики становились религиозные практики сотрудниц (ношение хиджаба, совершение намаза), что не оказывало прямого влияния на качество ухода, но создавало психологически напряженную атмосферу.
3. Стереотипные запросы на «этнически предпочтительного» сотрудника. Распространены пожелания родственников и подопечных к «славянской внешности» сиделки, что отражает глубоко укорененные культурные стереотипы. В ответ у сиделок формируются контрстереотипы и негативные установки по отношению к принимающему сообществу.

Выявленные конфликты оказывают деструктивное влияние на психоэмоциональное состояние сотрудниц, повышают их профессиональное выгорание и, в конечном счете, могут сказываться на качестве предоставляемых услуг.

Заключение и рекомендации. Проведенное исследование демонстрирует острую актуальность решения проблемы межкультурных конфликтов в сфере долговременного ухода в России. Для их минимизации необходим комплексный подход, включающий меры на нескольких уровнях:

- на уровне организаций: внедрение программ обучения межкультурной коммуникации для сиделок и кураторов; обеспечение доступа к психологической поддержке для сотрудников; разработка и строгое соблюдение антидискриминационного кодекса;
- на образовательном уровне: включение в программы профессиональной подготовки специалистов социальной сферы модулей по этнокультурной компетентности и работе с когнитивными нарушениями;
- на государственном уровне: развитие правового механизма защиты прав сотрудников от дискриминации; поддержка дальнейших научных исследований в данной области.

Решение обозначенных задач является важным направлением для построения устойчивой и эффективной системы социального ухода, отвечающей вызовам современного мультикультурного общества.

Литература

1. *Савоскул М.С.* Сиделки из провинции в большом городе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 1 (113).
2. Старшие поколения россиян, 2025 год / Под ред. Щербакова Е.М. // Демоскоп Weekly. 2025. № 1079–1080.
3. Nursing Home Aides Experience Racism // Feinberg School of Medicine News. 2002.
4. Racism in clinical nursing practice: a qualitative study // BMC Nursing. 2024.
5. ‘A target on my back’: New survey shows racism is a huge problem in nursing // Stat News. 2023.

Особенности ценностных ориентаций и представлений об успешности у российских и сербских студентов

Михайлова О.Б., Деспич И.

Российский университет дружбы народов
им. П. Лумумбы, Москва, Россия
olga00241@yandex.ru

Стошич Л.

Университет Юнион Никола Тесла, Белград, Сербия
Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
lazarstosic@yahoo.com

Балтезаревич Р.

Институт международной политики и экономики
Белград, Сербия

Многочисленные исследования, проведенные в России и за рубежом, констатируют, что понимание молодыми людьми жизненных ценностей и формирование у них положительных ценностных ориентаций являются

фундаментальными основами развития социальной, этнической и гражданской идентичности личности, а также являются основами жизненной успешности [9, 10, 11]. Особый интерес представляет кросс-культурный сравнительный анализ данных психологических феноменов у представителей студенческой молодежи России и Сербии. Исторические пути развития России и Сербии тесно переплетены и имеют многовековые связи в ментальном, религиозном, культурном и языковом пространствах взаимодействия двух государств [2, 5, 7].

В более ранних исследованиях российских и сербских ученых у сербской молодежи были выражены ценностные ориентации в контексте православных традиций и семейного уклада жизни [12], то в последние несколько лет современные исследования констатируют, что молодежь Сербии больше ориентирована на европейские ценности и в связи с проблемами трудоустройства у себя в стране потенциально готовы искать работу в других европейских странах [1, 3, 6, 10].

Цель данного исследования – определить особенности ценностных ориентаций и представлений об успешности у сербских и российских студентов. Гипотеза исследования – существуют специфические взаимосвязи в показателях ценностных ориентаций и представлениях об успешности у российских и сербских студентов. В исследовании принимали участие российские студент (n=60), обучающиеся в Российском университете дружбы народов им. П. Лумумбы, и студенты обучающиеся в Сербии (n=60) из университетов Белграда и Нови Сада.

Были использованы следующие методики: 1) Методика «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С.С. Бубновой [4]; 2) авторская анкета «Представление об успешности»; 3) Тест определения уровня самооффективности (Дж. Маддукс и М. Шеер, модификация Л. Бояринцевой под руководством Р. Кричевского) [5]; 4) Шкала удовлетворённости жизнью Е. Динера (адаптация Леонтьева Д.А. и Осина Е.Н.) [8]. В качестве статистических методов исследования были использованы контент-анализ и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

В качестве метода диагностики представления об успешности была разработана авторская анкета. В установлении частоты повторяемости ответов был применен контент-анализ в двух группах студентов для выявления предпочтительных представлений об успешности. Учитывалась частота повторяемости ответов на всю выборку. У российских студентов в представлениях об успешности лидируют деньги, тогда как у сербских студентов лидирует ассоциация семья. В целом у российских студентов в характеристиках успешности преобладают такие ассоциации, как *деньги, работа, карьера, признание, слава, достижение, бизнес, власть*. У сербских студентов были выявлены иные преобладающие ассоциации: *семья, счастье, любовь, друзья, здоровье, настойчивость образование*. Интересно, что показатель *любовь* имеет одинаковое количество ассоциаций у сербских и российских студентов, и это не является лидирующей характеристикой успешности для обеих групп респондентов.

Для определения взаимосвязей между показателями ценностных ориентаций и показателями самооффективности и удовлетворенности жизнью был проведён корреляционный анализ. В группе российских студентов выявлены связи по трем шкалам самооффективности с показателем *удовлетворенность жизнью* ($p < 0,01$). Шкала *деятельностной эффе́ктивности* ($p < 0,01$) связана с такими ценностными ориентациями, как *здоровье* ($r = 0,373$), *помощь и милосердие людям* ($r = 0,331$). Шкала социальной самооффективности связана с такими ценностными ориентациями ($p < 0,01$), как *познание нового в мире, природе, человеке* ($r = 0,331$), *здоровье* ($r = 0,362$). Шкала общей самооффективности связана также с показателем *здоровье* ($r = 0,404$) и со шкалой *помощь и милосердие к другим людям* ($r = 0,330$; $p < 0,05$). Таким образом, в группе российских студентов показатель *удовлетворённости жизнью* как характеристика жизненной успешности связан с показателями *деятельностная и общая самооффективность*. Российские студенты считают, что для достижения успешности важна не только самооффективность, но и здоровье, познание нового в мире, природе и межличностных отношениях, а также готовность помочь и взаимодействовать с другими людьми.

В группе сербских студентов было выявлено гораздо меньше корреляционных связей. Статистически значимые связи получены по шкале *деятельностная самооффективность* со шкалами *приятное времяпрепровождение, отдых* ($r = 0,297$; $p < 0,05$) и *любовь* ($r = 0,269$; $p < 0,05$).

Показатель *удовлетворенность жизнью* у сербских студентов связан только с такой ценностной ориентацией, как *любовь* ($r = 0,315$; $p < 0,01$). Возможно, на полученные результаты в группе сербских студентов повлияла социально-политическая ситуация в Сербии, на фоне которой происходил опрос. Опрос проходил в феврале 2025 года, когда сербские студенты были активно вовлечены в протестное движение против существующего правительства и не посещали занятия, находясь при этом в стенах университетов. Вероятно, возникшая общественно-политическая ситуация повлияла на выбор жизненных ценностей и их связь с жизненной успешностью. В период опроса группа сербских студентов не смогла четко связать показатели общечеловеческих ценностей с показателями самооффективности.

Полученные результаты предполагают проведение дальнейших кросс-культурных исследований ценностно-смысловых ориентаций в жизненной успешности молодежи на фоне социальных процессов, происходящих в обществе. Представленные в исследовании данные позволяют разработать систему психолого-педагогических технологий по работе с диагностикой и коррекцией ценностных ориентаций, а также по формированию представлений об успешности у современной молодежи с учетом кросс-культурных различий и подходов к системе воспитания современного гражданского общества.

Литература

1. *Бартош Е.П. и др.* Профессиональная социализация молодежи в Центральной и Восточной Европе // Перспективы науки и образования. 2020. № 6 (48).

2. *Березняк В.А.* Религиозные и семейные ценности в структуре самосохранительных ценностных ориентаций студентов России и Сербии // Социология религии в обществе позднего модерна. 2018. Т. 7.
3. *Болдин В.А., Палитай И.С., Яковлева А.Ф.* Славяне или Европейцы? Молодежь Болгарии и Сербии в условиях идейно-ценностных трансформаций идентичности // Политическая наука. 2023. № 2.
4. *Бубнова С.С.* Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. № 5.
5. *Кричевский Р.Л., Огнев А.С., Гончаров Ю.Н.* Рабочая книга организационного психолога. Воронеж, 2000.
6. *Михайлова О.Б., Корач И.* Семейные ценности и традиции воспитания в России и Сербии: ретроспективный анализ и современные проблемы // Психология человека в образовании. 2024. Т. 6. № 4.
7. *Младенович М.* Культурно-гуманитарный аспект российского влияния в студенческой среде Сербии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 4 (22).
8. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. В кн. Материалы III Всерос. социологического конгресса. М., 2008.
9. *Семенова Н.А.* Структурно-функциональная организация жизненной успешности как метаресурса личности //Российский психологический журнал. 2022. Т. 19, № 4.
10. *Mikhailova O.B.* High school students involved and not involved in mmorpg: creativity and innovativeness // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE). 2019. № 7(2).
11. *Miltojević V.D., Mantarova A., Petrović J.S.* Leave or Stay: Strbian and Bulgarian University Students' Attitudes Determining the Decision // RUDN Journal of Sociology. 2024. Т. 24. № 2.
12. *Мировић А.* Етнички и/или грађански идентитет, традиција и/или модерност *Politička revija*. 2008. № 4. URL: <https://www.ips.ac.rs/publications/etnicki-i-ili-gradjanski-identitet-tradicija-i-ili-modernost/>

Переосмысляя роль языка в кросс-культурной адаптации: случай китайских студентов в России

Морозова О.А.

МПГУ, Москва, Россия

oa.morozova@mpgu.su

Музыченко Ю.Н.

Университет Джеймса Кука, Таунсвилл, Австралия

iuliia.muzychenko@mail.ru

Буланкина Е.А.

Пекинский университет международных исследований, Пекин, Китай

new-asferisk@yandex.ru

Задорин В.В.

Волгоградский институт управления –

филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

zadorin-vv@ranepa.ru

Ся Бинъюй

РУДН, Москва, Россия

xiabingyu1042238081@outlook.com

Куликов С.П.

ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ», Москва, Россия

spkulikov@edu.hse.ru

В контексте развития российско-китайского образовательного сотрудничества особую актуальность приобретает изучение роли языка в адаптации китайских студентов в российских вузах. Традиционно владение языком принимающей страны рассматривается как ключевой фактор успешной адаптации иностранных студентов. Однако современные исследования выявляют парадоксальные закономерности (отсутствие или отрицательная ассоциация) [1], которые требуют пересмотра устоявшихся представлений о механизмах межкультурной адаптации.

В данном качественном исследовании выборка составила 552 китайских студента, приехавших обучаться в российских вузах (МПГУ, РУДН, МЭИ, ГИРЯ) в 2024 году. Сбор данных проведен через YandexForms с февраля по март. Среди участников было 343 женщины (62,1%), медианный возраст выборки составил 23 года ($Q1=22$; $Q3=25$). Одобрение этической комиссии СПбПО получено 08.02.2024 (протокол № 29). Знание русского языка по европейской системе в выборке распределилось следующим образом: A1-A2 – C3 295 человек (53,5%), B1-B2 – 225 человек (40,7%), C1-C2 – 32 человека (5,8%).

В рамках данной статьи обсуждаются два ключевых вопроса из распротраненной анкеты:

- Пожалуйста, подумайте и опишите сложности и проблемы обучения в российских вузах.

- Перечислите, пожалуйста, с какими проблемами Вам особенно трудно было справиться в первые полгода обучения в российских вузах.

Для анализа качественных данных использовался индуктивный тематический анализ [3]. Три кодировщика следовали критериям надежности Lincoln и Guba [5]. Для дедуктивного кодирования стрессоров в межкультурном контексте использовалась структура стрессоров Cerny-Smith Adjustment Index (CSAI) [2].

Анализ данных выявил парадоксальную ситуацию в восприятии роли языка в адаптации китайских студентов. С одной стороны, количественное исследование данных не выявило статистической взаимосвязи между уровнем знания языка и кросс-культурной адаптацией, удовлетворенностью учебой [4]. С другой, качественные данные демонстрируют масштабные языковые проблемы: 78,6% студентов испытывают трудности, связанные с недостатком знания языка, из которых 290 человек (52,5%) сталкиваются с проблемами хотя бы в одной сфере жизни, 141 человек (25,5%) – в двух сферах, и лишь 3 человека (0,5%) – во всех трех сферах (повседневная жизнь, учеба, общение), 235 проблем из 448 упомянутых в сфере учебы и 534 проблемы из 608 упомянутых в сфере адаптации напрямую связаны с языковыми барьерами. При этом взаимосвязи между объективным уровнем языка и субъективным количеством упоминания проблем с языком не было обнаружено ($\chi^2(6) = 1,013$, $p = 0,985$.)

Ярко языковые барьеры проявляются и в сфере здравоохранения по данным страховых МЭИ и МГПУ в период с 01.01.2025 по 20.07.2025: 83,27% китайских студентов обращаются за медицинской помощью через средства электронной коммуникации, друзей, знакомых или преподавателей. Медицинские работники отмечают у некоторых студентов абсолютное отсутствие навыков поддержания диалога на тему проблем со здоровьем из-за незнания русского языка, что делает невозможным оказание адекватной медицинской поддержки.

Однако, парадоксальным оказалось то, что с увеличением объективного уровня знания русского языка студенты реже упоминают кросс-культурные проблемы (A1-A2 – 80%, B1-B2 – 72,4%, C1-C2 – 65,6% случаев), но чаще говорят об организационных трудностях (A1-A2 – 30,2%, B1-B2 – 33,8%, C1-C2 – 56,3% случаев) и проблемах межличностного общения (A1-A2 – 30,2%, B1-B2–33,8%, C1-C2 – 56,3% случаев).

Ключевым возможным объяснением парадокса служит развитие компенсаторных стратегий. Прежде всего, это социальные ресурсы: студенты активно опираются на друзей, преподавателей и знакомых, которые выступают посредниками в решении сложных вопросов. Широко используется электронная коммуникация. Важную роль играют личностные ресурсы – упорство и мотивация к учебе, которые сами студенты называют ключевыми факторами успешной адаптации.

Не менее значимой становится роль технологических и инфраструктурных изменений последних лет. В Москве заметно расширилось присутствие китайского языка в музеях, транспорте, ресторанах, магазинах. Развитие использования сервисов, ориентированных на китайцев (WeChat Pay, UnionPay), широкое использование цифровых технологий – онлайн-переводчиков, AI-приложений, карт с китайской локализацией – значительно облегчает повседневную жизнь.

По мере роста языкового уровня происходит трансформация характера проблем. На ранних стадиях (A1-A2) доминируют коммуникативные и бытовые барьеры, тогда как при высоком уровне (B1-C2) язык перестает быть центральной проблемой. Вместо этого на первый план выходят организационные и межличностные трудности, которые невозможно решить с помощью переводчика. Это отражает уменьшение эффекта осознанной некомпетентности: улучшение языка позволяет лучше идентифицировать и артикулировать проблемы, которые ранее оставались неосознанными.

Происходит эволюция потребностей: от выживания и базовой коммуникации к полноценному участию в академической и социальной жизни, что требует решения проблем, не связанных напрямую с индивидуальным знанием языка (бюрократические процедуры, межличностные различия, культурная близорукость).

Важно учитывать возможные методологические ограничения. Эффект центральной тенденции может влиять на результаты: китайские студенты в силу культурных особенностей могут давать завышенные оценки из-за социального давления или стремления поддерживать репутацию учебного заведения. Склонность к согласию в коллективистской культуре может проявляться в тенденции к «частому согласию» даже при наличии более критичного мнения.

Таким образом, парадокс языковой адаптации отражает сложную динамику современного адаптационного процесса. Мы наблюдаем формирование новой модели адаптации, где традиционные языковые барьеры частично нейтрализуются социальными ресурсами, технологическими решениями и развитой поддерживающей инфраструктурой. Роль языка в адаптации китайских студентов нельзя рассматривать изолированно – она зависит от совокупности внешних условий и внутренних ресурсов студентов. Полученные результаты указывают на необходимость пересмотра традиционных подходов к поддержке иностранных студентов и учета компенсаторных механизмов при разработке программ адаптации.

Литература

1. Мо Ц. Теоретическое обоснование исследования кросс-культурной адаптации китайских студентов в России // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6, № 5А.
2. Cerny L., et.al. The CSAI: an expatriate on-field adjustment index to measure intercultural intelligence // paper presented at the Annual Conference of Families in Global Transition, Houston, TX, 2007.
3. Guesl G., MacQueen K., Namey E. Applied thematic analysis // Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc. 2014.
4. Muzychenko Y., Morozova O. Personality and cross-cultural adjustment: The moderating role of cross-cultural motivation in Chinese students' adjustment to life in Russia // International Journal of Intercultural Relations, 2025.
5. Nowell L., et.al. Thematic Analysis: Striving to Meet the Trustworthiness Criteria // International Journal of Qualitative Methods, 2017.

Культурные аспекты формирования критичности к информации у обучающейся молодежи в социальных медиа

Мохнатли Д.К.

ГАУГН, Москва, Россия
mohnatli.darya@gmail.com

Современное информационное пространство характеризуется лавинообразным ростом объема данных, мнений и общественных правил. В этих условиях формирование способности к критической оценке информации превращается в ключевую компетенцию, обеспечивающую не только академическую успешность, но и психологическую безопасность личности. Процесс формирования критичности не является универсальным и испытывает значительное влияние социально-психологических и, что особенно важно, культурных факторов.

В условиях глобализации и увеличения объема цифрового контента понимание того, как культурные особенности влияют на способность молодежи критически оценивать информацию, становится особенно актуальным.

Критичность к информации понимается нами как готовность индивида подвергать сомнению предъявляемые факты, стремиться к их верификации и глубокому анализу. Данный феномен включает когнитивный аспект, способность анализировать источники и содержание информации, поведенческий аспект – направленность на проверку достоверности данных и личностный аспект как устойчивую черту личности, состоящую из рефлексивного скептицизма и открытости к новым знаниям. На критичность влияют такие факторы, как аналитический или холистический когнитивный стиль, самооценка информационной грамотности, возможность дистанционной работы и умение работать с техникой и особенности стиля профессиональной и гражданской адаптации [1; 2].

Особый интерес в контексте межкультурной коммуникации представляет культурологический компонент. Цифровые коммуникации, трансформируя медиасферу, сами становятся маркером культуры, неся на себе отпечаток ценностей, норм и паттернов мышления, характерных для определенного социума.

Исследования показывают, что культурные особенности значительно влияют на когнитивные стили и способы обработки информации. Например, представители коллективистских культур (например, стран Восточной Азии) склонны к холистическому мышлению, которое ориентировано на контекст и взаимосвязи, в то время как представители индивидуалистических культур (например, Западной Европы и Северной Америки) чаще демонстрируют аналитическое мышление, сфокусированное на объектах и категоризациях [3]. Кроме того, исследования подчеркивают роль религиозной и этнической идентичности в формировании доверия к информации: в странах Ближнего Востока религиозные нормы значительно влияют на оценку достоверности контента. В работах Солдатовой Г.У. и коллег отмечается, что в культурах

с высоким уровнем избегания неопределенности (например, в России и странах Восточной Европы) наблюдается более высокий уровень скептицизма к информации из социальных медиа [4]. В культурах с низким уровнем избегания неопределенности (например, в Скандинавских странах) пользователи демонстрируют большее доверие к цифровым платформам.

Культурные различия проявляются и в паттернах медиапотребления. Молодежь из коллективистских культур чаще использует социальные медиа для поддержания групповых связей. В то же время, в индивидуалистических культурах социальные медиа часто используются для самовыражения и поиска уникальной информации.

Образовательные системы, встроенные в культурный контекст, играют важную роль в формировании критичности. В странах, где образование ориентировано на развитие критического мышления в Европейском союзе, люди демонстрируют более высокие навыки оценки информации [5, с. 43]. Напротив, в странах с традиционными образовательными моделями (например, в некоторых странах Азии и Африки) учащиеся чаще полагаются на авторитет преподавателей и официальных источников, что может ограничивать развитие самостоятельной критической оценки [6, с. 130].

Будущие исследования должны быть направлены на проведение масштабных кросс-культурных сравнительных исследований и разработку практических рекомендаций для участников образовательного процесса с учетом культурных особенностей.

Литература

1. Бродовская Е.В. и др. Стратегии цифрового поведения российской молодежи в контексте формирования гражданских и профессиональных компетенций // Свободная мысль. 2019. № 4 (1676).
2. Давыдов С.Г. Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Мониторинг. 2021. № 2.
3. Сиврикова Н.В. Системная оценка критичности мышления и особенностей медиапотребления студентов // Системная психология и социология. 2022. № 3 (43).
4. Чигарькова С.В., Солдатова Г.У. Культурный интеллект как социально-психологический феномен: обзор концепции // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32).
5. Ferrari A. Digital Competence in practice: An analysis of frameworks, EUR 25351 EN, Luxembourg (Luxembourg), Publications Office of the European Union, 2012.
6. Wang Q., Woo H.L. Critical Thinking in Online Discussions // Educational Technology Research and Development. 2020. Vol. 68. № 3.

Особенности межкультурной адаптации китайских студентов в российских вузах: психосоциальные аспекты

Музыченко Ю.Н.

Университет Джеймса Кука, Таунсвилл, Австралия
iuliia.muzychenko@mail.ru

Задорин В.В.

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Волгоград, Россия
zadorin-vv@ranepa.ru

Буланкина Е.А.

Пекинский университет международных исследований
Пекин, Китай
new-asterisk@yandex.ru

Ся Биньюй

РУДН, Москва, Россия
xiabingyu1042238081@outlook.com

Куликов С.П.

ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ», Москва, Россия
spkulikov@edu.hse.ru

Россия стремительно укрепляет свои позиции в сфере международного образования: десять российских университетов входят в топ-500 мирового рейтинга QS 2025, а страна привлекает 6% иностранных студентов от всемирного числа студентов, заняв восьмое место среди стран-лидеров. Особое значение приобретает российско-китайское образовательное сотрудничество: количество китайских студентов в России выросло с 32,6 тысяч в 2022 году до 50 тысяч в 2024 году, при этом число учебных виз для граждан Китая в 2023 году удвоилось и достигло 34 тысяч. Программа «Приоритет-2030» и объявленные в мае 2024 года «Годы культуры России и Китая» направлены на дальнейшее развитие стратегического сотрудничества в образовании, включая создание совместных университетов.

В контексте растущего потока китайских студентов (третье место по численности среди иностранных студентов в России) критически важным становится понимание механизмов их успешной адаптации. Успешная интеграция китайских студентов в российскую образовательную среду является ключевым фактором поддержания высокого уровня двустороннего сотрудничества и достижения целевых показателей по привлечению иностранных обучающихся к 2025 году.

По данным последних работ, проведенных на базе РУДН и МГУ [1; 4], студенты из Китая демонстрируют наименьший уровень адаптации среди иностранных обучающихся в российских вузах, это послужило одним из серьезных мотивирующих обстоятельств данного исследования. В этом качественном исследовании авторы поставили целью описание проблем,

с которыми китайские студенты сталкиваются при обучении в России. Выборка составила 552 китайских студентов, приехавших учиться в российских вузах (МПГУ, РУДН, МЭИ, Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина) в 2024 году (сбор данных проведен через YandexForms с февраля по март). Среди них было 343 женщины (62.1%), медианный возраст выборки $Mdn=23$ лет ($Q1=22$; $Q3=25$). Одобрение этической комиссии СПбПО получено 08.02.2024 (протокол № 29).

В рамках данной статьи обсуждаются два пункта из анкеты, распространённой студентам:

- Пожалуйста, подумайте и опишите сложности и проблемы обучения в российских вузах.
- Перечислите, пожалуйста, с какими проблемами Вам особенно трудно было справиться в первые полгода обучения в российских вузах.

Для анализа качественных данных с использованием этих открытых вопросов использовался индуктивный тематический анализ [3], базируясь на предыдущей кодировке переживаний иностранных студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана 2018 года [5]. Три кодировщика следовали критериям надёжности Lincoln и Guba [7]. Для дедуктивного кодирования и классификации опыта китайских студентов использовалась структура стрессоров the Cerny-Smith Adjustment Index (CSAI), обеспечивающая разнообразную классификацию стрессоров в межкультурном контексте [2].

Результаты кодирования указывают на следующую иерархию проблем обучения в вузах: 420 учащихся (76%) указывают на проблемы, связанные с культурой (знание языка, языковой барьер при общении, незнакомая еда, культурная дистанция в связи с разностями в устройстве быта и жизни), 310 человек (56%) указывают на проблемы в учебной или профессиональной сфере (знание профессионального русского языка, проблемы с научным руководителем, плохая организация образовательного курса и недостаток ее адаптации для иностранцев), 183 (33%) говорят о проблемах в организационной сфере (условия проживания, бюрократия, неясность политик и организационных процессов внутри университета, проблемы при оформлении визы, некоторые студенты говорят о вымогательстве денег представителями власти), психологические факторы отмечены 123 китайскими студентами (22%) (большое психологическое давление от учебы, проблемы с адаптацией в новой окружающей среде, упаднические настроения, общая неадаптированность, сексуальные домогательства и ощущение небезопасности). За ними следуют физические стрессоры – 81 человек (15%) (новые привычки в питании, вызывающие дискомфорт, климатические изменения), проблемы в межличностных отношениях – 61 человек (11%) (новый круг социальных связей, недружелюбие окружения), проблемы с социальной поддержкой – 36 человек (7%) (общение с преподавателями и однокурсниками), кризисные ситуации – 14 студентов (3%) (ксенофобия, расовая дискриминация, культурный кризис и кризис переезда в другую страну в первый раз), а также

исторические – 2 (0.4%) (геополитическая обстановка, COVID-19). Проблемы духовной веры и практики не упоминались ни разу – 0 (0%).

При ответе на второй вопрос – особенно трудные проблемы в первые полгода обучения в России иерархия упоминания проблем сохранилась, только студенты уже фокусировались на меньшем количестве проблем. Культурные – 294 (53%), учебные и профессиональные – 153 (28%), организационные – 122 (22%), психологические – 75 (14%), физические – 55 (10%), межличностные отношения – 33 (6%), социальная поддержка – 12 (2%), кризисные проблемы – 6 (1%), исторические и духовные – 0 (0%) каждая категория.

Таким образом, наиболее часто встречаемыми проблемами являются культурные вопросы, учебные и профессиональные, а также организационные для китайских студентов в России. Кросс-культурная мотивация, которая определяет открытость студента к решению вопросов культурного характера, была ранее выявлена более важным предиктором по сравнению с личностными характеристиками на той же выборке китайских студентов [6]. Этот факт, и результаты данного исследования указывают на важность разработки кросс-культурных тренингов для китайских студентов. Результаты опроса, касающиеся особо острых проблем (сексуальные домогательства и угрозы безопасности), предоставлены представителям администрации вузов-участников исследования для улучшения работы с китайскими студентами. Поскольку 434 (79%) студента назвали знание языка проблемой хотя бы в одной сфере жизни (повседневная жизнь, учеба, общение с друзьями или однокурсниками) (во всех трех сферах 3 человека (1%), в 2 сферах 141 человек (26%), и хотя бы в одной – 290 человек (53%)), авторы предлагают использование по взаимному согласию студентов и работников вузов унифицированных программных продуктов по переводу для нивелирования остроты данной проблемы, возможно, разработанный как часть приложения университета (университетов) на телефон. Подобные приложения уже внедрены в работу университетов в других вузах за рубежом, они включают в себя персонализированное интерактивное расписание учебного плана, мероприятия, проводимые в университете, доступ к университетской почте и другое.

Литература

1. Леденева В.Ю., Абдуллаев Р.С., Гусейнова Л.Д. Факторы социокультурной адаптации иностранных студентов из Азербайджана и Китая в российских вузах // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 10.
2. Cerny L., et. al. The CSAI: an expatriate on-field adjustment index to measure intercultural intelligence // paper presented at the Annual Conference of Families in Global Transition, Houston, TX, 2007.
3. Guešŧ G., MacQueen K., Namey E. Applied thematic analysis // Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc. 2014.
4. Kiyashchuk T.V., Kiyashchuk A.A., Sardarian A.R. Special Aspects of International Students' Socio-Psychological Adaptation at Modern Universities. 2018.

5. *Muzychenko I.* Common causes of university stress and cross-cultural adaptation among foreign students in Russia // *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series Cognition.* 2022.
6. *Muzychenko Y., Morozova O.* Personality and cross-cultural adjustment: The moderating role of cross-cultural motivation in Chinese students' adjustment to life in Russia // *International Journal of Intercultural Relations*, 2025.
7. *Nowell L., et. al.* Thematic Analysis: Striving to Meet the Trustworthiness Criteria // *International Journal of Qualitative Methods*, 2017.

Представления молодых россиян о Беларуси как фактор отношения к межстрановому сотрудничеству: результаты качественного анализа

Муращенкова Н.В.

ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ncel@yandex.ru

Гриценко В.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
gritsenko2006@yandex.ru

Осипенко И.М.

ФГБОУ ВО СГМУ, Смоленск, Россия

Беларусь и Россия – две страны, имеющие особенно тесные связи. В условиях текущего кризиса сохранение и укрепление этих связей – важнейшая задача. Эффективное решение этой задачи во многом зависит от поддержания позитивного отношения населения двух стран (особенно молодежи) к межстрановому сотрудничеству, что, в свою очередь, требует изучения возможных барьеров на пути сохранения позитивного отношения населения к сближению двух стран.

Цель нашего исследования – проанализировать особенности представлений молодых россиян о Беларуси в контексте оценки их отношения к сближению и сотрудничеству двух стран. Исследовательский вопрос: какие представления молодых россиян о Беларуси могут выступать фактором их негативного отношения к сближению и сотрудничеству России и Беларуси? Методически в данном случае важно определить, какие именно представления требуют исследовательского внимания.

Проведенный теоретический анализ показал, что значимыми предикторами положительного отношения к другой стране и сотрудничеству с ней являются позитивный образ этой страны и желание ее посещать [5], а также осведомленность о существующих формах сотрудничества, их позитивная оценка и личностный смысл [3]. Наряду с этим, известно, что высокий воспринимаемый статус аутгруппы способствует позитивной оценке ее членов

и стремлению к сближению с ними [1]. В то же время важный индикатор социокультурной интеграции стран – это позитивный опыт взаимонаправленной международной мобильности [2]. Осведомленность о подобном опыте может способствовать поддержанию положительного отношения к межстрановому сотрудничеству у молодежи. Результаты исследований в области межгрупповых отношений свидетельствуют также о том, что позитивные прямые и опосредованные контакты между представителями групп могут способствовать эффективному межгрупповому взаимодействию и снижению предрассудков в отношении как отдельных представителей, так и аутгруппы в целом [7; 8], а выраженная воспринимаемая угроза от аутгруппы, напротив, является значимым прогностическим фактором негативного отношения к ней [9]. Данные индикаторы и предикторы отношения к межстрановому сотрудничеству были учтены нами при разработке открытых вопросов для выявления представлений молодых россиян о Беларуси в контексте оценки их отношения к сближению и сотрудничеству Беларуси и России.

В исследовании использован качественный дизайн: сопоставлены результаты 14-и фокус-групп (N=179) и анонимного онлайн-опроса (N=174), проведенных в мае 2025 г. на двух независимых выборках (молодые россияне в возрасте от 18 до 25 лет) с использованием идентичного инструментария – разработанных открытых вопросов. Участниками фокус-групп стали студенты московских и смоленских вузов, респондентами онлайн-опроса – студенты вузов Москвы, Новосибирска и Смоленска (доступная целевая выборка). Разработанные открытые вопросы позволили выявить привлекательные и отталкивающие стороны Беларуси для молодых россиян; частоту и мотивацию посещения Беларуси; осведомленность о сферах сотрудничества, отношение к сотрудничеству двух стран и его личную ценность для студентов; представления студентов о факторах, способствующих и препятствующих сближению двух стран; осведомленность о примерах межстрановой мобильности молодых белорусов и россиян; уровень воспринимаемой угрозы со стороны Беларуси.

Данные фокус-групп и онлайн-опроса продемонстрировали высокую конгруэнтность и сопоставимость. Образ Беларуси, представленный в сознании молодежи, характеризуется стереотипностью и устойчивостью структуры – сопоставим с результатами исследований, проведенных более пяти лет назад [5; 6]. Преимущественно Беларусь и белорусы оцениваются студентами позитивно, как и взаимоотношения между странами. Негативные черты актуализированы у меньшей части молодежи и отражают их отношение к политическому устройству Беларуси и воспринимаемому сходству с СССР.

Осведомленность студентов о реализованной мобильности молодых россиян в РБ низкая, подобные случаи описывают единицы респондентов. Это может быть вызвано объективными причинами: Беларусь не рассматривается российскими студентами как привлекательная страна для эмиграции [4], а родственников в Беларуси у россиян меньше, чем таковых у белорусов в России [2]. В то же время, важно, что описываемый отдельными

респондентами негативный опыт взаимодействия с белорусами не выступает для них барьером межнационального общения: конфликтность не связывается с национальностью, а объясняется индивидуально-личностными и контекстными факторами. В выборках преобладает положительное отношение студентов к сближению двух стран, однако осведомленность о направлениях текущего сотрудничества Беларуси и России у студентов низкая. Нейтральное и отрицательное отношение к сближению стран проявляется у меньшего числа студентов. При этом Беларусь рассматривается молодыми россиянами как государство, не несущее угрозу для России.

В целом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о благоприятных социально-психологических основаниях поддержания положительного отношения российской молодежи к сближению Беларуси и России. Базисом этих оснований выступают доминирующие позитивные представления о Беларуси и белорусах, тесные связи и позитивные контакты, интерес к культуре, природе страны, а также существующие в Беларуси возможности для удовлетворения актуальных потребностей молодежи (туризм, шопинг и т.д.). В то же время, согласно результатам исследования, барьерами на пути формирования позитивного отношения к сотрудничеству двух стран у части студентов выступают слабая информированность о формах этого сотрудничества, их низкая личная значимость, представления о Беларуси как о закрытой стране с низким инновационным потенциалом и низким уровнем самобытности.

Одним из ограничений данного исследования является нерепрезентативность выборки, однако сопоставимость и конгруэнтность данных фокус-групп и онлайн-опроса позволяют сделать вывод о том, что в исследовании удалось выявить основные темы молодежного дискурса в рамках изучаемой проблематики.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-01020, <https://rscf.ru/project/25-18-01020/>

Литература

1. Григорьев Д.С., Галлямова А.А. Как стать россиянином? Содержание национальной идентичности, определяющее социальные маркеры принятия иммигрантов в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 4.
2. Карабчук Т.С., Поплавская А.А. Анализ динамики отношения молодежи стран постсоветского блока к интеграционным процессам между странами // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1.
3. Кришталь М.И., Щекотуров А.В. ЕС vs ЕАЭС: молодежь российского экспорта на перспективах и барьерах международного сотрудничества. Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482.
4. Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н. Социально-психологическое пространство миграционных намерений студенческой молодежи: кросс-культурный анализ. М., 2023.

5. Образы России и Беларуси в представлениях молодежи двух стран в XXI веке: коллективная монография / Отв. ред. И.А. Снежкова, Н.В. Шалыгина. М., 2020.
6. *Ракачев В.Н.* Белоруссия и белорусы в представлениях россиян: опыт социально-психологического исследования // Общество: социология, психология, педагогика. 2012. № 4.
7. *Lemmer G., Wagner U.* Can we really reduce ethnic prejudice outside the lab? A meta-analysis of direct and indirect contact interventions. *European Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 45(2).
8. *Pettigrew T.F., Tropp L.R.* When groups meet: The dynamics of intergroup contact. London, UK: Routledge/Psychology Press, 2011.
9. *Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K.R.* Intergroup threat theory. In: Nelson, T.D. (Ed.), *Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination*. Mahwah, N.J., 2009.

Городская повседневность и межкультурная коммуникация в интернет-сообществах Краснодара: дискурс-анализ

Муха В.Н., Бураченко Л.С.

ФГБОУ ВО КубГУ, Краснодар, Россия
v.mukha@bk.ru, larisa-lulu@yandex.ru

Аполлонов И.А.

ФГБОУ ВО КубГУ, Краснодар, Россия
obligo@yandex.ru

Современная городская повседневность все активнее реализуется в цифровом пространстве. Интернет-сообщества становятся новой площадкой, где формируется локальная идентичность, конструируется образ города и разворачиваются процессы межкультурной коммуникации [1]. Изучение виртуальной городской повседневности открывает возможности понимания того, как складываются и развиваются новые практики межкультурной коммуникации в цифровой среде.

В отличие от офлайн-городской среды, виртуальная среда открывает больше возможностей для стихийного взаимодействия между представителями разных культурных и социальных групп. В сети видны как процессы интеграции и диалога, так и проявления напряженности, связанные с культурными различиями. Для этнопсихологии это создает уникальное поле наблюдения: онлайн-коммуникация одновременно отражает реальные практики взаимодействия и формирует новые модели межкультурного поведения [2].

Для того, чтобы определить каким образом повседневные онлайн-практики горожан отражают современные процессы межкультурной коммуникации было проведено исследование интернет-сообществ Краснодара. В качестве источников данных были использованы открытые группы социальной сети «ВКонтакте», относящиеся к разным типам сообществ: официальные муниципальные паблики («Город Краснодар»), новостные паблики («Типичный Краснодар»), развлекательные («Всё нормально, это Краснодар»), районные,

культурно-исторические и инициативные группы. Выборка включала около 20 сообществ, в совокупности несколько тысяч постов и десятки тысяч комментариев за зимний период 2024–2025 гг. Применялось сочетание количественного контент-анализа (14 основных тематических рубрик) и качественного дискурс-анализа (тональность, речевые стратегии, коммуникативные паттерны). Такой корпус данных позволил выявить ключевые тенденции в онлайн-дискурсе и проанализировать их с точки зрения межкультурной коммуникации.

1. Тематика дискурса. Центральное место занимают городские новости, вопросы инфраструктуры, транспорт и благоустройство. Однако не менее значимыми оказываются сюжеты культурной жизни, локальной истории, благотворительности и юмористического взаимодействия. Тем самым виртуальное пространство сочетает в себе официальные репрезентации города и повседневное народное восприятие.
2. Дискурсивные различия. Институциональный (официальный) дискурс характеризуется сухим, информативным стилем и позитивной повесткой. Пользовательский дискурс, напротив, эмоционален, полицентричен, насыщен шутками, сарказмом и локальными маркерами идентичности. Более половины всех комментариев носят юмористически-саркастический характер, около четверти – негативный, что указывает на амбивалентность восприятия городской реальности.
3. Межкультурный аспект. В обсуждениях активно воспроизводятся этнокультурные различия, проявляются региональные диалектизмы («кубанская балачка»), отмечается использование локального фольклора и мемов. Интернет-коммуникация становится ареной, где встречаются представители разных поколений, социальных и этнических групп. Здесь проявляется как потенциал диалога и взаимопомощи (волонтерские акции, обмен опытом), так и риск конфликтности (оскорбления, стереотипы, агрессивные реплики).
4. Социокультурные функции. Интернет-сообщества выполняют функции: «виртуального двора» (повседневное общение, обмен новостями, взаимопомощь); канала репрезентации городской идентичности (гордость за достижения, ностальгия по прошлому, символическая привязка к месту); площадки гражданского участия (обсуждение проблем ЖКХ, организация благотворительных инициатив).

Эти результаты демонстрируют, что виртуальное пространство становится важным компонентом межкультурной среды города, формируя новые коммуникативные нормы и практики. Виртуальная городская повседневность является значимой частью современной межкультурной коммуникации. Она отражает сложный баланс между официальными нарративами и гражданскими практиками, между позитивной репрезентацией и критикой, между стремлением к диалогу и риском конфликта. Для профессиональной практики результаты исследования имеют прикладное значение: в образовании они могут использоваться для формирования межкультурной компетентности и навыков медиаграмотности; в бизнесе и туризме – для создания эффективных

стратегий брендинга города и коммуникации с разными аудиториями; в практической работе – для понимания онлайн-поведения и профилактики межкультурных конфликтов [3].

Таким образом, анализ виртуальной городской повседневности можно рассматривать как новый инструмент изучения межкультурной коммуникации, обеспечивающий как научное, так и практическое осмысление процессов, происходящих в цифровую эпоху.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда (проект 24-18-20075 «Культурный код города: визуальный аспект»)

Литература

1. *Дмитриевская Н.В.* Городская повседневность: концептуальные основания исследования. М., 2019.
2. *Скуратов А.Б.* Сетевая структура и ризоморфность локальных интернет-сообществ крупных российских городов // Социологические исследования. 2021. № 9.
3. *Тимофеева И.Ю.* Повседневное пространство виртуального города как объект анализа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (34).

Развитие межкультурной чувствительности арт-терапевта

Назарова Н.Р.

Международная школа арт-терапии, Москва, Россия,
nata_nazarova@mail.ru

Обучающий авторский курс «Исцеляющие образы разных культур в современной арт-терапии» был разработан и проведен для специалистов-арт-терапевтов, заинтересованных в развитии межкультурной чувствительности, углубленном изучении собственной культуры, в знакомстве с образами исцеления, защиты и благополучия в культурах разных народов.

Курс рассчитан на два месяца обучения с еженедельными занятиями и домашними заданиями. Каждое занятие курса состояло из следующих частей: введение; разработка страниц своего культурного паспорта; знакомство с моделью развития межкультурной чувствительности М. Беннета [1] применительно к арт-терапии; краткое знакомство с психологическим направлением или темой в связи с последующим знакомством с культурными объектами, образами разных народов; практическая работа по созданию собственного образа, аналогичного представленным образам конкретной культуры; обсуждение опыта; завершение и подведение итогов.

Ключевой идеей курса стала модель развития межкультурной чувствительности М. Беннета [1], в которой представлены шесть стадий, разделенные на два качественно отличающиеся этапа: этноцентрический и этнорелятивистский. Модель стадий развития межкультурной чувствительности предполагает, что контакт с культурными различиями создает давление для изменения мировоззрения. В связи с этой идеей на каждом занятии вводилось знакомство с новыми культурными символами и образами, художественными техниками и приемами, присущими разным культурам. По М. Беннету [1] невозможно продвижение от этноцентризма к этнорелятивизму без глубокого освоения своей собственной культуры. В связи с этим в программе курса было предусмотрено создание собственного творческого культурного паспорта, наполняемого образами, углубляющими понимание истоков своего развития, становления, понимания собственных культурных корней. Первые страницы паспорта были посвящены культуре места рождения, культуре каждого родителя и их влиянию на сегодняшнюю ситуацию участников. Следующие страницы отсылали к культуре школьного и студенческого периодов жизни, первому знакомству с разными культурами, опыту межкультурных встреч, поездок и обменов, и также их влиянию на настоящие ситуации и события в жизни участников. Следующие страницы посвящены профессиональной культуре, ее влиянию на человека. По желанию в собственный культурный паспорт предлагалось добавить любые другие страницы, имеющие отношение к теме культуры и ее влияния. Например, культура детей и внуков, культура места нынешнего проживания и др.

Само знакомство с моделью М. Беннета [1] было составной частью курса. На каждом занятии происходило подробное знакомство с отдельной стадией модели, тех феноменов, которые могут встречаться, тех задач, которые требуют своего разрешения. Эта информация рассматривалась как в общем контексте взаимодействия разных культур, так и в частности, применительно к арт-терапевтической практике.

Художественные практики и образы исцеления, защиты и благополучия в разных культурах рассматривались в интеграции с теоретическими положениями из психологических направлений и практик терапии искусствами. Так, создание скульптурных вотивов в европейской культуре и в культурах других стран и народов, как практика просьбы о помощи в исцелении, рассматривалась совместно с темой психосоматики, разных взглядов на генез психосоматических заболеваний. Тема создания мексиканских ретабло была рассмотрена в парадигме позитивной психологии М. Селигмана, и важности темы благодарности. Знакомство с техниками живописи австралийских аборигенов продолжилось в русле работы с психосоматическим симптомом. Тема создания китайских вееров и символизма украшающих их образов была представлена в контексте позитивной психологии. На занятии, посвященном традиции создания африканских масок, сопутствующими темами были понятия маскарада, маскарадной культуры, драматерапии и применения масок в арт-терапевтической

практике. Идея применения тибетских флажков для пожелания здоровья и процветания всем живым существам была представлена в контексте средовой терапии и экологического направления арт-терапии. На примере знакомства со славянскими оберегами важно было увидеть взаимосвязи с появляющимися талисманоподобными объектами в арт-терапии. Завершающее занятие курса знакомило с возможностью применения формы житийной иконы и лубочной картинки для работы с разными аспектами идентичности личности.

В практической части после знакомства с одним из видов художественной практики, применявшейся для исцеления, защиты и благополучия в определенной культуре, участникам предлагалось создать собственную творческую работу в таком же стиле, наполнив ее личным посылом.

Две дополнительно рассматривающиеся темы курса: 1. Работа со сложной ситуацией межкультурного общения (был предложен авторский алгоритм практической арт-терапевтической работы). 2. Музейная арт-терапия, знакомящая с опытом работы Российского этнографического музея Санкт-Петербурга и проведения фестиваля творческих студий учреждений психоневрологического профиля на основе его коллекций и знакомства с культурами народов России.

По завершении курса были получены позитивные отзывы: «Курс превзошёл все мои ожидания. Давно не встречала настолько насыщенного и глубокого курса», «Материала очень много прекрасного – еще осваивать и осваивать! Широкомасштабный курс получился»; «Поразила глубина материала. Модель Беннета ответила на множество моих жизненных вопросов. И такая лёгкая подача материала, но при этом мы соприкасались с такими глубинными вопросами»; «Открылись некоторые моменты, которые я не могла ранее себе объяснить, а также стала с большим уважением относиться к другим культурам»; «Получила знания о тех культурах, о которых ранее не задумывалась. Интересный опыт. Важный для меня в этот период»; «Заинтересовала тема курса и как её соединили с арт-терапией».

Литература

1. *Bennett M.J.* Overview of intercultural communication training //International encyclopedia of intercultural communication. Wiley. <https://www.idrinstitute.org/resources/overview-of-intercultural-communication-training>. 2017.

Культурные паттерны детско-родительских отношений на протяжении жизни: кросскультурный подход в психотерапии

Нестерова А.А.

ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия

anestserova77@rambler.ru

Современная семейная психотерапия детско-родительских отношений должна учитывать не только динамику внутри семейной системы, но и их развитие на протяжении всей жизни в различных культурных контекстах. Традиционные модели, основанные на западных теориях автономии, доверия и равноправия, не являются универсальными и могут оказаться неприменимыми в культурах, где доминируют ценности взаимозависимости, сыновней почтительности и культурно-заданной «гарантированностью» детско-родительских отношений. Так, Фред Ротбаум и Гизела Троммсдорф рассматривают, как социализация связана с развитием двух фундаментальных человеческих потребностей – связанности («корни») и автономии («крылья») – в различных культурных контекстах. Авторы анализируют противоречие между западными теориями, которые часто рассматривают автономию и связанность как взаимодополняющие на индивидуальном уровне (например, в теории привязанности), и межкультурными данными, показывающими, что на уровне общества эти ценности могут быть противоположными [7]. Западные культуры склонны поощрять автономию при относительно меньшем акценте на связанность, тогда как коллективистские культуры делают упор на взаимозависимость и семейные обязательства, что может ограничивать индивидуальную автономию. Психотерапевт, игнорирующий эти культурные различия, рискует навязать семье чуждые ценности, что может привести к эскалации конфликта в семейной системе.

Ключевым различием в кросскультурной перспективе является оппозиция между двумя базовыми культурными ценностями: независимостью (автономией) и взаимозависимостью. В западных, индивидуалистических культурах отношения между родителями и детьми часто характеризуются как путь «генеративного напряжения», где основной целью является достижение автономии подростка через переговоры и даже конфликты и бунт с целью сепарации. В отличие от этого, в восточноазиатских и других коллективистических культурах доминирует модель «симбиотической гармонии», где ценятся взаимозависимость, послушание, сыновняя почтительность (*filial piety*) и поддержание гармонии в семье [6]. Эта разница определяет не только стиль взаимодействия, но и саму природу «хороших» детско-родительских отношений. В Германии, например, матери сообщают о большей близости с дочерьми, чем сами дочери, что подтверждает гипотезу «межпоколенческой ставки» (*intergenerational stake hypothesis*), которая предполагает, что родители больше инвестируют в своих детей и более позитивно оценивают детско-родительские

отношения, чем их дети [3]. В Индонезии же таких различий не наблюдается, так как конфликты в семье считаются нежелательными, а связь с родителями вообще не подлежит обсуждению [4].

Кросс-культурное исследование, посвященное анализу семейных коммуникационных паттернов, близости в отношениях «родитель-взрослый ребенок» и стилей разрешения конфликтов в трех странах (США, Китае и Саудовской Аравии) показало, что в китайском контексте особое внимание уделяется иерархии и уважению к старшим, что может влиять на стиль конфликтов, тогда как в американской культуре чаще акцентируется индивидуальность и прямое выражение мнений. Для Саудовской Аравии предполагается влияние религиозных и традиционных норм на семейные отношения [5]. Эти различия проявляются и на более поздних этапах жизни, когда речь идет о поддержке уже пожилых родителей. В рамках западной парадигмы, основанной на доверии, поддержка является результатом высокого качества текущих эмоциональных отношений и ожидания взаимности. В Германии, например, готовность взрослой дочери ухаживать за матерью напрямую зависит от качества их нынешних отношений и чувства взаимной поддержки. В Японии, однако, поддержка основана на гарантированности – это просто беспрекословный долг, вытекающий из долгосрочной взаимозависимости и культурных обязательств, а не из оценивания баланса текущих вложений и издержек [10]. Здесь даже при низком качестве отношений чувство обязанности остается все равно сильным, поскольку ребенок никогда не сможет «отплатить» родителям за все, что они для него сделали. Таким образом, западная концепция взаимности как сбалансированного обмена не работает в культурах, где преобладает взаимозависимость.

В нашем исследовании были обнаружены кросскультурные особенности сепарации от родителей взрослеющих детей [2]. Так, сельская молодежь и представители традиционных этнических групп (народы Северного Кавказа, татары, чуваша) демонстрируют низкую автономию из-за патриархальных норм и коллективистской модели. В отличие от них, молодежь из неполных семей и индивидуалистических культур (русская) проявляет раннюю сепарацию, что отражает влияние жизненных обстоятельств и культурного контекста на формирование автономии.

Передача ценностей от поколения к поколению также происходит по-разному. В культурах взаимозависимости, таких как Индия, Китай, Индонезия, передача ценностей более прямая и сильная, поскольку она поддерживается стабильной семейной структурой и общими ожиданиями. В культурах, переживающих переход к современности, наблюдается избирательная передача ценностей, где младшее поколение может отвергать традиционные нормы (например, послушание) в пользу современных (например, независимость) [1; 9].

Психотерапия должна быть адаптирована к культурно-специфическим механизмам. В культурах взаимозависимости ключевым может быть укрепление чувства принадлежности и выполнение ролевых обязанностей, а не развитие автономии. Вместо поощрения конфликта как способа установления границ, терапевту

необходимо фокусироваться на стратегиях гармонизации, уважения к старшим и косвенных формах выражения заботы. Также важно понимать, что передача ценностей происходит не только через прямое обучение, но и через качество отношений, которое само по себе является «трансмиссионным ремнем» [9].

Таким образом, эффективная семейная психотерапия требует отказа от этноцентричных моделей и перехода к кросс-культурному подходу. Терапевт должен диагностировать доминирующую культурную логику семьи (независимость/доверие VS. взаимозависимость/сыновний долг) и строить вмешательство, уважая эти основополагающие ценности, а не стремясь их изменить. Это позволяет создать безопасное пространство для диалога, где конфликты рассматриваются не как патология, а как столкновение разных, но валидных для конкретного клиента культурных мировоззрений.

Литература

1. Дубров Д.И., Татарко А.Н. Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 2.
2. Нестерова А.А., Косолапова А.В. Роль сепарации от родителей в формировании жизнеспособности: исследование гендерных различий у молодёжи // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 2.
3. Birditt K.S. *et.al.* Extending the intergenerational stake hypothesis: Evidence of an intra-individual stake and implications for well-being // Journal of Marriage and Family. 2015. Vol. 77(4).
4. Schwarz B., *et.al.* Adult parent–child relationships: Relationship quality, support, and reciprocity // Applied Psychology. 2005. Vol. 54. (3).
5. Guan X., Li X. A Cross-Cultural Examination of Family Communication Patterns, Parent-Child Closeness, and Conflict Styles in the United States, China, and Saudi Arabia // Journal of Family Communication. 2017. Vol. 17(3).
6. Rothbaum F., *et.al.* The development of close relationships in Japan and the United States: Paths of symbiotic harmony and generative tension // Child Development. 2000. Vol. 71(5).
7. Rothbaum F., Trommsdorff G. Do roots and wings complement or oppose one another? The socialization of relatedness and autonomy in cultural context. Guilford Press. 2007.
8. Rubin K.H., Chung, O.B. (Eds.). Parenting Beliefs, Behaviors, and Parent-Child Relations: A Cross-Cultural Perspective (1st ed.). Psychology Press, 2006.
9. Trommsdorff G. Parent–child relations over the lifespan: A cross-cultural perspective / In Parenting beliefs, behaviors, and parent-child relations. Psychology press, 2013. P. 143–184.
10. Yamagish T., Cook K.S., Watabe M. Uncertainty, trust, and commitment formation in the United States and Japan // American Journal of Sociology. 1998. Vol. 104(1).

Межкультурная компетентность и социально-психологическая адаптация русскоговорящих мигрантов в Марокко

Низовцова А.Н.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

anna_nizovtsova@mail.ru

В настоящее время изучение механизмов социокультурной адаптации мигрантов к новой среде приобретает особую важность в связи с интенсификацией миграционных процессов в условиях глобализации. Адаптацию принято разделять на социокультурную (изменение поведенческих стратегий индивида в ответ на требования среды) и психологическую (достижение внутренней гармонии). Согласно теории Дж. Берри, наиболее эффективной стратегией аккультурации является интеграция – сохранение своей культурной идентичности и одновременная идентификация с новой [4]. Межкультурная компетентность – это способность человека быть эффективным в общении с представителями различных культур и в различных культурных средах [2].

Цель исследования: выявить характер связи межкультурной компетентности и социально-психологической адаптации мигрантов.

Гипотеза исследования: межкультурная компетентность положительно связана с успешной социально-психологической адаптацией.

Эмпирическая база исследования: 140 русскоговорящих женщин и 3 мужчин в возрасте от 25 до 68 лет ($M = 44,8$, $SD = 8,8$), проживающие в Королевстве Марокко от 1 месяца до 45 лет ($M = 15,8$, $SD = 11$).

Методики исследования:

1. Интегративный опросник межкультурной компетентности [3].
2. Опросник «Аккультурационные стратегии» Дж. Берри [1].
3. Оценка социокультурной адаптации Дж. Берри [1].
4. Краткая шкала психологической адаптации (BPAS) К.А. Демес и Н. Гираерт [2].

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно описательным статистикам, для выборки русскоязычных мигрантов, проживающих в Марокко, характерен достаточно высокий уровень межкультурной компетентности по всем четырем показателям: межкультурная стабильность ($M = 4,4$, $SD = 0,4$), межкультурный интерес ($M = 4,1$, $SD = 0,73$), отсутствие этноцентризма ($M = 4$, $SD = 0,5$), управление межкультурным взаимодействием ($M = 4,1$, $SD = 0,5$). При этом наиболее характерной для них стратегией аккультурации является интеграция ($M = 4,3$, $SD = 0,56$), значительно в меньшей степени им свойственна сепарация ($M = 2,2$, $S = 0,8$), слабую выраженность имеют стратегии ассимиляции ($M = 1,4$, $SD = 0,5$) и маргинализации ($M = 1,6$, $SD = 0,6$). Уровень социокультурной адаптации респондентов – высокий ($M = 4,4$, $SD = 0,5$). В то же время уровень психологической адаптации средний ($M = 5$, $SD = 0,9$).

Для последней методики использовалась 7-балльная шкала Лайкерта, во всех остальных – 5-балльная.

Было выявлено, что ориентация на стратегию интеграции положительно связана со всеми компонентами межкультурной компетентности (управление межкультурным взаимодействием ($r = 0,381$, $p = 0$), межкультурная стабильность ($r = 0,308$, $p = 0,0$), межкультурный интерес ($r = 0,279$, $p = 0,0$), отсутствие этноцентризма ($r = 0,325$, $p = 0,0$)). Ориентация на стратегию сепарации отрицательно связана с компонентами межкультурной компетентности (управление межкультурным взаимодействием ($r = -0,276$, $p = 0,001$), межкультурная стабильность ($r = -0,356$, $p = 0,0$), межкультурный интерес ($r = -0,371$, $p = 0,0$), отсутствие этноцентризма ($r = -0,346$, $p = 0,0$)), социокультурной ($r = -0,324$, $p = 0,0$) и психологической адаптацией ($r = -0,373$, $p = 0,0$). Ориентация на стратегию маргинализации также отрицательно связана со всеми компонентами межкультурной компетентности (управление межкультурным взаимодействием ($r = -0,289$, $p = 0,0$), межкультурная стабильность ($r = -0,3$, $p = 0,0$), межкультурный интерес ($r = -0,249$, $p = 0,003$), отсутствие этноцентризма ($r = -0,233$, $p = 0,005$)). Уровень социокультурной адаптации положительно связан с отсутствием этноцентризма ($r = 0,22$, $p = 0,008$), межкультурной стабильностью ($r = 0,362$, $p = 0,0$) и межкультурным интересом ($r = 0,218$, $p = 0,003$). Уровень психологической адаптации положительно связан с отсутствием этноцентризма ($r = 0,28$, $p = 0,003$), межкультурной стабильностью ($r = 0,316$, $p = 0,001$), межкультурным интересом ($r = 0,282$, $p = 0,003$).

Таким образом, респонденты с высоким уровнем межкультурной компетентности чаще ориентируются на стратегию интеграции в новой социокультурной среде и реже на стратегии сепарации и маргинализации. Данные подтверждают, что успешная социально-психологическая адаптация положительно связана с такими показателями межкультурной компетентности, как отсутствие этноцентризма (установка на уважение и принятие культурного разнообразия), межкультурная стабильность (устойчивость к стрессовым ситуациям в межкультурном общении) и межкультурный интерес (желание общаться с людьми из других культур), при этом отрицательно со стратегией сепарации.

Успешность адаптации русскоязычных представителей в Марокко возможно объяснить их высоким уровнем образования, длительностью проживания в стране, достаточно высокой мотивированностью на интеграцию (большинство респондентов трудоустроены, состоят в смешанных браках с марокканцами и имеют детей).

Выводы. Уровень межкультурной компетентности русскоговорящих мигрантов в Марокко положительно связан с их социально-психологической адаптацией и ориентацией на стратегию интеграции. Ориентация на стратегию сепарации отрицательно связана с социально-психологической адаптацией мигрантов.

Литература

1. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М., 2011.

2. *Ооки К.А., Вачков И.В.* Русскоязычные версии кратких шкал адаптации и аккультурационных ориентаций Демес и Гираерт: психометрические характеристики // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № . 3.
3. *Хухлаев О.Е., Гриценко, В.В., Макаrchук и др.* Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № . 1.
4. *Berry J.W.* Acculturation: Living successfully in two cultures // International journal of intercultural relations. 2005. Vol. 29. № . 6.

Преимущества и трудности управления когнитивными процессами у младших школьников-билингвов на ранних этапах обучения иностранному языку

Новгородова Ю.О., Хотинец В.Ю.

ФГБОУ ВО УдГУ, Ижевск, Россия

novgorodova_yulia@inbox.ru, khotinets@mail.ru

В образовательной ситуации обучения иностранному языку на ранних этапах создаются педагогические условия, требующие от младших школьников со сбалансированным билингвизмом когнитивных усилий, что способствует преимуществам [7] и обуславливает трудности управления когнитивными процессами. Данная ситуация способствует возникновению языковой энтропии. Концепция языковой энтропии позволяет оценить спектр языковых средств, доступных школьнику в заданных условиях коммуникации. Согласно исследованиям Gullifer и Titone (2020) языковая энтропия возрастает благодаря языковым изменениям, вызванным влиянием других языков – от отдельных элементов до полной интеграции, что повышает эффективность когнитивных процессов при решении задач [6; 7]. Цель данного исследования – выявление преимуществ и трудностей у младших школьников-билингвов на ранних этапах обучения иностранному языку в условиях языковой энтропии.

Для диагностики функций управления когнитивными процессами использовались компьютеризированные пробы программного обеспечения психолога «Практика – МГУ»: проба «Таблицы Шульте» для исследования внимания, проба «Точки» для исследования тормозного контроля и когнитивной гибкости, проба «Тест Струпа» для исследования когнитивной гибкости. В оценке развития функций управления когнитивными процессами применялись бумажные нейропсихологические пробы: для исследования тормозного контроля и когнитивной гибкости – пробы «Реакция выбора», «Счет», «Решение задач», «Вербальные ассоциации»; для исследования рабочей памяти – проба «Запоминание трудновербализуемых фигур» (зрительно-пространственная память), проба «Запоминание двух групп по три слова» (слухоречевая память) [1].

Значимость различий исследуемых показателей определялась с помощью U-критерия Манна-Уитни пакета SPSS Statistics 25.0.

Выборку составили 150 детей младшего школьного возраста от 7,9 до 9,10 лет ($M=8,43$, $SD=0,38$), из них 75 детей (33 мальчика, 42 девочки) – сбалансированные билингвы, свободно владеющие в равной степени двумя языками (удмуртский и русский), обучающиеся в национальной удмуртской гимназии г. Ижевска; 75 детей (38 мальчиков, 37 девочек) – группа сравнения – монолингвы, владеющие только русским языком, обучающиеся в общеобразовательной школе г. Ижевска.

Установлен ряд преимуществ билингвов по показателям: продуктивность тормозного контроля (способность сдерживать непровольную, импульсивную активность) (p от 0,05 до 0,001), продуктивность когнитивной гибкости (гибкость адаптации к изменяющимся условиям) (p от 0,05 до 0,001), внимание ($p=0,001$), зрительно-пространственная рабочая память (способность удерживать и использовать зрительную информацию для решения задачи в текущий момент) (p от 0,05 до 0,001). Трудности билингвов связаны с ошибками без самокоррекции в первой пробе «Реакция выбора» ($p=0,005$) (тормозный контроль); количеством словосочетаний в свободных вербальных ассоциациях ($p=0,0001$), количеством словосочетаний в направленных вербальных ассоциациях (растения) ($p=0,001$) (когнитивная гибкость). Трудности в образовательной ситуации обучения иностранному языку у сбалансированных билингвов на ранних этапах могут быть связаны с взаимодействием разных лингвистических систем, что приводит к ошибкам переключения с одного языка на другой при выборе целевого, необходимого в определенном социальном контексте. В связи с этим повышается нагрузка функций управления когнитивными процессами.

Выявленные закономерности соответствуют результатам, демонстрирующим специфику синкретического влияния двуязычия на процесс освоения третьего языка у младших школьников [2; 3; 4; 5]. Образовательная ситуация раннего освоения иностранного языка у младших школьников-билингвов осложняется эффектами языковой энтропии и необходимостью интенсивной регуляторной деятельности. Результаты исследования дают возможность определить оптимальные психолого-педагогические условия, способствующие успешному освоению иностранного языка младшими школьниками с различным уровнем языковой компетенции.

Литература

1. Методы нейropsychологического обследования детей 6–9 лет / под общ. ред. Т.В. Ахутиной М., 2021.
2. Хотинец В.Ю., Медведева Д.С. Особенности речемыслительной деятельности детей монолингвов и естественных билингвов // Психологический журнал, 2021. Т. 42. № 2.
3. Хотинец В.Ю. и др. Особенности развития когнитивной регуляции в связи с коммуникативной компетентностью детей монолингвов и сбалансированных билингвов // Образование и саморазвитие, 2022. Т. 17. № 3.

4. *Хотинец В.Ю. и др.* Когнитивная регуляция младших школьников-билингвов в процессе изучения третьего языка // *Образование и саморазвитие*, 2023. Т. 18. № 3.
5. *Хотинец В.Ю. и др.* Связь функций регуляции активности и управления когнитивными процессами у младших школьников-билингвов и монолингвов на ранних этапах изучения английского языка // *Образование и саморазвитие*, 2024. Т. 19. № 3.
6. *Gullifer J.W., Titone D.* Characterizing the social diversity of bilingualism using language entropy // *Bilingualism: Language and Cognition*, 2020. Vol. 23. № 2.
7. *Wagner D., Bekas K., Bialystok E.* Does Language Entropy Shape Cognitive Performance? A Tale of Two Cities // *Bilingualism: Language and Cognition*, 2023. Vol. 26. № 5.

Межкультурная коммуникация и цифровизация: особенности отношения к цифровым образовательным технологиям у иностранных студентов из ближнего и дальнего зарубежья

Новикова И.А., Бычкова П.А., Новиков А.Л.
РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия
Novikova-ia@rudn.ru

Важнейшим трендом современного высшего образования является его интернационализация, в том числе – рост академической мобильности студентов и преподавателей [1]. На фоне большого числа исследований различных факторов, связанных с особенностями межкультурной коммуникации и адаптации иностранных студентов, на наш взгляд, недостаточно изученным остается фактор цифровизации образования.

В данном исследовании рассматриваются особенности отношения к цифровым образовательным технологиям (ЦОТ) у студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья в сравнении с российскими студентами, а также анализируются связи отношения к ЦОТ с типами академической мотивации и личностными чертами студентов из этих подгрупп.

Всего в эмпирическом исследовании приняли участие 338 студентов российских вузов (82,8% – РУДН) разных направлений обучения, из них 104 (76% – девушки) иностранных студента из стран ближнего зарубежья (большинство из Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Казахстана), 99 иностранных студентов (72% – девушки) из дальнего зарубежья (большинство из Китая и Вьетнама), 135 (65% – девушки) студентов из России (в качестве сравнительной выборки).

Для диагностики отношения к ЦОТ использовалась авторская «Шкала отношения студентов к ЦОТ», разработанная на основе Трехсторонней модели аттитюда [5, с. 88, 1109] и прошедшая психометрическую проверку [2; 4; 7].

Методика включает три субшкалы, соответствующие компонентам социальной установки: 1) эмоциональный компонент (ЭК); 2) когнитивный компонент (КК); 3) поведенческий компонент (ПК). Сумма *husq* показатель отражает общее отношение студентов к ЦОТ. Личностные черты (нейротизм, экстраверсия, открытость, согласие и добросовестность) диагностировались с помощью русскоязычной версии Пятифакторного опросника [6]. Для определения мотивации учебной деятельности студентов использовался опросник «Шкалы академической мотивации» [3], который позволяет оценить семь качественно разных типов учебных мотивов студентов: три типа внутренних (мотивация познания, достижения и саморазвития), три типа внешних мотивов (мотивация самоуважения, интроецированная и экстернальная) и амотивацию. Для обработки использовались методы описательной статистики, ранговый корреляционный анализ Спирмена и непараметрический U-критерий Манна – Уитни для независимых выборок.

Во всех группах студентов было выявлено преобладание позитивного отношения к ЦОТ при доминировании ЭК и наименьшей выраженностью ПК. Статистический анализ показал, что все показатели отношения к ЦОТ значимо выше в группе российских студентов по сравнению с обеими группами иностранных студентов и значимо выше в группе студентов из ближнего зарубежья по сравнению со студентами из дальнего зарубежья. Значимых различий между группами по выраженности личностных черт и типов учебной мотивации не выявлено.

Корреляционный анализ выявил, что во всех группах типы мотивации более тесно связаны с показателями отношения к ЦОТ, чем черты личности, при этом больше всего значимых корреляций между изучаемыми переменными зафиксировано в группе студентов из дальнего зарубежья.

Сходство корреляционных структур в изучаемых группах студентов ярче всего проявляется в наличии аналогичных значимых корреляций показателей отношения к ЦОТ: положительных – с добросовестностью и всеми видами внутренней мотивации и отрицательных – с мотивацией.

Различия в корреляционных структурах, прежде всего, проявляются в связях показателей отношения к ЦОТ с личностными чертами: для группы студентов из дальнего зарубежья наиболее специфичными являются положительные корреляции с согласием (доброжелательностью), а для группы студентов из ближнего зарубежья наиболее специфичными являются отрицательные корреляции с нейротизмом.

Таким образом, установлено, что иностранные студенты из стран дальнего зарубежья относятся к использованию цифровых технологий в образовании относительно хуже, чем студенты из стран ближнего зарубежья и особенно чем российские студенты. Этот факт необходимо учитывать в практической работе по сопровождению и поддержке иностранных студентов в российских вузах, а также продолжать исследования в данном направлении.

Литература

1. *Абрамова М.О., Филькина А.В., Сухушина Е.В.* Вызовы интернационализации для российского высшего образования: влияние пандемии COVID-19 на образовательный опыт иностранных студентов // Вопросы образования. 2021. № 4.
2. *Бычкова П.А.* Личностные черты и мотивация как предикторы отношения к цифровым образовательным технологиям у студентов и преподавателей: дисс. канд. псих.н. М., 2023
3. *Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4.
4. *Новикова И.А., Бычкова П.А.* Отношение к цифровым образовательным технологиям у студентов: определение, диагностика, гендерные особенности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2024. № 17. № 1.
5. APA dictionary of psychology / Ed. by G.R. VandenBos. 2nd ed. Washington, 2015.
6. *Bodunov M.V., Biryukov S.D.* Big 5: Five-Factor Inventory. Adapted and reproduced by special permission of the Publisher, Psychological Assessment Resources from the NEO Five Factor Inventory by P. Coşta, R. McCrae. Moscow, 1989: Institute of Psychology RAS.
7. *Novikova I.A., Bychkova P.A., Shlyakhta D.A., Novikov A.L.* Attitudes towards digital educational technologies scale for university students: Development and validation // Computers. 2023. Vol. 12. № 9.

Этнопсихологический анализ коммуникативных особенностей в российско-японском деловом взаимодействии

Отмани В.Ю.

Независимый исследователь, Москва, Россия
valen.otmani@gmail.com

Представленные тезисы доклада отражают этнопсихологический анализ опыта работы менеджером по проектам в дочерней компании Panasonic с 2012 по 2017 года. Главная цель – проанализировать основные трудности коммуникации между российскими сотрудниками и клиентами, с одной стороны и японцами, – с другой.

Деловой этикет японских компаний сложен не только для иностранцев, но и для самих японцев. Именно поэтому новоприбывшие сотрудники в первые дни работы проходят углубленный тренинг-введение в рабочий процесс. На руки им выдают небольшие книги с подробными инструкциями о том, как следует одеваться и что делать в самых разных ситуациях, включая случайные встречи с клиентом на лестнице или в коридоре [3]. Отдельные главы посвящены телефонному этикету и правилам делового общения [4].

Примечательно, что в брошюрах для японских сотрудников нет главы, посвященной времени. Это значит, что эти правила не требуют разъяснения для

японцев. «Быть вовремя» означает быть как минимум за 15 минут до начала встречи. То же касается и начала рабочего дня: в девять утра сотрудник должен быть не просто на своем рабочем месте, но уже активно работать. Появление в офисе ровно в девять равносильно опозданию и может повлечь выговор начальства. Японцы же зачастую приходят на работу за час-два до начала рабочего времени, чтобы к 9 часам утра быть готовыми к активной трудовой деятельности.

Представители японского бизнеса соблюдают строгий дресс-код [3]. Сотрудники российских компаний обычно намного свободнее в выборе одежды, и слишком повседневный стиль может заставить японцев сомневаться, общаются ли они с равно статусными людьми, что, несомненно, может повлиять на итог переговоров.

Неизменной традицией японских компаний являются совместные выходы в свет, известные под названием «конданкай» 懇談会, представляющие собою душевные разговоры в ресторане в вечернее время [1]. Для японцев эти встречи – возможность переключиться, узнать новое и личное о других людях, в то время как русские во время подобных встреч продолжают обсуждение деловых вопросов, что зачастую вызывает недоумение у японской стороны. Если мы обратимся к данным Г. Хофстеде, то увидим, что индольгирование в Японии – 42, а в России – 20 баллов [5], что говорит нам о том, что японцы более склонны отдыхать по сравнению с русскими, и это подтверждает и наш опыт работы в японской компании. Россияне воспринимают нежелание японцев обсуждать деловые вопросы во время «конданкай» как проявление несерьезности, а японцы считают русских слишком «настойчивыми и трудолюбивыми».

Примечательной особенностью японской деловой культуры является наличие мультяшных персонажей и маскотов. Мы предполагаем, что это связано с намеренной инфантилизацией японской культуры, которая активно проводилась американскими властями после Второй Мировой войны [2]. Тем не менее, эта особенность иногда ставит в тупик русскоязычных партнеров. Мультяшная графика не способствует привлечению внимания потенциальных покупателей.

По данным команды Г. Хофстеде, Долгосрочное Ориентирование у России – 58, а у Японии – 100 баллов [5]. Изначально, японцы заходили на российский рынок, подчеркивая долговечность продукции: «прослужит не менее ста лет», на что российские партнеры и клиенты недоуменно качали головой и отвечали, «нам и двадцати лет достаточно». Безусловно, в данном случае немалую роль играет и разница в стоимости. Однако россияне готовы были заплатить больше за уникальный дизайн, а не за долговечность, что отражает данные Хофстеде.

Самым, пожалуй, сложным во время работы в японской компании было понять, когда японцы согласны с условиями, будь то отпуска сотрудника или делового договора с другой компанией. Предположить искреннее разрешение или заинтересованность возможно только по косвенным признакам. Например, японцы при прощании провожали до лифта или (в случае крайней заинтересованности и уместности) – до личного транспорта гостей. Умение

«читать воздух» (空気を読む) крайне необходимо не только во время важных переговоров, но и в повседневном общении.

Деловой мир японских компаний значительно более регламентирован [1], чем в России. Вероятно, в нашей стране сотрудники сталкиваются со строгой регламентацией в государственных органах, в то время как в Японии она распространяется на компании самого разного уровня, от крупных производителей до небольших частных предприятий. Регламентировано все: как располагаются сотрудники в машине, как давать и брать визитки, как располагать их на столе, чтобы проявить должное уважение собеседнику и так далее. Незнание регламента, а также трудность понимания высококонтекстной культуры японцев с необходимостью читать между строк, вызывает основные трудности межкультурной коммуникации.

Однако общение с японцами, с какими бы культурными различиями и трудностями вы не сталкивались, не вызывало таких затруднений, как общение со старшими российскими коллегами. Дело в том, что, когда речь идет о представительстве японской компании, это означает, ее сотрудники-японцы меняются каждые три года. В таком случае большая власть достается российскому сотруднику, который давно или с момента основания представительства работает в компании. Японцы вынуждены уезжать и приезжать каждые три года, а российский сотрудник работает на одном месте, провожая одних японцев и вводя в курс дела других, что со временем сосредотачивает в его руках немалую власть. Это именно тот человек, с которым важно найти общий язык, и это не учитывают новоиспеченные специалисты со знанием японского языка.

Литература

1. Муртаг Н. Гайдзин на службе в компании Mitsubishi. М., 2008.
2. Рут Б. Хризантема и меч. СПб., 2013.
3. Sawayakana mana: handobukku. Matsushita Electric Industrial. Osaka, 2008.
4. Watashitachino otobadukai handobukku. Matsushita Electric Industrial. Osaka, 2008.
5. Данные Хофстеде по странам: <https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool>

Применение позитивной транскультуральной психотерапии в психологическом консультировании мультикультурных клиентов

Орсоо Т.

Международная ассоциация позитивной
транскультуральной психотерапии, Улан-Батор, Монголия
miaiorsoo@mail.ru

По мнению некоторых социологов, психологов профессия психолога будет оставаться очень востребованной в ближайшем будущем [1; 5, с. 97–101]. И этому есть обоснования. Во-первых, такие глобальные вызовы современности, как экономические кризисы, социальная напряженность, увеличение скорости жизни, рост потребления, удорожание жизни, которые, в свою очередь, ведут к разрывам эмоциональных связей между людьми, увеличивает потребность в психологической поддержке со стороны специалиста. Во-вторых, все больше людей осознают важность заботы о своем психическом здоровье, признают необходимость в случае столкновения со сложными ситуациями в жизни обратиться к помощи специалиста, в силу этого, фактор социальной стигматизации обращения к психологам и даже психиатрам заметно снижается [1].

Еще одна актуальность нашей эпохи – глобализация, увеличение потока мигрантов, переезд молодых людей в другие страны в поисках лучшего образования, работы, увеличение количества и качества межкультурного взаимодействия, рост межкультурных браков. Люди попадают в состояние «культурного шока», с вызовами которого немногие могут справиться самостоятельно. Встает насущная потребность в профессиональной подготовке мультикультурных психологов, психотерапевтов, умеющих работать с представителями разных культур. Этим насущным требованиям отвечает интегративный психотерапевтический подход – Позитивная транскультуральная психотерапия (ПТПТ) [5, с. 95–101].

Подход был разработан Носсрат Пезешкианом (г. Висбаден, Германия) в 60–70 гг. XX в. иранцем по происхождению, который всю свою сознательную жизнь жил, учился, работал в Германии, сравнивая характеристики пациентов их двух разных культур: Восток-Запад [3, с. 96]. Один из принципов ПТПТ – Транскультуральность – психотерапевтический принцип подхода, объединяющий культуры, служащий мостом между культурами, осознающий единство всего человеческого, способствующий пониманию различий, помогающий принимать их в расчет при проведении психологического консультирования и психотерапии [5, с. 95–101].

Основополагающие теоретические положения ПТПТ – это теория об Актуальных способностях (АС) [6, с. 190–197], Теории о Базовых концепциях [2, с. 140–146], психодинамическая теория о Конфликтах, представляемая в виде пирамиды конфликтов – «Айсберга» – сверху вниз: Актуальный, Ключевой,

Внутренний и Базовый конфликты [5, с. 162–179]. Считается, что содержанием всех конфликтов является столкновение Актуальных способностей (АС). По теории Н. Пезешкиана – их две группы: Первичные АС – это наши эмоциональные потребности, ценности, способности Любить, Заботиться, уделять Время, Внимание (Контакт) и др.; Вторичные АС – это нормы социального поведения, привитые нам нашим воспитанием в семье – способности быть Вежливыми, Трудолюбивыми, Ответственными, Аккуратными и др. [6, с. 190–197]. При взаимодействии представителей разных культур (причем, каждая семья имеет свою культуру) происходит столкновение (непринятие) разных ценностей, разных моделей поведения. Каждый участник взаимодействия будет отстаивать свои ценности и нормы поведения, считая их единственно правильными, что приводит к конфликтам.

По теории Н. Пезешкиана, жизнь человека проходит в четырех (4) сферах: Тело/Ощущения, Деятельность/Рациональность, Контакты/Традиции, Смыслы/Фантазии [6, с. 150–160]. Жизнь человека будет гармоничной, тело и психика здоровыми, если все четыре сферы задействованы в равной мере. Этот баланс можно представить наглядно на графике в виде ромба; равнобедренного, если все 4 сферы гармонично развиты. Продиагностированная форма ромба, перекосящая с какой-то из сторон у каждого из участников взаимодействия может указывать на несоответствие образа жизни, ценностей – источники конфликтов. Важен учет Транскультуральных особенностей: в разных культурах (Восток – Запад) внимание уделяется разным сферам, другими словами, в разных культурах – разные ценности. К примеру, на Западе (страны с высокоразвитыми экономиками) выделяются сферы Тело и Деятельность; в России и Китае – Деятельность и Контакты; в Индии и некоторых восточных странах – Контакты и Смыслы [3, с. 103].

Рассмотрим практическое применение ПТПТ на примере консультационной работы с парой. **Пример:** пара межэтническая (он, 39 лет – француз алжирского происхождения; она, 35 лет – россиянка татарка), не женаты, в отношениях уже 8 лет, с перерывами. Запрос: она – «хочет замуж за него любой ценой!», он – «не понимает, зачем это надо?». Непонимание приводило к серьезнейшему напряжению, сильным эмоциональным переживаниям, которые обоим не устраивали.

В терапии были применены следующие инструментари ПТПТ: *WIP-PF (Большой Висбаденский опросник)*, по которому были выявлены разные уровни развития/дефицитов различных АС у партнеров в силу их культурных различий [4]. Расхождение по проявлениям АС диагностировалось по *ДАО (Дифференциальный аналитический опросник)* [6, с. 210–215]. Внимание, уделяемое партнером сферам жизнедеятельности, было проанализировано по *Модели баланса* [6, с. 150–160]. Семейные концепции обоих партнеров были продиагностированы по *Модели подражания* [6, с. 168–172]. По всем параметрам были выявлены значительные расхождения, которые и приводили пару к серьезнейшим разногласиям в попытках прийти к пониманию. К примеру:

по МБ у партнера ромб был вертикально вытянут между Телом (много внимания своему физическому развитию, получению наслаждения и удовольствия от жизни) и Kontakтами (он экстраверт, общительный, однако, склонный к поверхностным связям). У партнерши – ромб вытянут горизонтально: много внимания Деятельности (я должна много работать, быть успешной, чтобы заслужить уважение и принятие) и Смыслом (сама главная ценность – Семья, в нем я вижу гарант своей стабильности). В результате работы партнеры, осознав причины конфликтов, смогли прийти к осознанному решению.

Литература

1. *Иванова И.* Не айтишниками едиными: психологи тоже в тренде. URL: <https://blog.tutortop.ru/ne-ajtishnikami-edinymi-psihologi-tozhe-v-trende>
2. *Кириллов И.* Позитивная психотерапия. Базовый курс. М., 2019.
3. *Пезешкиан Н.* Если ты хочешь иметь то, что никогда не имел, ... М., 2007.
4. *Пезешкиан Н.* Тренинг семейных отношений. 33 и 1 форма партнерства. М., 2005.
5. Позитивная психодинамическая психотерапия. Учебное пособие. Висбаден, 2024.
6. *Peseschkian N.* Positive Family Psychotherapy. WAPP Press. 2013.

Особенности этнической идентичности студентов Белгорода

Панич О.Е., Остапенко В.А.

НИУ БелГУ, Белгород, Россия

panich@bsuedu.ru, 1638844@bsuedu.ru

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена прежде всего местом проведения исследования – это территория Белгородской области, исторически возникшая на стыке славянских культур. А на протяжении последних лет ставшая эпицентром экстремальных и трагических ситуаций. По данным социологов «на приграничных территориях исследуемого региона значительная часть населения (23%) имеет множественную этноидентичность, относя себя одновременно и к русским, и к украинцам, а элементы украинской этнокультуры прочно вошли в региональную идентичность всего населения» [1]. Негативное психоэмоциональное состояние и высокий уровень тревожности и стресса создают запрос к деятельности психологов по профилактике и поддержке психологического здоровья населения, с учетом этнокультурной специфики региона.

Социально-психологические аспекты этнокультурной и академической адаптации студентов-мигрантов из Юго-Восточной Украины систематически рассматривалось в работах психологов и социологов Белгородского государственного университета: Агапова Э.Э. (2015); Разуваева Т.Н., Давтян Р.А.(2016); Реутова М.Н., Коваль А.А.(2016); Самохвалова Е.В., Давтян Н.А.(2016); Корнеева С.А, Локтева А.В. (2018); Иванова О.А. (2019); Бучек А.А., Серебряная М.В. (2023).

Реализованное нами исследование также проводилось в НИУ «БелГУ» г. Белгорода. Респондентами выступили студенты младших курсов, социальная ситуация развития которых включает кризис ранней юности и адаптацию к образовательной среде вуза. В исследовании приняли участие студенты в возрасте от 17 до 19 лет, первокурсники и второкурсники очного отделения гуманитарных факультетов, 45 человек. Это в основном жители Белгородской и Харьковской областей и ДНР. Характеризуя базу и выборку исследования, необходимо подчеркнуть особый социально-психологический контекст территориальной, языковой и часто родственной близости жителей Белгородской и прилегающей к ней Харьковской областей.

Этническая идентичность измерялась методиками «Типы этнической идентичности» Г.В. Солдатовой, и Дж. Финни в 2022, 2023 и 2024 годах. В ходе сравнения типов этнической идентичности студентов в разные годы с использованием критерия Крускала-Уоллиса, выявлены статически значимые различия по показателям «Этнонигилизм» ($N=6,920$, при $p \leq 0,1$), «Этноизоляция» ($N=7,802$, при $p \leq 0,05$) и «Этнофанатизм» ($N=8,468$, при $p \leq 0,05$), что может свидетельствовать об изменениях в гипо- и гиперидентичности.

Кроме того, в ходе корреляционного анализа получен ряд связей между показателями двух методик: «Аффективный компонент этнической идентичности» и «Этническая индифферентность» ($r = -0,384$, при $p \leq 0,05$). Между показателями «Аффективный компонент этнической идентичности» и «Этнофанатизм» ($r = 0,381$, при $p \leq 0,05$), и между показателями «Аффективный компонент этнической идентичности» и «Этноизоляция» ($r = 0,484$, при $p \leq 0,01$).

Обобщая результаты, можно отметить рост проявлений как гипо-, так и гиперидентичности респондентов. Тенденция актуализации этнической гиперидентичности на фоне межнациональной напряженности, сочетается с гиподентичностью, снижением роли этнической принадлежности в процессе непосредственного общения. Полученные результаты акцентируют задачи интеграции теорий этнической, педагогической и социальной психологии для создания инструментов и технологий психологического сопровождения этнокультурной социализации молодежи.

Литература

1. Бубликов В.В. Уровень распространения множественной русско-украинской этноидентичности в Белгородской области. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. 44 (4).
2. Иванова О.А., Панич О.Е. Психологические особенности социокультурной адаптации подростков-мигрантов из Украины // Возможности и риски цифровой среды. Сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. по психологии развития (чтения памяти Л.Ф. Обуховой). М., 2019. Том 1.
3. Панич О.Е. Психологические проявления адаптации вынужденных мигрантов из Украины // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3.
4. Панич О.Е. Психологические проявления травматического стресса в юношеском возрасте (на примере студентов Белгородской области) // Вестник

Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия прикладных научных дисциплин. 2023. Том 2. № 2.

5. Панич О.Е., Остапенко В.А., Разенков М.А. Ресурсы совладания с травматическим стрессом у молодежи, проживающей на территориях, вовлеченных в последствия боевых действий // Психология посттравматического стресса: методология, теория, практика: Материалы конф. М, 2025.

Особенности медицинского консультирования иностранных граждан: практика врача-инфекциониста

Пучкова Л.М., Коренев Д.А.

Фонд по профилактике социально-значимых
заболеваний «Шаги», Москва, Россия
lubov79@mail.ru, 1dmitrii.korenev@gmail.com

Консультирование иностранных граждан, обращающихся за медицинской помощью, имеет ряд специфических особенностей, которые необходимо учитывать врачу для наибольшей эффективности предоставляемой им помощи.

Одной из основных сложностей является языковой барьер, что всегда затрудняет взаимодействие и превышает отведенное для консультации время. Использование посредников-третьих лиц, технических средств коммуникации, таких как онлайн-переводчик и ИИ, коротких простых фраз и медленно-го темпа речи позволяют достигать необходимого уровня взаимопонимания.

Важной отличительной особенностью мигрантов является позднее обращение за медицинской помощью, что чаще всего связано с низким уровнем знаний и высоким уровнем стигмы и самостигмы, особенно в отношении ВИЧ, инфекций, передающихся половым путем, и других подобных заболеваний [3, с. 92]. Многие из них приезжают из сел и малонаселенных пунктов, где всем жителям знают друг друга, а в стране пребывания они живут тесными коммунами, поэтому страх того, что о их диагнозе кто-то узнает, не позволяет им своевременно обращаться за помощью или даже принимать лечение. По этой же причине возникают сложности в обследовании членов семьи или половых партнеров пациента, поскольку ВИЧ-положительный иностранец часто склонен скрывать свой диагноз.

Приоритизация вопросов здоровья так же имеет значение: у абсолютно-го большинства мигрантов покрытие базовых потребностей и финансовая помощь семье в стране исхода всегда будут в большем приоритете нежели собственное самочувствие и обеспечение себя лечением и медицинской диагностикой. Задачей врача будет являться не только назначение лечения, но и мотивационная работа на формирование ценности сохранения здоровья.

Предоставление возможности получения дистанционной помощи и онлайн-консультации, как ответ на сложности и ограничения в перемещении иностранных граждан, будет также особенностью оказания консультативной медицинской помощи, одним из результатов которой становится создание пространства безопасности и мотивация на очное обращение.

Крайне важной особенностью медицинской консультации мигранта будет понимание специфики культуры пациента. Например, соблюдение поста представителями исламской культуры ведет к отказу не только от приема пищи и воды, но и от приема лекарственных препаратов, которые имеют жизненно важное значение в случае наличия ВИЧ. Это необходимо учитывать и более тщательно обсуждать с пациентом правила приема каких-либо лекарств, особенно когда имеет значение время и кратность приема и/или связь с едой. Культурные особенности могут проявляться и иначе: предпочтение нетрадиционной медицины, ограничения для мусульманских женщин в обращении к врачу-мужчине и т.п. Можно также выделить и культурные различия, обусловленные регионом происхождения мигранта. Например, пациенты из Кубы склонны к легкомысленному отношению к своему здоровью и бесконтрольному приему антибиотиков, в то время как женщины из Центральной Азии часто агравируют симптомы заболевания или, наоборот, ставят своё здоровье на последнее место, выбирая работать даже с температурой.

Одним из направлений работы благотворительного фонда «Шаги» является предоставление помощи мигрантам, затронутым ВИЧ и другими социально значимыми заболеваниями.

За период с 01.09.2021г по 31.08.2025г было зарегистрировано 3955 обращений к узкопрофильным специалистам Фонда – врачам и психологам. Большая часть из них к инфекционисту, дерматовенерологу и наркологу – 2611 (66%). Обращений за узкоспециализированной помощью от иностранных граждан – 1759 (67.3%). Наибольшее число обращений, что обусловлено спецификой работы Фонда, было к инфекционисту – 1495, это составляет 85% от всех обращений мигрантов. Среди обратившихся преобладали мужчины (80%), возрастной разброс – 18–69 лет (медиана – 34 года).

Люди, живущие с ВИЧ, составили 90% от всех обращавшихся мигрантов. При этом впервые ВИЧ-инфекция была выявлена у 70% из них, тогда как 30% о диагнозе знали ранее. Основная доля обратившихся находилась на субклинической стадии ВИЧ-инфекции [1], не имели соматических заболеваний, жалоб на самочувствие – 63.5%. Однако были и те, кто попадал на консультацию уже в тяжелом состоянии, из них 25 человек были сразу же госпитализированы. Также многие имели вторичные заболевания и требовали дополнительного обследования и назначения лечения – 36.5%.

На фоне динамического наблюдения, в течение одного года с момента назначения АРТ, у 89% пациентов достигнут неопределяемый уровень РНК ВИЧ, что является показателем эффективности терапии и высокой приверженности пациентов, как следствие, критерием эпидемиологической безопасности [2, с. 6].

Таким образом, практический опыт показывает, что работа с мигрантами имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать в ежедневной медицинской практике. Врачу необходимо обладать не только профессиональными навыками, но и межкультурной компетенцией и знанием основ психологии. На фоне работы таких специалистов отмечается рост доверия пациентов, высокий уровень приверженности лечению и повышение качества жизни людей.

Литература

1. ВИЧ-инфекция и СПИД: национальное руководство / [Беляева В.В., Буравцова Е.В., Ермак Т.Н. и др.]; под редакцией В.В. Покровского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
2. Всемирная организация здравоохранения. Роль вирусной супрессии ВИЧ в улучшении здоровья человека и сокращении риска передачи инфекции: аналитическая справка. 2023.
3. *Корнев Д.А.* Медико-социальное сопровождение ВИЧ-положительных мигрантов в рамках программы «Шаг к здоровью» // Медико-социальная работа: теория, технологии, образование: Материалы II всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. А.В. Мартыненко. М., 2023.

Особенности фоновой мимики в четырех популяциях европеоидного и монголоидного происхождения

Ростовцева В.В., Бутовская М.Л.

Мезенцева А.А., Дронова Д.А.

ИЭА РАН, Москва, Россия

victoria.v.rostovtseva@gmail.com, marina.butovskaya@gmail.com

khatsenkova@yandex.ru, dariadronova@yandex.ru

Стручкова Н.А.

СВФУ, Якутск, Россия

na.struchkova@s-vfu.ru

Мацакова Н.П.

КалмГУ, Элиста, Россия

matsakova_np@mail.ru

Наша работа посвящена исследованию кросскультурных различий в фоновых мимических выражениях, которые проявляются в нейтральном контексте социальной коммуникации. Учитывая очень широкую функциональность мимических выражений, здесь мы абстрагировались от интерпретации их с точки зрения эмоциональной или социальной нагрузки. Вместо этого мы сфокусировались на отдельных мышечных движениях, и их скоррелированных в группы комплексах. Для анализа мимики мы использовали систему кодирования лицевых движений (FACS) [2], основанную на движениях лицевых мышц. FACS позволяет классификации мимические движения как отдельные единицы лицевого действия (Action Units; AU). Ее преимущество

заключается в том, что она описывает мимику без привязки к конкретным эмоциям. Интерпретация и дальнейшее исследование выявленных мимических паттернов может быть впоследствии реализовано в любой концептуальной парадигме. В нашем исследовании мы используем автоматизированную версию FACS, FaceReader 9 (Noldus Information Technology, Нидерланды), которая анализирует выражения лица на основе фото/видео с использованием искусственных нейронных сетей [3]. Это позволяет фиксировать даже слабые, трудно распознаваемые движения лица.

Участниками нашего исследования были современные молодые представители европеоидных (голландцы: N=142; кабардинцы: N=110) и монголоидных (калмыки: N=154; якуты: N=197) популяций. Все группы были исследованы по единой методике. В качестве источника мимической активности мы использовали 20-тисекундные видеоролики самопрезентации на камеру, которые впоследствии анализировались системой FaceReader на предмет интенсивности активации различных AU [3]. В наше исследование вошли 14 AU, не связанные с артикуляцией, а также имевшие достаточную межиндивидуальную вариабельность интенсивностей. Статистический анализ проводился с использованием многомерных линейных моделей, а также метода главных компонент. Все обсуждаемые результаты статистически значимы.

Интенсивность фоновой мимики у представителей европеоидных популяций в целом оказалась выше, чем у монголоидных: голландцы и кабардинцы по сравнению с калмыками и якутами интенсивней выражали мимику, связанную с улыбкой (AU12, AU14) и движениями верхнего века (AU05), не связанными с морганием. Эффект расового фактора был лидирующим, что может отражать как вклад морфологии лица, характерной для европеоидных и монголоидных популяций, так и различия особенностей европейских и азиатских культур невербальной коммуникации [4]. Этнические особенности в интенсивности фоновой мимики были выражены сильнее, чем половые различия. Это указывает на высокую роль культурной составляющей, которая оказывала сходное влияние на интенсивность мимики как мужчин, так и женщин в каждой из исследованных групп. Общие половые различия были существенней культурно-специфических половых различий. Мужчины в целом более интенсивно двигали бровями (AU02) и сводили губы «в трубочку» (AU23), в то время как женщины более активно демонстрировали различные растягивающие движения рта (AU14, AU15, AU20) и прищуривались (AU07).

Структурные особенности мимических выражений без учета их интенсивностей были исследованы методом главных компонент. Анализ выявил ярко выраженную популяционную и половую специфику. При этом прослеживалось сохранение магистральных линий экспрессии, которые выделялись в обособленные выражения лица у мужчин и женщин из разных популяций. Например, «искренняя» улыбка Дюшена [1] выделялась в отдельный мимический компонент во всех популяциях. Однако в некоторых группах она была представлена классическим вариантом (комбинация AU06 и AU12) [2], в то время

как в других включала дополнительные элементы, такие как поднятие верхней губы с изменением глубины носогубной борозды (AU10) у кабардинок, большее оттягивание уголков рта в латеральном направлении (AU20) у якуток, оттягивание уголков рта латерально и прижимание внутренней стороны щеки к зубам (AU14) у калмыцких мужчин. Несмотря на то, что всё это были дошешенские улыбки, во всех популяциях, кроме голландцев, они имели половую специфику как по составу вовлеченных AU, так и по частоте встречаемости.

Другой пример популяционно-специфических особенностей представляют кабардинские мужчины, для которых было характерно выражение, не встречающееся в явном виде в других исследованных группах. У них ведущая (первая) главная компонента сочетала нахмуривание бровей (AU04), прищуривание (AU07) и поднятие верхней губы с изменением глубины носогубной борозды (AU10), что является комбинацией движений, характерной для гневного или угрожающего выражения [2]. Вторая компонента у них тоже была представлена комбинацией элементов, характеризующих гневные выражения, но в нижней части лица. Однако такой мимический комплекс встречался и у мужчин из других популяций (например, голландцев). Культурные полосоцифические особенности были выявлены и по ряду других выражений лица.

Результаты нашего исследования показывают, что фоновая мимика человека регулируется сложными взаимодействиями биологических (расовое происхождение, пол) и социо-культурных (культурные предписания, локальное подражание) факторов, будучи продуктом биологической и культурной коэволюции *Homo sapiens*.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 24-18-00457 (РБВ, БМЛ, МАА).

Литература

1. Ekman P., Davidson R.J., Friesen W.V. The Duchenne smile: Emotional expression and brain physiology: II // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 58(2).
2. Ekman P., Friesen W.V., Hager J.C. Facial action coding system. The manual. Salt Lake City, USA: Research Nexus division of Network Research Corporation, 2002.
3. Loijens L. Krips O. FaceReader Methodology Note. Wageningen, The Netherlands: Noldus Information Technology, 2025.
4. Matsumoto D., Yoo S.H., Fontaine J. Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2008. 39(1).

Этническая и культурная идентичность молодёжи, проживающей в условиях угрозы военных действий

Руденко С.В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
Донецк, ДНР, Россия
rudenko_sv@mail.ru

Исследование идентичности давно утратило статус новейшего направления в работах современных психологов. Однако значимость данного феномена, его роль в становлении личности трудно переоценить. Идентичность является важнейшей стержневой характеристикой личности, обозначающей её тождественность самой себе, во многом определяющей её целостность, устойчивость в переломные моменты жизни. Формирование идентичности является одним из новообразований юношеского возраста. Пребывание личности в условиях постоянной угрозы военных действий (или же в условиях вялотекущих боевых действий с периодическим обострением ситуации) может существенно сказаться на отдельных аспектах идентичности, в том числе – на этнической и культурной составляющих социальной идентичности. Сказанное обусловило цель данного исследования: изучение этнической и культурной идентичности молодёжи, проживающей в условиях угрозы военных действий.

Нам импонируют взгляды на данный феномен Е.П. Матузковой, которая рассматривает индивидуальную культурную идентичность как результат отождествления себя с социально одобренной системой ценностей определённой культуры [1]. Этническая идентичность, как и культурная, выступает одним из элементов социальной идентичности. Базируется на принадлежности к определённому этносу, представляет собой итог «когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих этносов» [цит. по 4, с. 9]. Предполагает осознание себя представителем определённой этнической общности и переживание своего тождества с ней, а также ощущение отделения от других этнических общностей. Нам близко рассмотрение этого феномена в контексте этнического самосознания (Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко и др.), а именно – понимание этнической идентичности как итога эмоционально-когнитивного осознания личностью себя как представителя того или иного этноса, отождествления себя с ним [3; 4].

Выборку исследования составили 108 студентов 2–3 курсов, овладевающих профессией психолога в ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк. Возраст обследуемых – 18–20 лет; половой состав выборки: 100 девушек и 8 юношей. Соответственно, данные, полученные в ходе настоящего исследования, актуальны преимущественно для девушек. Исследование проводилось в 2025 г. Методики: «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова), «Культурно-ценностный дифференциал»

(Г.У. Солдатова, И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова), «Тест двадцати утверждений» М. Куна и Т. Маркпатленда (адаптация А.А. Гудзовской, М.С. Мышкиной).

Результаты исследования. Позитивная этническая идентичность присуща 62% обследуемых, что характеризует сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. Уточним, что речь идёт о принадлежности к русскому народу (принадлежность к иному этносу в данных результатах не нашла своего отражения). Практически половине студентов (48%) присуща этническая индифферентность, что может говорить о некотором размывании этнической идентичности и проявляться в неопределённости этнической принадлежности. Возможно, это является результатом проживания в многонациональной среде и отсутствием необходимости подчеркивать свою этническую принадлежность. Лишь у 6% обследуемых выявлен высокий уровень этнонигилизма, что может говорить об отходе от собственной этнической группы (тогда как низкий уровень этнонигилизма – у 84%). Преимущественно слабо выражены проявления этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма (6–12%). Преобладающие качества культурной идентичности обследуемых распределились следующим образом: взаимовыручка (77%), открытость (69%), дисциплинированность (62%), верность традициям (79%), сердечность (71%) и законопослушность (78%). В самоописаниях студентов максимальное отражение показали категории глобального уровня социальной идентичности («человек», «часть человечества» и т.п. – 72%). Групп-объективная принадлежность социальной идентичности: 24% – профессиональная идентичность, 65% – академическая идентичность, 34% – гражданская идентичность, 22% – культурная идентичность. Категории малых групп социальной идентичности выражены у всех обследуемых («дочь», «сестра», «друг» и т.п. – представленность каждой категории варьирует от 7 до 54%). Категории персональной идентичности (как описание внешности и внешних характеристик, так и черт характера, темперамента и т.п.) традиционно стали преобладающими в описаниях студентов.

Обобщая результаты, мы можем отметить, что большинство обследуемых характеризует позитивная этническая идентичность. При этом половина из них склонна четко обозначать свою этническую принадлежность к русскому народу, остальным же присуща некоторая размытость этнической идентичности. Также мы можем видеть, что в культурной идентичности обследуемых нашли отражение традиционные ценности русского народа: взаимовыручка, верность традициям, доброта, открытость, сердечность, ценность семьи, законопослушность.

Данное исследование является первым в серии запланированных исследований. Последующая работа будет призвана выявить особенности этнической и культурной идентичности данной категории обследуемых в сравнении с лицами, проживающими в регионах с более спокойной обстановкой и отсутствием военной угрозы. Также перспективой дальнейшей работы является серьёзное углубление теоретико-методологической базы исследования, совершенствование диагностических критериев, расширение состава выборки.

Литература

1. Матузкова Е.П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. № 2.
2. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. СПб., 2008.
3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряжённости: Монография. М., 1998.
4. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М., 2011.
5. Тхостов А.Ш. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26.

Практические рекомендации по повышению межкультурной коммуникации со студентами-пакистанцами в образовательной среде российских вузов

Садик М.

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Балыков В.В.

Финансовый университет, Москва, Россия

slava-balykov1@mail.ru

Межкультурное общение в образовательной среде становится всё более актуальным в условиях глобализации. Студенты из разных стран, включая Пакистан, приезжают учиться в Россию, что создаёт необходимость понимания их культурных и психологических особенностей [4].

Однако языковые и культурные барьеры могут затруднять обмен информацией и создавать проблемы в коммуникации. Важным является изучение и преодоление языковых и культурных барьеров. Рост межкультурной коммуникации требует эффективных стратегий для успешного общения между людьми разных культур и языков. Важны также этические и социальные аспекты межкультурной коммуникации [3].

Проблемы, связанные с недостаточным пониманием культурных особенностей и использованием неподходящих коммуникационных стратегий, могут привести к негативным последствиям как для индивидуальных пользователей, так и для организаций и общества в целом [1].

Рассмотрим некоторые культурные и психологические особенности студентов из Пакистана.

Культурные особенности. Пакистан – это страна с богатыми культурными и религиозными традициями. Большинство пакистанцев исповедуют ислам,

что влияет на их поведение и ценности. Например, уважение к старшим, скромность и коллективизм играют важную роль в их общении. В образовательной среде это проявляется в том, что пакистанские студенты могут быть менее активны в дискуссиях, чтобы не нарушать иерархию. Кроме того, в Пакистане большое значение придаётся личным отношениям. Для установления доверия важно проявлять искренний интерес к их культуре и традициям. Преподавателям следует учитывать, что прямое выражение несогласия или критика могут восприниматься болезненно.

Психологические особенности. Одной из основных трудностей является языковой барьер. Даже если пакистанские студенты владеют русским языком, они могут испытывать стресс из-за сложных академических терминов. Это может приводить к замкнутости и снижению активности на занятиях. Ещё один важный аспект – культурный шок. Переезд в другую страну сопровождается изменениями в привычном образе жизни, что может вызывать тревогу и дезориентацию. Поддержка со стороны преподавателей и одногруппников помогает быстрее адаптироваться [2].

Чтобы улучшить коммуникацию и создать комфортную образовательную среду для пакистанских студентов, мы предлагаем следующие практические рекомендации.

1. *Изучение базовых культурных норм.*

Преподавателям и студентам важно знать основные правила поведения в пакистанской культуре. Некоторые из них:

- не стоит прикасаться к человеку противоположного пола (рукопожатия возможны только между мужчинами);
- лучше избегать резкой критики в присутствии других;
- важно проявлять уважение к религиозным традициям (например, учитывать время молитвы).

2. *Использование простого и понятного языка.*

Даже если студенты владеют русским на уровне, сложные термины могут вызывать трудности. Мы рекомендуем:

- говорить медленнее, чётко артикулируя слова;
- повторять ключевые моменты;
- подкреплять объяснения визуальными материалами (схемы, картинки, презентации).

3. *Постепенная адаптация к академическим требованиям.*

Пакистанская система образования отличается от российской. Чтобы помочь студентам адаптироваться, мы рекомендуем:

- давать чёткие инструкции по выполнению заданий;
- разрешать использовать словари на первых этапах;
- проводить дополнительные консультации по сложным темам.

4. *Поощрение работы в смешанных группах.*

Совместные проекты с другими студентами, в том числе с русскими, помогают:

- улучшить языковые навыки;
 - познакомиться с другими культурами;
 - снизить чувство изоляции.
5. *Учет религиозных особенностей.*
Ислам играет важную роль в жизни пакистанских студентов, поэтому важно:
- разрешать небольшие опоздания в период Рамадана (если это возможно);
 - стараться избегать назначения «жестких» дедлайнов в период Рамадана;
 - учитывать пищевые ограничения в период Рамадана.
6. *Создание «групп поддержки» из студентов-кураторов.*
Можно назначить российских студентов-наставников, которые помогут пакистанцам:
- ориентироваться первое время в университете;
 - объяснять учебные материалы;
 - советовать места для отдыха и общения.
7. *Организация межкультурных мероприятий.*
Знакомство с культурой через неформальное общение:
- проведение дней национальной кухни (например, чаепитие с пакистанскими сладостями);
 - совместные экскурсии по городу;
 - встречи с выпускниками из Пакистана, которые делятся опытом адаптации.
8. *Гибкость в оценивании.*
Первое время пакистанские студенты могут испытывать стресс из-за новой системы оценок. Можно:
- давать больше письменных заданий (устные ответы могут быть сложнее из-за языкового барьера);
 - разрешать пересдачу некоторых работ;
 - хвалить за прогресс, а не только за результат.
9. *Открытость к вопросам и обратной связи.*
Некоторые студенты могут стесняться переспрашивать. Мы советуем:
- регулярно спрашивать: «Всё ли понятно?»;
 - создать чат или форум, где можно задавать вопросы анонимно;
 - проводить индивидуальные беседы для выявления трудностей.
10. *Поддержка психологической адаптации.*
Переезд в другую страну – это стресс. Университет может помочь:
- организовать встречи с психологом, владеющим английским или урду;
 - проводить тренинги по межкультурной коммуникации.
 - создать клуб для иностранных студентов, где они могут общаться и делиться опытом.

В заключении хотелось бы отметить, что межкультурное общение с пакистанскими студентами требует понимания их культурных и психологических особенностей. Учёт этих факторов помогает создать благоприятную образовательную среду, где каждый студент чувствует себя комфортно и может успешно учиться.

Литература

1. *Балыков В.В.* Преодоление языковых и культурных барьеров в условиях онлайн-общения // Коммуникации в условиях цифровых изменений: сб. материалов VII Междун. науч.-практ. конф. СПб., 2023.
2. *Ефременко Л.В. и др.* Особенности социализации иностранных студентов в период обучения в российских образовательных учреждениях: социальный, психологических, педагогический аспекты проблем // Социальные отношения. 2025. № 1(52).
3. *Рудаковская В.А., Жаворонкова А.Р.* Языковые и культурные барьеры современности // Филология. 2016. № 2(2).
4. *Садик М.* Русский язык в бизнесе и межкультурная коммуникация: возможности для пакистанских компаний // Роль и место русского языка в современном мире: Материалы XVII Межд. науч.-практ. Конф. Белгород, 2025.

Психологический портрет египтян: анализ взглядов психологов сквозь призму культурной идентичности

Салех Ю.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва; ЧУВО РИИ, Казань, Россия

yuliasaleh@yandex.ru

Египетская цивилизация является древнейшей в мире. Современный Египет прошел множество трансформаций, и в разные этапы своего развития был колыбелью разных культур. С давних времен ученые предпринимали попытки описать так называемую египетскую личность и проанализировать ее изменения.

В данной работе внимание уделяется исследованиям в области психологии и психиатрии, исходящим из египетской научной среды. Для этнопсихологов ценен именно внутрикультурный взгляд специалистов, отражающий самосознание и локальную специфику восприятия национальной идентичности. Цель данной работы – не только провести анализ немногочисленных работ психологов-египтян, посвященных психологическому портрету египетской личности. Мы считаем, что данный анализ также прольет свет на состояние и развитие египетской психологической науки в целом, поскольку будет включать рассмотрение научного пути их авторов.

Данный доклад будет представлять собой анализ трудов таких египетских исследователей как Ахмед Окаша, Халиль Фадель, Мохамед Аль-Махди, Талаат Хаким.

Ахмед Окаша по праву считается основателем современной египетской психологической науки. Это первый арабский и мусульманский ученый, возглавлявший Всемирную психиатрическую ассоциацию в период с 2002 по 2005 годы. Также он занимает ключевые позиции в ряде научных и государственных советов.

Труд Ахмеда Окаши «Анатомия египетской личности» представляет собой сборник эссе, посвященный всестороннему изучению психологического облика египтян. В первых главах автор анализирует особенности национального характера египтян, выделяя положительные и отрицательные черты. Среди негативных признаков упоминаются склонность к «фахлау» (ловкости с оттенком обходительности) [2, с. 17], извилистость в общении и стремление пользоваться возможностями в личных интересах. Вместе с тем подчеркиваются гостеприимство, гибкость мышления и высокое чувство коллективизма, приверженность семье и Родине, религиозность, терпимость и терпение, юмор и «сарказм, который иногда приобретает оттенок печали» [2, с. 15]. Эти черты автор соотносит с историческим и социальным развитием страны, отражая сложную динамику между традициями и современностью.

Вышедшая в 2017 году книга «Психологический анализ египетской личности» Талаата Хакима, египетского психолога и психоаналитика, сосредоточена на анализе египетской личности, в особенности маргинализированных слоев общества, ее особенностей, психологических расстройств и конфликтов. Примечательно, что книга анализирует образ египетской личности в массовой культуре, включая кино. Согласно автору, кинематограф функционирует как зеркало общественного сознания, конструируя образ «типичного» египтянина с его психологическими и культурными особенностями [4, с. 27]. В фильмах широко представлены архетипические образы, которым присущи смешанные чувства гордости и уязвимости, традиционализма и стремления к изменению. Это образы часто показывают двойственность египетской ментальности: с одной стороны – устойчивую привязанность к патриархальным и религиозным ценностям, с другой – протест против ограничений. Таким образом, в книге Хаким подчеркивает, что изучение кинематографа важно для понимания психологической структуры египетской личности, так как фильмы в египетской культуре – мощный механизм идеологической и психологической репрезентации национальной идентичности.

Мохамед Аль-Махди – египетский психолог и исследователь культуры с фокусом на национальную личность египтян. Книга «Египетская личность» – самый известный труд, являющийся фундаментальным исследованием египетской национальной психологии. Автор отмечает, что психология египтян глубоко связана с семейными и религиозными нормами. Современные социальные изменения создают напряжение между традиционной идентичностью и новыми социальными ролями. Подобно Ахмаду Окаше, Аль-Махди определяет «фахлау» как ключевую черту египетского характера [1, с. 18]. По Аль-Махди, этот социально-психологический феномен характеризует способность быстро адаптироваться, менять поведение в зависимости от обстоятельств, скрывать настоящие чувства. Данная черта обеспечивает выживание в нестабильных условиях, но может вести к поверхностности и непоследовательности.

Отдельно хочется отметить работу египетского психиатра Халиля Фаделя под названием «Боль египтян» [3]. Доктор Халиль Фадель – известный

египетский психиатр, психотерапевт и психодраматист, является создателем телефонной службы психологической поддержки – первой в арабском мире. Книга посвящена социальным и психологическим проблемам современного египетского общества. Автор выделяет ключевые разделы, где обсуждаются: страх перед другим, детский и уличный травматизм, социальное разделение; семейные состояния: депрессия среди женщин, проблема брака, развода, одиночества и экономической несправедливости по отношению к женщинам; образование и воспитание: кризис системы образования в Египте, роль иностранных школ; и др. Автор выдвигает новую теорию «воспитания пяти минут» – времени, которое родители могут уделять детям, ограниченного из-за быстрого темпа жизни. Книга иллюстрирует, как египетская семья стала «нарциссической», закрытой и боящейся внешнего мира.

Безусловно, ни одна книга или исследование не могут дать полностью исчерпывающее описание национального характера, учитывая сложность и многогранность данного феномена. Однако систематическое изучение таких материалов расширяет профессиональные компетенции специалистов, обогащает понимание психологической специфики исследуемых этносов и служит важным шагом в развитии этнопсихологии и кросс-культурной психологии.

Литература

1. *Аль-Махди М.* Аш-Шахсия аль-Мисрийя. Аль-Мансура, 2009.
2. *Укаша А.* Ташрих аш-Шахсия аль-Мисрийя. Каир, 2013.
3. *Фадель Х.* Вадж' аль-мисрийин. Каир, 2008.
4. *Хаким Т.* Ат-Тахлиль ан-нафси ли-ш-шахсия аль-мисрийя. Каир, 2017.

Роль межкультурной компетентности в повышении эффективности работы МЧС России

Светкина А.А.

Уральский институт ГПС МЧС России
Екатеринбург, Россия
saev8713@mail.ru

В условиях общемирового взаимодействия, расширения и укрепления международного сотрудничества служб экстренного реагирования актуальным является вопрос межкультурной компетентности. Понятие «межкультурная компетентность» в отечественной коммуникативистике исследовали Амельченко 2006 [1]; Белицкая 1995 [2]; Леонтович 2003 [3], Лукьянчикова 2000 [4], Садохин 2007 [5] и др. Вслед за М.С. Лукьянчиковой межкультурную компетентность будем понимать как «способность членов некой культурной общности добиваться понимания в процессе взаимодействия с представителями другой культуры с использованием компенсаторных стратегий для предотвращения конфликтов “своего” и “чужого” и создавать в ходе взаимодействия

новую межкультурную коммуникативную общность» [4, с. 289]. Соответственно, межкультурная компетентность представляет собой совокупность знаний, умений, навыков и установок, которые позволяют успешно взаимодействовать с представителями различных культур; включает в себя способность понимать культурную идентичность и уважительно относиться к ней, адаптироваться к новым условиям и находить компромиссы в межличностных и профессиональных коммуникациях.

Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее по тексту – МЧС России) развивает и осуществляет сотрудничество с чрезвычайными ведомствами иностранных государств и профильными международными организациями, оказывает помощь иностранным государствам в ликвидации чрезвычайных ситуаций, участвует в международных гуманитарных проектах, программах и операциях, создает и укрепляет имидж МЧС России в мировом сообществе, обучает иностранных специалистов и готовит подразделения российского национального корпуса чрезвычайного гуманитарного реагирования для участия в соответствующих операциях за рубежом. В рамках международного сотрудничества действуют более 50 международных соглашений о взаимодействии и оказании помощи с зарубежными странами, установлены партнерские связи с учреждениями ООН, на основе которых МЧС России проведено более 550 операций чрезвычайной направленности: доставка грузов гуманитарной помощи; аварийно-спасательные, поисковые работы и работы по разминированию территорий от взрывоопасных предметов; работа аэромобильного госпиталя; эвакуация российских граждан при угрозе их жизни; тушение природных пожаров; санитарно-авиационные эвакуации пострадавших российских граждан из зарубежных государств [6].

Следует учитывать, что высокий уровень межкультурной компетентности позволяет сотрудникам МЧС России лучше разбираться в культурных особенностях иностранных партнёров, избегать ошибок в понимании, предотвращать конфликты, быстро находить общий язык и укреплять доверие.

Работа в международных группах требует уважительного отношения и понимания этнических различий. Служащие с развитой межкультурной компетентностью легче адаптируются к транснациональным условиям деятельности, что способствует упорядоченным и эффективным действиям команды.

Национальные отличия часто становятся источниками конфликтов. Владение знаниями о культурных особенностях помогают оценить риски, предвидеть возникновение проблем и предотвратить их, что необходимо в экстремальных ситуациях, требующих полного доверия и незамедлительно-го принятия решений.

Обеспечение успешного взаимодействия в рамках международного сотрудничества требует знания норм и правил поведения, стандартов и этикета. Для повышения межкультурной грамотности сотрудников и работников необходимо реализовывать комплексные программы обучения, включающие:

проведение тренингов по межкультурной коммуникации и этикету; обмен опытом с иностранными коллегами; участие в международных научно-исследовательских работах и научно-практических конференциях.

Межкультурная компетентность – неотъемлемая часть профессиональной подготовки сотрудников МЧС России. Развитие этой способности способствует повышению эффективности работы, укреплению международного сотрудничества, снижению риск конфликтных ситуаций и созданию условий для более успешных и слаженных спасательных операций в любой точке мира. В современном мире, где границы стираются, а вызовы становятся глобальными, межкультурная грамотность становится одним из ключевых ресурсов системы МЧС России на пути к достижению стратегических целей.

Литература

1. *Амельченко Т.В.* Профессиональная компетентность будущего специалиста: теоретические основы. Чита, 2006.
2. *Белицкая Г.Э.* Социальная компетентность личности // Субъект и социальная компетентность личности / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1995.
3. *Леонтович О.А.* Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград, 2003.
4. *Лукьянчикова М.С.* О месте когнитивного компонента в структуре межкультурной компетенции // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 8. Т. 1. М., 2000.
5. *Садохин А.П.* Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Том X. № 1.
6. Международное сотрудничество – МЧС России. URL: <https://mchs.gov.ru/deyatelnost/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo?ysclid=mesjli535u83948732>

Структура самосострадания у мигрантов и немигрантов: сравнительный анализ

Сидякова Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

esidyakova@yandex.ru

Одним из социально-личностных ресурсов, которые помогают человеку преодолевать трудности адаптации и справляться с негативными эмоциональными переживаниями в условиях миграции, является самосострадание.

Самосострадание – это способность человека проявлять сочувствие, терпимость и доброжелательность к себе в ситуации стресса, неудачи или страдания. Включает три ключевых компонента: доброту к себе вместо самокритики, признание общечеловеческой природы страданий вместо изоляции, и осознанность вместо чрезмерной идентификации с негативными переживаниями (Neff K.D., 2023). Самосострадание способствует внутреннему равновесию, снижает тревожность, усиливает личностную устойчивость и связана с удовлетворённостью жизнью.

П. Гилберт рассматривает самосострадание как результат эволюционно заложенной системы заботы, противоположной системе обнаружения угроз (Gilbert P., 2020). В его модели сострадание включает чувствительность к страданию и стремление его облегчить. В дополнение к этому он выделяет страхи сострадания: к себе, к другим и от других – как барьеры к психологической устойчивости. Согласно Гилберту, самосострадание связано с активацией парасимпатической нервной системы, обеспечивающей ощущение безопасности, восстановления и внутренней поддержки.

Целью настоящего исследования было изучение структуры самосострадания у мигрантов и немигрантов. В исследовании приняли участие 67 русскоязычных респондентов (31 мигрант и 36 немигрантов), преимущественно женщин в возрасте от 41 до 60 лет (в обеих группах). 50% опрошенных женщин обеих групп состоят в браке. Использованы шкалы самосострадания К. Нефф и шкалы страха сострадания П. Гилберта в российских адаптациях (Чистопольская и др., 2020; Янченко, Нартова-Бочавер, 2020). Обработка данных проводилась в среде Jamovi с применением t-критерия Стьюдента и критерия Манна–Уитни.

По основной выборке статистически значимых различий между мигрантами и немигрантами не выявлено. Однако при анализе только женской подвыборки обнаружены достоверные различия по шкале страха сострадания от других: у женщин-мигранток этот страх выражен слабее, а по шкале страха сострадания к себе отмечается тенденция к снижению по сравнению с женщинами-немигрантами (Сидякова, 2025). Вероятно, пониженный уровень страха сострадания от других и страха сострадания к себе связан с тем, что в процессе миграции и адаптации мигранты чаще сталкиваются с необходимостью принятия помощи и поддержки со стороны других людей, а также с необходимостью поддерживать себя в условиях социальной неопределенности и стресса аккультурации, что снижает их тревожность и страх в этих областях (Гриценко, 1997).

Важно отметить, что большинство женщин, вошедших в миграционную подгруппу, проживают в новой стране более 10 лет, демонстрируют адаптацию и имеют уровень удовлетворённости жизнью выше среднего. Возможно, именно устойчивость, сформированная за счёт длительного проживания и социальной интеграции в принимающей стране, способствует большей открытости к заботе и меньшему внутреннему сопротивлению состраданию – как от других, так и к себе.

Полученные результаты позволяют предположить, что высокий уровень самосострадания не является универсальной характеристикой мигрантов, а формируется и проявляется в зависимости от контекста адаптации. Это подчёркивает необходимость дальнейшего изучения феномена с учётом стадий миграции, уровня социальной поддержки и индивидуальных факторов устойчивости.

Литература

1. *Гриценко В.В.* Некоторые социально-психологические особенности мигрантов из стран зарубежья // Русские в новом зарубежье. Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России. М., 1997.

2. Сидякова Е.Ю. Особенности структуры самосострадания у мигрантов. Курсовая работа. М., 2025.
3. Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н. и др. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника К. Нефф // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4.
4. Янченко А.А., Нартова-Бочавер С.К. Сострадание к себе как адаптивное свойство личности // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 71.
5. Gilbert P., Simos G. Compassion-Focused Therapy: Clinical Practice and Applications. Routledge, 2022.
6. Neff K.D. The differential effects fallacy in the study of self-compassion: misunderstanding the nature of bipolar continuums // Mindfulness. 2022. Vol. 13.

Когнитивные схемы, стыд и коллективизм: культурно-обусловленные аспекты семейной терапии клиентов казахской национальности

Скляр С.В.

Центр психотерапии Сергея Скляра
Алматы, Казахстан
sklyars2008@mail.ru

Жумадилова В.К.

Институт психотерапии Жумадиловой Валентины
Алматы, Казахстан
valentina-bota@mail.ru

Введение. С расширением городского образа жизни в Казахстане усилилось стремление к личной автономии, однако традиционные семейные ориентиры казахов по-прежнему оказывают решающее влияние на поведение и эмоции. Когнитивные схемы, связанные с сохранением чести рода, общественным мнением и уважением к семейным традициям, остаются устойчивыми. Несоответствие между современной реальностью и этими установками часто провоцирует ұят – чувство стыда и позора, которое в казахской культуре выступает важнейшим регулятором социальных отношений.

Важной особенностью остаётся разное отношение к сыновьям и дочерям. Мальчик воспринимается как продолжатель рода и опора для родителей, тогда как девочка – как «гостья» в родительском доме, которая со временем уходит в семью мужа. Поэтому нарушение норм мальчиком трактуется как угроза репутации рода, а проступок дочери – как позор для всей семьи. Эти различия закрепляются в когнитивных схемах и определяют характер эмоциональных реакций.

Кочевой уклад закрепил традиции, значимые и сегодня: многопоколенное проживание, почитание предков (ата-баба дәстүрі), гостеприимство (қонақжайлық), заключение брака как союза родов (құдалық). По данным М.А. Бебчук и соавторов [2], цикл развития казахской семьи отличается от западных моделей: младший сын остаётся в доме родителей, а семья чаще сохраняет

многопоколенный состав. А. Адильбаева [4] отмечает, что казахстанский менталитет строится вокруг коллективных ценностей и сильных родственных связей, что важно учитывать при адаптации психотерапии.

Цель исследования. Показать, как интегративная семейная терапия может учитывать этнокультурные особенности казахских семей, феномен ұят и различия в ожиданиях по отношению к сыновьям и дочерям.

Методы. Использованы материалы клинической практики Центра психотерапии (Алматы), результаты диссертационного исследования В.К. Жумадиловой [4], исследования казахских семей М.А. Бебчук, Т.В. Корсун, Е.А. Рихмаер [2], учебное пособие М.А. Бебчук [1] и статья А. Адильбаевой [4].

Результаты и обсуждение. Городские клиенты нередко оказываются между стремлением к самостоятельности и обязанностью соответствовать ожиданиям семьи. Традиции кочевого уклада – совместное проживание нескольких поколений, сакрализация памяти предков, особое положение младшей снохи – продолжают влиять на семейные роли. В этой системе ұят становится мощным психологическим фактором: он ограничивает открытое выражение эмоций и делает человека особенно уязвимым к внешней критике.

Клинический пример. Женщина 28 лет жаловалась на тревожность и напряжённые отношения с матерью. В беседе выяснилось, что она испытывает сильный стыд (ұят), когда выражает своё мнение: «если спорю – значит, я плохая дочь». Эта установка закрепляла схему «быть хорошей – значит соглашаться». На семейной сессии обсуждалось, как сохранять уважение к матери и при этом отстаивать собственное мнение. Использование приёмов когнитивного переосмысления (КПТ) вместе с системным подходом снизило тревожность и улучшило диалог.

Гендерный аспект выражен особенно ярко: для женщин «ұят» связан с риском опозорить семью, для мужчин – с обязанностью оправдать доверие рода. Эти установки формируют разные когнитивные и эмоциональные сценарии.

Как отмечает М. Бебчук [1], терапия эффективнее, если учитывать и универсальные механизмы семейных отношений, и культурные особенности. Интеграция когнитивных техник (работа с мыслями, переоценка убеждений) в семейные сессии в сочетании с нарративными и эмоционально-фокусированными методами помогает не только перестраивать убеждения, но и менять систему коммуникаций. Это особенно важно в контексте межкультурного взаимодействия, когда терапевт становится посредником между поколениями и ценностными кодами.

Заключение. Семейная терапия в интегративном подходе, учитывающая различное отношение к сыновьям и дочерям и ключевую роль феномена ұят, помогает сохранить уважение к традициям и одновременно изменять дисфункциональные установки. Сопоставление клинического опыта с кросс-культурными исследованиями показывает необходимость культурно-чувствительного подхода. Это соответствует задачам развития межкультурной коммуникации в профессиональном взаимодействии, заявленным в рамках конференции.

Литература

1. Бебчук М. Психология и психотерапия семьи: учебник. 2-е изд., доп. и до- раб. М., 2023.
2. Бебчук М.А., Корсун Т.В., Рихмаер Е.А. Психология семьи и семейная пси- хотерапия в кросс-культурном аспекте (Республика Казахстан) // Альманах современной науки и образования. 2008. № 10 (17). Ч. 1.
3. Жумадилова В.К. Взаимосвязь дисфункциональных убеждений с особенно- стями мотивационно-потребностной сферы у женщин. Алматы, 2023.
4. Adilbayeva A. Mentality of Kazakhstani People Through the Eyes of the Method of Positive and Transcultural Psychotherapy // The Global Psychotherapist. 2023. Vol. 3. No. 1.

Опыт преподавания дисциплины «Практикум по психологии межкультурной коммуникации» в магистратуре (направление 37.04.01 «Психология»)

Смолина Т.Л.

СПбГУП, Санкт-Петербург, Россия

talesm@mail.ru

Дисциплина «Практикум по психологии межкультурной коммуникации», согласно учебному плану магистратуры по направлению подготовки 37.04.01 «Психология» (профиль «Социальная психология»), относится к обязательной части, и преподается в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в четвертом семестре. Дисциплина состоит из 72 часов (24 часа практических занятий и 48 часов самостоятельной работы студентов).

Цель дисциплины – формирование целостного представления о межкультурной коммуникации как развивающейся системе знаний, относительно новой области исследования и прикладной отрасли психологии. Межкультурная коммуникативная компетентность является залогом эффективной профессиональной деятельности будущего специалиста, которая невозможна в условиях современного общества без понимания особенностей межкультурной коммуникации, а также без овладения техник и приемов межкультурного общения. Основными задачами дисциплины являются: изучение понятия, моделей и структурных компонентов межкультурной коммуникации; развитие у обучающихся межкультурной коммуникативной компетентности; развитие умения проводить психологическую диагностику, анализируя этнические предпосылки поведения; освоение приемов формирования межкультурной и межэтнической толерантности; формирование умений и навыков межкультурного взаимодействия в процессе группового тренинга.

Тематический план дисциплины включает в себя следующие темы: 1) «Межкультурная коммуникация как научная дисциплина»; 2) «Феномен культуры»;

3) «Общение как инструмент межкультурной коммуникации»; 4) «Понятие межкультурной коммуникативной компетентности»; 5) «Толерантность как компонент межкультурной коммуникативной компетентности»; 6) «Социально-психологические механизмы межкультурной коммуникации»; 7) «Межкультурный тренинг как способ формирования межкультурной компетентности»; 8) «Современные направления развития межкультурной коммуникации».

Изучение вышеобозначенных тем дисциплины предполагает разнообразные формы работы на практических занятиях (групповые дискуссии, работу в диадах, устные опросы и т.п.). Так, изучая тему «Феномен культуры», и знакомясь с представлением о том, что культуры имеют внешнее (материальное, поведенческое) и внутреннее (нематериальное, ментальное) измерение, в рамках упражнения «Символы культуры» студентам предлагается выбрать один из предметов, представленных в аудитории, который по тем или иным причинам им понравился. Предметы, которые использовались (этот список можно продолжить и включить другие): китайский веер, шотландский шарф (тарган), турецкая лира, польский грош, открытка из Новой Зеландии с изображением девушки в традиционном костюме племени маори, новогодняя игрушка с изображением Капитолия Вашингтона, сувенир в виде традиционных голландских башмаков клонпов, павлово-посадский платок, укулеле, матрешка, деревянная узбекская шкатулка, болгарская икона, значок с изображением канадского флага, магнит с изображением Эйфелевой башни, конфета «Мишка» с картиной «Утро в сосновом лесу» на обертке. После того, как выбор сделан, студентам предлагается ответить на следующие вопросы в ходе групповой дискуссии: определите к какой культуре относится данный предмет. Как вы догадались? Насколько легко или трудно вам это было сделать? Определите, к какому виду символов относится предмет (государственно-политические, национально-бытовые, религиозные и т.д.). Что вы можете рассказать об этом символе? Какие другие символы присущи этой культуре, с вашей точки зрения? Какой из символов (предметов) вы бы взяли с собой, если бы переезжали в другую страну? Что бы вы преподнесли в качестве подарка представителям другой культуры?

Кроме того, в рамках самостоятельной работы для студентов разработаны различные оценочные средства текущего контроля знаний (составление культурного ассимилятора или критического инцидента, разработка программы межкультурного тренинга). Приведем пример критического инцидента под названием «Ресторан раздора», разработанного в 2025 г. студенткой магистратуры факультета культуры СПбГУП Калашниковой А.А. под нашим руководством:

Пётр Васильевич с удовольствием отдыхал в Таиланде, греясь тёплыми лучами солнца, плескаясь в соленых водах и вкушая изысканные деликатесы непривычной для него кухни. Всё шло замечательно, пока в один из особенно жарких дней он не решил зайти в известный тайский ресторан. Официантка (местная жительница) была очень любезна и внимательна к Петру Васильевичу. Всё время ему улыбалась, вовремя уносила грязные салфетки и подавала новые блюда. Оставшись доволен столь тёплым приемом, Пётр Васильевич

в знак благодарности протянул ей чаевые: две крупные купюры и несколько жестяных монет. У официантки тут же исчезла улыбка с лица, она посмотрела на гостя обиженно и даже гневно, и удалилась, приняв только оплату за обед. Пётр Васильевич остался сидеть в недоумении.

Вопросы для обсуждения:

1. Что, на ваш взгляд, произошло?
2. Почему действия Петра Васильевича вызвали такую реакцию у официантки?
3. Какая психологическая особенность тайцев не была учтена Петром Васильевичем?

Комментарии. В данном случае мы имеем дело с суевериями жителей Таиланда. Согласно традициям, монеты дают только монахам и нищим. Если дать монету человеку, которого нельзя отнести к этим категориям, это может его обидеть. Кроме того, в Таиланде таким образом провожают людей в последний путь. Поэтому монетки принято передавать только людям, ушедшим в другой мир. Общаясь с жителями Таиланда, нужно принимать во внимание особенности их магического мышления и следование традициям.

Этнопсихологический фактор успешности спортсменов на примере легкой атлетики

Сугакова А.А.

ФГБОУ ВО МГУСиТ, Москва, Россия
anfirova@gmail.com

Сегодня утверждение о том, что на успешность спортсмена оказывает влияние не только физическая одаренность, но и психология, не вызывает споров. Тогда не менее важен социокультурный контекст, формирующий среду спортсмена. Так, на весь мир знамениты бегуны-спринтеры из Ямайки. Даже если оставить за скобками ямайского уникама Усэйна Болта, ямайская сборная имеет феноменальные результаты. Именно ямайцам принадлежат на текущий момент мировые рекорды в беге на 100 м и 200 м, в эстафете 4*100 м и 4*200 м среди мужчин, в беге на 200 м в помещении среди женщин. В списке самых титулованных легкоатлетов в истории современных Олимпийских Игр на третьем месте Усэйн Болт, на седьмом – Элейн Томпсон, спринтеры из Ямайки. В списке 25 лучших выступлений в беге на 100 м за всю историю современных ОИ присутствует только 2 страны: США и Ямайка.

Остров Ямайка заселялся с 1513 г. по большей части рабами из стран Атлантического побережья Африки (Гана, Кот-д'Ивуар, Ангола) [3, с. 20]. Их потомки составляют современное население Ямайки. Хотя генотипически они не отличаются от коллег из стран Западной Африки, но выступают гораздо успешнее. Например, на Олимпиаде в Париже (2024) в беге на 100 м Ямайка

заняла 2-е и 8-е места, тем временем западноафриканские страны Гана и Бенин заняли лишь 16-е и 26-е места соответственно [2]. Ямайцы и западноафриканцы имеют схожие физические данные, схожие экономические возможности (страны относят к развивающимся странам). Но в чем феномен Ямайки в спринтерском беге? Предположим, что на успешность спортсмена влияет этнопсихологический фактор, и именно ему отведена ключевая роль в победах ямайских бегунов на Олимпийских Играх.

В работе проведен сравнительный анализ этнопсихологических факторов, вероятно влияющих на результат в спринте. Страновые различия будут проанализированы по типологии измерений Г. Хофстеде. Для сравнения были отобраны: страны, регулярно лидирующие в беге на 100 м и 200 м, и близкие географически – США и Ямайка; бывшая метрополия Ямайки – Великобритания; Ангола и Западная Африка (по региону в целом) как прародина населения Ямайки; Кения и Эфиопия – африканские страны, знаменитые стайерами.

Результаты. Для стран-победительниц в спринте (Ямайка, США) характерен более высокий уровень индивидуализма (39, 91 соотв.), чем в Западной Африке (20), Анголе (18), Эфиопии (7) и Кении (4) [5]. Это может быть объяснено, во-первых, влиянием Великобритании, которая была колонизатором острова ~300 лет (с середины XVII в. по 1962 г.) [3, с. 14], во-вторых, современной культурной (и не только) экспансией крупного соседа – США. Отметим, что Великобритания была метрополией и для Ганы, но низкий показатель в этой стране (9) может объясняться иным характером взаимодействия колонизатора с африканскими колониями. Африканские колонии выступали по большей мере донорами рабов, а вест-индские – реципиентами, т.е. на их территории, в т.ч. на Ямайке, велась активная хозяйственная деятельность, устанавливались более тесные взаимоотношения плантаторов и рабов, что обеспечивало активную культурную перестройку, отраженную в измерениях Хофстеде. На Ямайке такой насильственный культурный переход и стирание африканской идентичности проявился глубокой рефлексией и ностальгией по исторической родине. Ярчайшим примером является движение растафари, центральной идеей которого является желание вернуться в Африку, к своим корням.

Несмотря на то, что спортсмены всех видов спорта в среднем большие коллективисты, чем неспортсмены [1, с. 144], спринтерам, предположительно, требуется высокий уровень индивидуализма, а стайерам – коллективизма. В “стайерских” странах Кении и Эфиопии показатель равен всего 4 и 7 соотв. Антагонизм спринтеров и стайеров наблюдается практически по всем психическим параметрам, например, сила нервной системы: у спринтеров – слабая, у стайеров – сильная [1, с. 84]. Вероятно, более высокий страновой уровень индивидуализма на Ямайке по сравнению со странами Западной Африки и Анголы влияет на успешность спортсменов-спринтеров.

Маскулинность по Хофстеде – это твердость, напористость, нацеленность на достижения. Спорт же “в каком-то смысле можно считать сублимацией военных столкновений, мирный способ (изначально среди *мужчин*) решить кто

сильнее”. Составляющими успеха в спорте являются настойчивость, спортивная злость, решительность [1, с. 76], маскулинные личностные черты, дающие основание считать фактор значимым для работ в этнопсихологии спорта.

По шкале маскулинности Ямайка, США, Великобритания, Кения, Эфиопия имеют высокие значения (от 60 до 68), в то время как Ангола – 20, а страны Западной Африки – 46. Из чего можем сделать вывод, что фактор маскулинности неспецифичен для вида спорта, но является необходимым условием успешности. Феноменальность ямайцев на международных соревнованиях стимулировала развитие легкой атлетики в стране, а также культя спорта как социального лифта, что дополнительно мотивирует юных спортсменов на достижения. Стремление преодолеть бедность и завоевать всемирную славу и признание – также есть проявление маскулинности.

Фактор дистанции власти так же значим, т.к. связан с внешне мотивационной сферой спортсмена, а также отражает социально-экономическое неравенство. На Ямайке, в США и Великобритании показатель низкий (45, 40, 35 соотв.), а в Западной Африке и Анголе – высокий (77 и 83 соотв.).

Таким образом, выявленные закономерности позволяют утверждать, что этнопсихологические факторы, и специфические для спринта, и общие для всех видов спорта, влияют на успешность страны, в частности Ямайки, в международных спортивных состязаниях.

Литература

1. Ильин Е.П. Психология спорта. СПб., 2019.
2. Международный олимпийский комитет. Париж-2024. Легкая атлетика. Результаты. URL: <https://clck.ru/3MzVpG>
3. Степанов Ю.С. Ямайка. М., 1980.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2014.
5. Хофстеде Г. Матрица размерных данных. URL: <https://clck.ru/3MzVmJ>

Социально-психологические факторы прощения в меж- и внутриэтническом взаимодействии

Суднищикова А.В.

ФГБОУ ВО ГИПУ, Глазов, Россия
sudnishikova.alena@yandex.ru

Хотинец В.Ю.

ФГБОУ ВО «УдГУ, Ижевск, Россия
khotinets@mail.ru

Возрастающий интерес к межэтническому взаимодействию в условиях глобализации, усиления миграции и роста этноконфликтов обуславливает необходимость изучения стратегий интеграции представителей разных этнокультурных сообществ. Ключевым фактором успешного взаимодействия выступает

прощение – как на межгрупповом, так и на внутригрупповом уровне. Несмотря на значительное количество работ, посвященных феномену прощения, остаются малоизученными психологические механизмы и условия формирования прощающего поведения в контексте меж- и внутриэтнических отношений. *Цель настоящего исследования* – выявление социально-психологических факторов прощения в меж- и внутриэтническом взаимодействии.

В современной социальной психологии прощение определяется как диспозиционная черта или предрасположенность воспринимать ситуации, в которых были нарушены ожидания индивида касательно собственного поведения, поведения других людей или того, как должна развиваться конкретная ситуация. Прощение включает в себя компоненты: готовность прощать и отсутствие рuminаций относительно обид [1]. В качестве детерминант межличностного прощения чаще всего рассматривают личностные [4, 6], социально-психологические [8], культурно-средовые [3, 5] характеристики. Однако в современной психологии отсутствуют исследования факторов прощения в меж- и внутриэтническом взаимодействии. Предполагается, что личностные, социально-психологические, культурно-средовые факторы в комплексе оказывают значимый эффект на прощение в меж- и внутриэтническом взаимодействии.

Для подтверждения данного предположения было проведено исследование с участием 249 человек в возрасте от 17 до 35 лет (средний возраст – 20,3; $M_o = 19$; $M_e = 19$), среди них 35,3% мужчин (88 человек) и 64,7% женщин (161 человек). Респонденты были разделены на три группы в соответствии с этноязыковым статусом: славянская, финно-угорская, тюркская.

Для проведения исследования использовались:

1. Методика диагностики выраженности этничности В.Ю. Хотинец.
2. Русскоязычная версия методики «Шкала прощения Хартланд» (адаптация С.К. Нартова-Бочавер, А.А. Адамян). Диагностика проводилась дважды с перерывом в несколько недель: во время первого замера респондентам предлагалось вспомнить ситуации, в которых им доводилось прощать представителей своей этноязыковой группы; во время второго замера – представителей группы, отличной от собственной.
3. Для исследования личностных, коммуникативно-поведенческих, культурно-средовых характеристик использовался методический комплекс из следующих методик: Сокращенная версия методики «Опросник социальных аксиом» (Бонд М., Леунга К., адаптация Лебедевой Н.М., Татарко А.А.); Биполярная шкала «Диагностика содержания и степени позитивности / негативности «Appearance»-стереотипов» (Беззян А.А., Лабунская В.А.); Адаптированный опросник «Атрибутивного стиля ASQ» М. Селигмана для России (Рудина Л.М.); Тест «Ассертивности А26» (Шейнов В.П.); «Методика диагностики этнической идентичности» (Солдатова Г.У., Рыжова С.В.); Методика «Субъективная оценка межличностных отношений» (Духновский С.В.); Опросник для диагностики

межличностных отношений (Leary Т., адаптация Собчик Л.Н.); Методика «Диагностика наличия и выраженности иррациональных установок» (Эллис А.); Методика исследования самооотношения (Пантелеев С.Р.); Опросник «Шкала субъективного благополучия» (Perrudet-Badoux А., Mendelsohn G., Chiche J., адаптация Соколовой М.В.); Короткий опросник Тёмной триады (Paulhus D., Williams K., адаптация Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В.); Опросник «PEN» (Eysenck H., Eysenck S., адаптация Шмелёва А.Г.); Самоактуализационный тест САТ (Shostrom E., адаптация Гозман Л.Я., Кроз М.В.); Методика «Толерантность к неопределенности» (Budner S., адаптация Солдатовой Г.У.); Опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (Леонтьев Д.А., Осин Е.Н.); Опросник культурных ценностных ориентаций Ш. Шварца (адаптация Лебедевой Н.М., Татарко А.А.). Подбор методик осуществлялся на основании контент-анализа научных текстов по проблеме детерминации прощения.

При анализе результатов исследования использовались методы обработки данных: описательные статистики, множественный регрессионный анализ. Обработка данных осуществлялась при помощи программы IBM SPSS Statistics 22.

В результате эмпирического исследования установлено, что:

1. на прощение «других» значимый эффект оказывают личностные (С прямым эффектом: самопринятие, системная рефлексия, квази-рефлексия; с обратным эффектом: интроспекция), коммуникативно-поведенческие (с прямым эффектом: социально-психологические атрибуции, этническая индифферентность; с обратным эффектом: этнонигилизм, напряженность отношений), культурно-средовые (ценности обеспечения социально-ответственного поведения (с обратным эффектом: «иерархия») характеристики. Таким образом, прощение в межэтническом взаимодействии выступает не как спонтанный эмоциональный акт, а как сложный социально-психологический феномен, детерминированный рядом ключевых факторов: ценности обеспечения социально-ответственного поведения создают морально-нормативную основу для примирения, смещающая фокус с личных обид на групповую гармонию. Способность к системной рефлексии и целостному восприятию мира позволяет субъекту выйти за рамки сиюминутного конфликта, осознать его исторические, культурные и контекстуальные причины, что снижает уровень категоричности обвинений. Формальный характер межличностных отношений, минимизируя эмоциональную вовлеченность, объективирует ситуацию и снижает интенсивность негативных переживаний. Позитивная этническая идентичность (сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам) и этническая индифферентность (размывание этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности) ослабляют действие механизмов межгруппового сравнения и предубеждений, создавая

когнитивную и аффективную почву для прощения как акта, направленного на восстановление конструктивного межгруппового диалога.

2. на прощение «своих» оказывают эффект характеристики, относящиеся к коммуникативно-поведенческому (ассертивное, неконфликтное поведение, позитивная этническая идентичность, этноиндифферентность) и личностному (самопринятие, способность к адекватной рефлексии, интолерантность к неопределенности) факторам. Во внутриэтническом взаимодействии ключевую роль в детерминации прощения играет личностная зрелость индивида, которая позволяет проявить эмпатию и ответственность за восстановление отношений. Неконфликтный характер межличностных отношений способствует снижению интенсивности эмоций и личных привязанностей. Позитивная этническая идентичность [2], а также этноиндифферентность, которая нейтрализует потенциал межличностного конфликта, связанный с групповой принадлежностью, что можно понимать как потенциал прощения в конфликтной ситуации межгруппового взаимодействия за пределами этничности с опорой на иные стратегии групповой категоризации.

Таким образом, результатом проведенного исследования является установление универсальных и специфических факторов прощения в меж- и внутриэтнических контекстах. Общим фактором выступает формальный характер отношений, позитивная этническая идентичность и этноиндифферентность, которые в обоих случаях снижают эмоциональную напряженность и нивелируют влияние групповых предубеждений, создавая основу для рационального разрешения конфликта. Однако следует отметить, что межэтническое прощение требует развитой системной рефлексии и социальной ответственности для преодоления глубинных групповых границ и социокультурных различий, в то время как внутриэтническое прощение в большей степени «опирается» на личностную зрелость индивида, направленную на преодоление межличностных, а не межгрупповых противоречий.

Литература

1. *Нартова-Бочавер С.К., Адамян А.А.* Способность прощать и домашняя среда как аспекты межличностного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 1.
2. Кросс-культурная психология исследования и применение, перевод с английского / Джон В. Берри, Айп Х. Пуртинга, Маршалл Х. Сигалл, Пьер Р. Дасен; [науч. ред.: Л.В. Винокуров, к.психол.н., доц. и др.]. Харьков, 2007.
3. *Судницикова А.В.* Культурные ценности как предикторы прощения в меж- и внутриэтническом взаимодействии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2024. № 213.
4. *Судницикова А.В.* Личностно-групповые детерминанты прощения в ситуации меж- и внутриэтнического взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13. № 4(52).

5. Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Учебное пособие. Сер. 76 Высшее образование. (2-е изд., пер. и доп). М., 2020.
6. Хотинец В.Ю. Согласованность социальных и культурных ценностей в регуляции межличностного взаимодействия // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6.
7. Kaleta K., Mróz J. Cognitive and emotional predictors of episodic and dispositional forgiveness // Polish Psychological Bulletin. 2017. Vol. 48(2).

Проблема адаптации различных психотерапевтических подходов к клиентам из разных культур в эпоху постмодерна

Сухарев А.В.

ИП РАН, Москва, Россия
zavor753@mail.ru

Проблема. В условиях эпохи постмодерна проблема психологического консультирования и адаптации различных терапевтических подходов к клиентам из разных культур является актуальной. Данная эпоха характеризуется, по мнению известного культуролога и социолога Э. Гидденса, не только познавательным, но и нравственным релятивизмом, «нравственной безосновностью» [7]. «Нынешняя эра мультикультурализма, постмодернизма и глобализма выводит эту проблему почти за пределы сознания: мультикультурализм просит нас воздержаться от оценки; идеология постмодерна настаивает на том, что все субкультуры равны и заслуживают того, чтобы они анализировались только изнутри них самих; глобализм же способствует возникновению конгломерата конкурирующих элементов из смеси культур» [8, р. 126].

Иначе, т.н. «мультикультурный подход» к психологическому консультированию требует сочетания двух разнонаправленных усилий. С одной стороны, очевидна необходимость исходить из принадлежности пациента к собственной культуре и работы с ним «изнутри» данной культуры, а с другой, – необходим учет реалий универсального естественно-научного анализа ситуации; но главным является *гуманитарный фактор*, т.е. способность консультанта (психотерапевта) искренне понимать и сочувствовать пациенту, при том, что оба могут стоять на взаимно-противоречащих ценностных и нравственных позициях. Для получения практически верифицируемого результата рои учете взаимно противоречивых положений (исходных условий) в науке требуется обоснованный теоретических подход.

Что значит обоснованный подход?

Во-первых, такой подход должен предлагать, как минимум, теоретический алгоритм разрешения актуальных практических противоречий в процессе консультирования и психотерапии для каждого возможного случая. Во-вторых, данный подход должен обладать *исторической актуальностью* [4],

т.е. опираться на новую *парадигму* теоретического мышления, базирующуюся на модели, опирающейся на «болевы́е точки» развития ментальности человечества. На современном этапе исторического развития обращает на себя внимание тот факт, что с конца 70-х гг. XX в. в отечественных и зарубежных исследованиях отмечается возрастание роли *этнических факторов* в жизни как общества в целом, так и отдельного человека [2]. По нашему убеждению, в современную кризисную эпоху этничность является «болевой точкой» и выступает важнейшим смыслообразующим фактором в поведении современного человека, что дает ему чувство уверенности в незыблемости ценностей.

Этнические факторы характеризуются как ландшафтно-климатические, антропо-биологические, культурно-психологические, мы также вводим группу трансцендентных факторов (Бог, духи природных стихий и явлений и пр.). А развитие психики в онто- и историогенезе мы рассматриваем как идеальную последовательную смену необходимых ступеней: архаики, премодерна (надэтнически-религиозная ступень) и ступень модерна. Представления *архаики* (по Леви-Брюлю это приоритет природы, магического мышления и родовых отношений), согласно нашим исследованиям, обладают наиболее выраженной *этнической функцией*¹, отделяющей психическое и психосоматическое здоровье от болезни, нравственность от аморальности, высокий интеллект от низкого и пр. [3; 5; 6; и др.]. Т.е. этническая функция представлений архаики является определенным системообразующим фактором для человеческой психики.

Кроме системообразующего *принципа этнофункциональности* мы рассматриваем *концепцию этнофункционального синтеза хаоса и космоса*, определяющую идеальное развитие субъекта как последовательный синтез первоначальных представлений архаики, надэтнически-религиозных и модерна с учетом их этнической функций [5; 6]. Анализ философских, культурологических и др. исследований показал, что помимо этнической функции образа наиболее обобщенным фактором развития ментальности субъекта являются *научные* представления о хаосе и космосе (А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский, В.Н. Топоров и др.) и об их роли в развитии субъекта. При этом представления архаики мы рассматриваем как *хаотизирующие*, а надэтнически-религиозные представления (приоритет мировых религий) и тем более представления модерна (приоритет научно-технологического прогресса) рассматриваются как *космизирующие*. В отличие от естественно-научных систем в нашей концепции идеал развития понимается не как формальный синтез порядка и хаоса (беспорядка) [1], а как субъектный *гуманитарный синтез* психических образами, представлениями архаики, мировых религий и научными, составляющих *образную сферу* (термин А.А. Гостева) субъекта.

¹ Этническая функция представлений субъекта может обладать *этноинтегрирующим* значением, т.е. объединяющим его с тем или иным этносом или этнической системой, *этнодифференцирующим* (разъединяющим) и *нейтральным* (научные и общепсихологические представления) [3; 6].

Заключение.

Таким образом, в качестве единой основы межкультурного взаимодействия в процессе психотерапии и консультирования предлагается предельно обобщенный философско-антропологический подход, учитывающий этническую специфику клиента (ареал происхождения, культуру, антропо-биологические и трансцендентные религиозные представления): концепция этнофункционального синтеза хаоса и космоса, экспериментально и эмпирически верифицированная в психотерапевтических и консультационных исследованиях 1993–2024 гг. [3; 6; и др.]. Существенным выводом на основе результатов теоретических и экспериментальных исследований является то, что исходным (системообразующим) для конструктивной динамики психики клиента становятся его *этноинтегрирующие архаические представления*. Данный подход теоретически и экспериментально основан на психопрофилактике и сохранении психического и психосоматического здоровья, а также сбережения нравственной целостности субъекта.

Литература

1. Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Обществ. науки и современность. 1999. № 6.
2. Суколов А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. Вып. 20. М., 1990.
3. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии: Теория развития и эмпирические исследования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
4. Сухарев А.В. Опыт преодоления методологического кризиса: принцип исторической актуальности и этнофункциональная парадигма в психологии // Мир психологии. 2009, № 3 (59).
5. Сухарев А.В. Концепция этнофункционального синтеза хаоса и космоса: философские основания и перспективы применения в психологии // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т. 2. № 2(4).
6. Сухарев А.В. Развитие субъекта: Логос, космос и хаос. 3-е изд., перераб. и испр. М.: Институт русской политической культуры, 2024.
7. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
8. XVIth ISA World Congress of Sociology. The quality of social existence in a globalizing world: Abstracts. ISA 2006 Congress. Durban, South Africa, July 23–29, 2006.

Взаимосвязь культурной дистанции с аккультурационными предпочтениями в шести постсоветских странах

Татарко А.Н., Ленишкова З.Х.

НИУ ВШЭ, Москва, Россия
tatarko@yandex.ru; taimiris@yandex.ru

Берри Дж.У.

Королевский университет, Кингстон, Канада

В проведенном нами эмпирическом исследовании рассматривается взаимосвязь между воспринимаемой культурной дистанцией и аккультурационными предпочтениями (интеграция, ассимиляция, сепарация/сегрегация) представителей этнического большинства и меньшинства в шести постсоветских странах: Армения, Эстония, Грузия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Мы опросили этнических русских (этническое меньшинство) и представителей групп этнического большинства в каждой из шести стран. Общее число респондентов составило 3271 человек. После распада Советского Союза статус русского населения в этих республиках изменился: из доминирующей группы в Советском Союзе оно превратилось в этническое меньшинство в новых независимых странах. Чтобы учесть контекстуальные особенности, мы оценили проницаемость этнических границ для этнических русских, которые различаются в разных постсоветских республиках.

Мы обнаружили, что в выборках представителей этнического большинства и этнического меньшинства (русских), чем ближе культурная дистанция, тем выше воспринимаемая проницаемость границ. Однако среди этнического большинства более тесная культурная дистанция с русскими положительно связана с желанием их сегрегировать, в то время как среди русских более тесная культурная дистанция с населением страны связана с желанием интегрироваться.

Основной вывод этого исследования заключается в том, что чем ближе культурная дистанция, тем выше предпочтение интеграции и ассимиляции для этнического меньшинства (русских). Кроме того, в выборках этнических русских, чем ближе культурная дистанция, тем выше воспринимаемая проницаемость этнических границ; этот эффект почти универсален.

Для представителей этнического большинства влияние культурной близости на интеграцию ограничено. Если для русских культурная близость является важным фактором при выборе стратегии интеграции, то для этнического большинства это не так. В некоторых случаях близкая культурная дистанция большинства отрицательно связана с интеграцией, когда возникает желание дистанцироваться от русского меньшинства. Более того, эта тенденция была обнаружена в различных национальных контекстах. Важно подчеркнуть, что это неожиданное, новое явление, которое ранее не было известно. Возможно, это какой-то защитный механизм коренного национального населения

постсоветских стран, заключающийся в отрицании элементов русской культуры в их национальных культурах и стремлении дистанцироваться от русских. Пример этого процесса можно было проследить в эмпирических данных Казахстана, который в настоящее время переходит с кириллицы на латиницу. В будущих исследованиях было бы важно понять, характерна ли такая некомплементарность в отношениях только для постсоветского пространства или это будет справедливо и для других национальных контекстов.

Более подробно ознакомиться с теоретическими основаниями, методологией и результатами данного исследования можно в следующей работе: Tatarko, A. N., Lepshokova, Z. K., & Berry, J. W. (2025). An examination of the relationship between cultural distance and acculturation preferences in six post-Soviet societies. *Asian Journal of Social Psychology*, 28(2), e70013.

Опыт подготовки психологов для работы с мигрантами: модель специалиста и трудности в ее реализации

Тимова О.И.

ФГКОУ ВО СибЮИ МВД России, Красноярск, Россия
ФГБОУ ВО КГПУ им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия
944058@mail.ru

Чуть более 10 лет назад на базе Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева была реализована подготовка психологов для работы с мигрантами [2; 4]. Данная деятельность осуществлялась в рамках проекта ТЕМПУС, направленного на подготовку социальных психологов по работе с мигрантами на территории России и других стран. Помимо наработок университета, выступавшего базой проекта, активно привлекался опыт психологической работы из других стран (Испании, Франции и др.), в форме стажировки и десятка сессий совместной работы российских и зарубежных психологов и специалистов по социальной работе.

Поделимся наработками и обозначим возникшие у нас трудности. В рамках проекта было разработано и реализовано три программы: один бакалавриат и две магистратуры. С учетом результатов опроса специалистов организаций, работающих с мигрантами (социальные службы, пенитенциарные учреждения, образовательные учреждения разной ступени и др.) составлены профили компетенций психолога по работе с мигрантами. Один из них определял трудовые функции, места работы и компетенции специалиста в области психосоциальной работы с мигрантами, а второй – в области психологического сопровождения в социальных службах и образовательных учреждениях

Согласно наработкам команды проекта, деятельность психолога в области психосоциальной работы с мигрантами нацелена на выполнение трудовых функций:

1) языковая, культурная и религиозная и социально-экономическая адаптация; 2) профессиональная ориентация и трудоустройство; 3) организация межкультурного взаимодействия; 4) справочно-информационное сопровождение мигрантов.

Местами работы психолога в области психосоциальной работы с мигрантами выступают: реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями; реабилитационные центры для несовершеннолетних; комплексные центры социального обслуживания населения; кризисные центры; учреждения пенитенциарной системы (ГУФСИН); подразделения полиции по вопросам миграции; учреждения системы образования (ДОУ, СОШ); учреждения службы занятости населения; общественные организации (национально-культурные автономии и по работе с мигрантами).

В ходе разработки модели специалиста командой проекта были определены 6 универсальных и 12 специальных профессиональных компетенций. Специальные компетенции психолога по психосоциальной работе с мигрантами включают способность учитывать этнические особенности, прогнозировать адаптацию, консультировать по вопросам интеграции, поддерживать эффективную коммуникацию, анализировать проблемы социализации, предотвращать эмоциональное выгорание самого психолога, разрабатывать профилактические программы, проводить кросс-культурные исследования, влиять на отношения в поликультурной среде, организовывать службы поддержки, содействовать профориентации и трудоустройству, использовать нормативные акты и владеть технологиями медиации.

Деятельность психолога, специализирующегося на психологическом сопровождении мигрантов в социальных службах и образовательных учреждениях, предполагает решение несколько иного круга задач: 1) адаптация детей мигрантов в системе образования; 2) работа с семьей; 3) профессиональная ориентация мигрантов; 4) организация межкультурного взаимодействия. Компетенции частично пересекались, а частично дополнялись теми, которые обеспечивают психологическую работу с учетом возрастных особенностей – при проведении психодиагностики, разработке мероприятий по работе с семьей, профилактике девиантного поведения подростков из числа мигрантов.

Среди трудностей в подготовке психологов по работе с мигрантами можно отметить такую: обучались будущие психологи с интересом, но особого желания работать с мигрантами не проявляли. Можно считать некоторым исключением сотрудников пенитенциарных учреждений, но в их случае – это скорее профессиональная необходимость, связанная с немалой долей лиц из числа мигрантов, находящихся в местах лишения свободы, а не желание психологов посвятить себя работе с мигрантами.

Гораздо охотнее новоиспеченные психологи по работе с мигрантами откликались на работу с представителями так называемой образовательной миграции, или проще говоря – с иностранными студентами. Опыт работы автора с этой группой более развернуто представлен ранее [1; 3; 5].

В заключение отметим, что содержание описанной модели психолога позволяет сориентироваться в том, какие знания и умения требуются для психологической работы в условиях межкультурной коммуникации.

Литература

1. *Титова О.И.* Направления психолого-педагогической помощи субъектам образовательной миграции // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире. М., 2024.
2. *Титова О.И.* Опыт построения модели компетенций социального психолога по работе с мигрантами // Психолого-экономические и этнокультурные ресурсы улучшения межнациональных отношений в российских регионах. Иркутск, 2014.
3. *Титова О.И.* Психологические трудности иностранных обучающихся и возможные меры психолого-педагогической поддержки с участием кураторов и преподавателей // Учебно-методический форум профессорско-преподавательского состава / Отв. ред. С.А. Пунтус. Красноярск, 2024.
4. *Титова О.И.* Психологическое сопровождение иностранных студентов и его роль в обеспечении качества образования в поликультурной среде // Сибирский вестник специального образования. 2015. № 1 (14).
5. *Титова О.И.* Развитие этнокультурной компетентности с использованием культурного ассимилятора в контексте адаптации иностранных специалистов в период обучения в юридическом вузе // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов интеграция теории и практики / Под ред. А.С. Душкина, Н.Ф. Гейжан. СПб., 2019.

Осетинское гостеприимство в контексте межкультурной коммуникации

Ткаченко Н.В., Ратов Т.Ю., Романов М.Ю.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

tkachenkonv@mgppu.ru, ratov_t@1060.ru, bobah93gg@mail.ru

Гостеприимство в осетинской культуре традиционно занимает центральное место в системе ценностей и рассматривается не просто как бытовая норма, а как важнейший этический и социальный институт. Гостеприимство – одна из важнейших народных традиций. Много гостей бывало на праздниках, поминках, различных пиршествах. В зависимости от цели приезда соблюдались и особенности этикета. В настоящее время гостеприимство потеряло былое общественное значение. Тем не менее, оно сохранило свои основные элементы [1].

В ходе полевой экспедиции в Алагирское ущелье (Республика Северная Осетия – Алания) в 2025 году были собраны данные, позволяющие рассмотреть осетинское гостеприимство как эффективный механизм межкультурной коммуникации. Цель исследования – выявить ключевые элементы традиционного гостеприимства, проанализировать их роль в установлении

доверительных отношений между представителями разных культур и оценить устойчивость этих практик в современных условиях.

В осетинской традиции гость считается человеком почетным и даже священным. Приход гостя требует проявления максимального уважения и заботы. Ритуал встречи гостя уходит корнями в древние нормы поведения, связанные с честью, долгом и коллективной ответственностью [2]. Гостеприимство здесь не просто проявление дружелюбия, а выполнение нравственного обязательства, закреплённого в культурной памяти поколений. Оно формирует *основу социальной сплочённости* и служит важным механизмом поддержания связей как внутри семьи, так и между общинами.

Особое значение в процессе коммуникации имеет традиционное застолье. Оно строго регламентировано этикетом и превращается в ритуальное пространство общения, где каждый жест и слово несут символическую нагрузку. Важной частью застолья являются благодарственные молитвы-тосты [3]. Они носят напутственный характер и выполняют ряд функций: выражают благодарность гостю, подчёркивают преемственность поколений, укрепляют семейные и общинные связи. Через эти молитвы передаются ключевые ценности – уважение к старшим, память о предках, ответственность перед общиной. Наблюдения в ходе экспедиции показали, что гости, даже не знакомые изначально с местными обычаями, быстро включаются в коммуникативный процесс благодаря открытости хозяев и отчасти универсальному характеру невербальной коммуникации. Это свидетельствует о *высокой адаптивности осетинской гостевой культуры* как инструмента преодоления культурных барьеров и формирования взаимопонимания.

Гостеприимство остаётся живой практикой, особенно в сельской местности Алагирского ущелья. Однако, в ходе экспедиции были выявлены и трансформации: в условиях урбанизации и изменения социальной структуры некоторые ритуалы упрощаются, однако их символическое значение сохраняется. Важно отметить, что традиция гостеприимства активно поддерживается не только среди тех, кто остаётся в родных сёлах, но и среди тех, кто переехал в город для работы или учёбы. Многие жители Алагирского ущелья, сегодня живущие во Владикавказе, Москве или других городах, регулярно возвращаются на родину, особенно в праздничные дни, дни рождения, поминования или свадьбы. При этом они не только участвуют в традиционных застольях, но и сами становятся хозяевами, организуя приёмы гостей в соответствии с этими культурными традициями.

Это свидетельствует о том, что гостеприимство выполняет как бытовую, так и *идентификационную функцию*: через участие в ритуалах люди подтверждают свою принадлежность к общине, укрепляют семейные связи и передают культурные нормы следующим поколениям. Даже в городских условиях, где темп жизни выше, а пространство более анонимное, многие осетины стремятся сохранить эти традиции – приглашая гостей домой, соблюдая этикет, передавая детям значение каждого элемента традиции.

Интерес представляет и *распределение ролей* в организации гостеприимства: женщины традиционно отвечают за приготовление еды, мужчины – за тосты и общение с гостями. Однако в современных условиях наблюдается постепенное стирание строгих границ. Особенно в городской среде женщины всё чаще берут на себя инициативу в ведении общения, делятся семейными историями и выражают благодарность. Это свидетельствует о внутренней гибкости традиции и её способности к эволюции без утраты сути. Гостеприимство адаптируется к новым социальным реалиям, сохраняя при этом своё ядро – стремление к открытости, уважению и взаимной поддержке.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования опыта осетинского гостеприимства в образовательных программах по межкультурной коммуникации, развитию этнотуризма и укреплении межэтнического диалога. Традиция, основанная на уважении, открытости и символическом равенстве, может служить моделью для построения толерантного общества. В современных условиях межкультурное взаимодействие происходит постоянно. Однако, недостаточное знание культурных норм может приводить к конфликтам между разными народами. Обычаи, подобные осетинскому гостеприимству, демонстрируют, как традиционные практики могут способствовать установлению доверия и уважения между людьми.

Таким образом, осетинское гостеприимство выступает не только как культурный артефакт, но и как действенный ресурс межкультурного взаимодействия. Его универсальные элементы – радушие, внимание к гостю, символические жесты – способствуют установлению доверия даже в условиях культурного различия. Сохранение и осмысление этой традиции в современном контексте важно не только для идентичности осетинского народа, но и для более широкого диалога между культурами. Гостеприимство становится не просто ритуалом, а формой культурной дипломатии, в которой каждый ключевой элемент – слово благодарности, подача пирога, угощение, подарок ребёнку – говорит о готовности к диалогу, принятию и взаимному уважению.

Литература

1. *Миллер Вс. Ф.* Осетины // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона, т. XXII, с. 265. *цит. по* <https://ossetians.com/rus/news.php?newsid=1067>
2. Осетины: монография / отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. Изд. 3-е, стер. М., 2023.
3. *Тменова Дз., Агнаев Г.* Ирон куывдтыгæ – Осетинские молитвы / Тменаты Дз., Агънаты Г.; [перевод: Г. Тедеев]. Владикавказ, 2023.

Связь параметров креативности с уровнем адаптации индийских студентов к обучению в России

Троянская А.И.

ФГБОУ ВО УдГУ, Ижевск, Россия

atrojanskaya@mail.ru

На сегодняшний день на всех уровнях высшего образования в разных городах России обучается большое количество иностранных студентов. К лидирующим по контингенту, наряду с пребывающими из Китая и стран СНГ, относятся обучающиеся из Индии. Проблемы, связанные с их адаптацией, являются очень актуальными и для сотрудников образовательных учреждений, и для самих студентов. Нужно признать существенное продвижение в разрешении затруднений адаптационного процесса, связанное с приростом опыта профессорско-педагогического состава и администрации вузов в работе с иностранными гражданами [7]. Увеличивается и количество научных публикаций по этому вопросу, и накопленный объем эмпирического материала. Исследовательские задачи в данной области на настоящий момент состоят в выявлении психологических факторов, оказывающих наибольшее влияние на успешную адаптацию. А также в выборе или разработке наиболее подходящих технологий для совершенствования программ сопровождения адаптации иностранных учащихся.

Погружение в незнакомую, контрастирующую с родной культурную среду побуждает личность искать и находить новые способы решения жизненных задач и взаимодействия с окружающими людьми. Применять нестандартные алгоритмы мышления, проявлять креативность, гибкость.

На теоретическом уровне креативность может быть связана с адаптацией двояко. С одной стороны, высокий уровень креативности затрудняет адаптацию, понимаемую как приспособление к существующим социальным стандартам и поведенческим нормам. С другой – в условиях повышенной неопределенности, человеку необходимо действовать не стереотипно, креативность становится ресурсом адаптации.

Целью данного исследования стало выявление связей параметров креативности – беглость, гибкость, оригинальность, – с уровнем адаптации студентов из Индии.

Применены методы: тест креативности (творческого мышления), субтест 1 «Использование предметов», субтест 6 «Эскизы» (Гилфорд Дж.) [4], опросник исследования адаптации иностранных студентов (Горбунова Е.В., Янковский Л.В.) [1], расчет среднего балла успеваемости, методы описательной статистики, корреляционный анализ Ч. Спирмена, контент-анализ.

В исследовании участвовали студенты из Индии, обучающиеся в Ижевской государственной медицинской академии Минздрава России, в количестве 65 человек, среди которых 47 мужчин и 18 женщин.

Адаптация в широком смысле – это процесс приспособления любого организма к изменившейся среде. В ситуации адаптация иностранных студентов прежде всего имеет вид приспособление к условиям новой образовательной среды [6]. Такое приспособление может включать различные типы адаптации: культурная, академическая, психологическая, коммуникативная, социальная, адаптация к бытовым условиям (Горбунова Е.В. [1]).

Креативность предполагает творческие способности человека, которые могут проявляться в мышлении, чувствах, общении, отдельных видах деятельности; характеризовать личность в целом или отдельные продукты деятельности. В самом общем виде креативность понимается как способность к творчеству. Это потребностное поисково-преобразовательное отношение личности к действительности, которое проявляется в поисково-преобразовательной активности [4]. Теоретическая основа креативности заложена в работах многих зарубежных (Г.Ю. Айзенк, Д. Векслер, М. Вертхаймер, Дж. Гилфорд, Е. Торренс, Х. Грубер, Р. Крачфилд, А. Маслоу, С. Медник, Р. Стенберг, М. Уоллах и др.), а также отечественных авторов (Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, Н.Ф. Вишнякова, М.С. Каган, А.Т. Ковалев, А.Д. Лук, А.М. Матюшкин, Я.А. Пономарев, И.Э. Стрелкова, А.В. Морозов, В.И. Петрушин) [3].

Уровень адаптации студентов в исследуемой выборке к концу первого курса обучения: низкий уровень – 5%, средний уровень – 30%, высокий уровень – 65%.

Креативность студентов из Индии имеет довольно высокие показатели: беглость высокая у 70%, средняя – у 30%, низкая – 0%; гибкость очень высокая у 10%, высокая – у 60%, средняя – 30%, низкая – 0%; оригинальность очень высокая у 10%, средняя у 60%, низкая – 30%.

Эти параметры обнаружили связь с адаптацией. Беглость с общим уровнем адаптации ($r=0,29$, $p<0,05$), с культурной адаптацией ($r=0,31$, $p<0,05$), с бытовой адаптацией ($r=0,38$, $p<0,01$). Гибкость оказалась связана с бытовой адаптацией ($r=0,26$, $p<0,05$).

Параметры креативности гибкость и оригинальность также связаны и с успеваемостью: $r=0,25$, $p<0,05$; $r=0,28$, $p<0,05$, соответственно.

Высокая продуктивность, легкость творческого мышления, способность к быстрому переключению помогают быстрее перестраиваться и действовать в новых социокультурных реалиях, а также привыкнуть к незнакомым прежде условиям быта. Высокий уровень дивергентного мышления позволяет находить разнообразные способы решения и учебных задач. Затруднения в поиске необычного подхода к проблеме, реструктурировании ответа связаны со снижением успеваемости.

По результатам наблюдения за учебной деятельностью и выполнением тестовых заданий, можно сказать, что темп психических действий довольно быстрый, достаточно высокая скорость выполнения задач. По получении инструкции для выполнения субтеста 1 «Использование предметов», последовали такие высказывания: «Вы будете удивлены. Вы даже не представляете, сколько вариантов использования любого предмета существует в Индии».

Исследователи отмечают выраженные способности к творчеству индийцев, определяемые глубокими культурными традициями, мифологией, влиянием ритуального сознания, различных учений и практик. Отмечается высокая оригинальность и вариативность речевых действий, в сравнении чем с меньшими по объему, содержащими повторы текстов российских студентов. [2]

Познавательная активность индийцев зависит от интереса к определенной теме. Они инициативны, избегают заучивания и механической работы. [5]

Исследователями были обнаружены многочисленные связи характеристик креативности с параметрами социально-психологической адаптации студентов разных специальностей [3]. Это подтверждает возможность рассмотрения креативности в связи с социально-психологической адаптацией. Гибкость и оригинальность мышления можно расценивать в качестве факторов успешности личности в современных условиях глобальной неопределенности развития общества как необходимые качества при решении важных проблем, в оценке своего места в жизни.

Креативность может облегчать адаптацию, в плане сокращения ее сроков, повышения стрессоустойчивости за счет гибких форм реагирования на события, более успешного решения сложных задач, требующих нестандартного подхода.

Литература

1. Горбунова Е.В. Адаптация студентов первого-третьего курсов бакалавриата / специалитета к университетской жизни // Universitas. 2013. Т. 1. № 1.
2. Гришенина Ю.А. Проявления национальных особенностей языкового сознания российских, индийских и африканских студентов в психологических компонентах их речевых действий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008.
3. Грушко Н.В., Чернобровкина С.В. Креативность как фактор социально-психологической адаптации студентов колледжей творческих и технических специальностей // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2012. № 1.
4. Морозов А.В. Креативность преподавателя высшей школы. М., 2002.
5. Кондрашова Н.В., Окерешко А.В. Особенности обучения индийских студентов русскому языку: оптимизация самостоятельной работы // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2018. № 6.
6. Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М. Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения в центральной России // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под общ. ред.: Н.М. Лебедевой. М., 2017.
7. Троянская А.И., Жатин Р. Динамика адаптации иностранных студентов медицинского вуза // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2024. № 2.

Психологические аспекты компульсивного шоппинга у студенток-татарок в ситуации кризиса идентичности

Тувина И.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

irenpyslab@mail.ru

Актуальность исследования заключается в том, что стремительная цифровизация потребительских практик, в особенности распространение маркетплейсов, создает новую среду для формирования компульсивного поведения. Высокая доступность, персонализация и алгоритмическое усиление триггеров делают маркетплейсы мощным инструментом воздействия на импульсивное поведение [1, с. 23]. Особую группу риска составляет студенческая молодежь, находящаяся в ситуации нормативного психосоциального кризиса идентичности. Внутри этой группы специфической уязвимостью обладают представители этнических групп, в частности студентки-татарки, переживающие сложный процесс вхождения в культурную среду мегаполисов [1, с. 24]. Противоречие между традиционными ценностями татарской культуры (семейность, коллективизм, скромность) и ценностями общества потребления (индивидуализм, гедонизм, демонстративность) создает почву для интенсивного внутриличностного конфликта, который может находить дезадаптивное разрешение в компульсивном поведении [3, с. 85]. Недостаток эмпирических исследований, рассматривающих паттерны потребления через призму этнокультурной идентичности, определяет научную новизну данной работы.

Цель исследования – выявить субъективные смыслы и социо-психологические особенности компульсивного шоппинга на маркетплейсах у студенток-татарок, обусловленные спецификой их этнокультурной идентичности и процесса адаптации к новой культурной среде в мегаполисах.

Гипотеза исследования состоит в том, что компульсивный шоппинг у студенток-татарок выступает не столько как аддикция (ониомания), а в большей степени как дезадаптивный механизм совладания с трудностями межкультурной адаптации и кризисом идентичности, выражая внутренний конфликт между традиционными ценностями и необходимостью конструирования новой идентичности в культурной среде.

В соответствии с целью и гипотезой был выбран качественный дизайн исследования, основанный на феноменологическом подходе. Основным методом сбора данных выступило полуструктурированное глубинное интервью, позволяющее раскрыть субъективные значения и переживания респонденток. Для анализа данных был применен метод тематического анализа В. Браун и В. Кларк [2, с. 178; 4, с. 121].

В исследовании приняли участие 10 студенток вузов Москвы в возрасте от 19 до 23 лет, самоидентифицирующих себя как татарки и демонстрирующих

признаки компульсивного шоппинга. Отбор проводился с помощью скрининга по модифицированной Бергенской шкале зависимости от покупок. Критерии включения являлись активное использование маркетплейсов (не менее 5 заказов в месяц) и наличие осознаваемых негативных последствий покупательского поведения.

Тематический анализ транскриптов выявил четыре макротематических кластера:

- Шоппинг как регулятор негативных эмоций и академического стресса. Все респондентки описывали процесс заливания в маркетплейсах как способ «переключиться», «заглушить тревогу», «наградить себя после сессии». Покупка выступала актом сиюминутной заботы о себе в условиях депривации привычной социальной поддержки семьи.
- Когнитивные искажения, усиленные цифровой средой. У респонденток проявились классические когнитивные искажения: магическое мышление, иллюзия контроля, катастрофизация, персонифицированные алгоритмами рекомендаций. Внутренний конфликт «традиционная против современная» как ключевой триггер. У 9 из 10 респонденток компульсивный эпизод сопровождался интенсивным чувством вины и стыда, имеющим культурный аспект. Студентки-татарки сообщали о страхе осуждения за «нескромные», «бесполезные» покупки.
- Конструирование идентичности через потребление. Путем шоппинга на маркетплейсах респондентки пытались приобрести атрибут желаемой идентичности: «успешной студентки престижного вуза», «современной городской жительницы».

На основе выявленных тем была разработана интегративная модель консультирования, состоящая из двух модулей:

1. Когнитивно-поведенческий модуль включает психообразование, когнитивную реструктуризацию культурно-специфических автоматических мыслей, контроль стимулов и формирование альтернативных копингов [5, с. 1862].
2. Арт-терапевтический модуль направлен на визуализацию и интеграцию конфликта через техники «Два портрета» и «Символы идентичности», а также работу с глиной с помощью техники «Образ желаемой вещи».

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что компульсивный шоппинг у студенток-татарок является сложным поведенческим феноменом, коренящимся в кризисе этнокультурной идентичности. Это не просто зависимость от процесса покупки, а симптом глубинного конфликта между традиционными ценностями и требованиями новой социальной среды. Интегративная модель когнитивно-поведенческой терапии и арт-терапии позволяет работать с когнитивными паттернами и глубинным конфликтом идентичности культурно-релевантными способами.

Литература

1. Драганчук Л.С. Поведение потребителей: учебное пособие, М., 2024.

2. *Ahmed S.K. et al.* Using thematic analysis in qualitative research // Journal of Medicine Surgery and Public Health. 2025. Vol. 6.
3. *Black D.W.* Compulsive shopping: A review and update // Current Opinion in Psychology, 2022, Vol. 46.
4. *Clarke V., Braun V.* Teaching thematic analysis: overcoming challenges and developing strategies for effective learning // Psychologist. 2013. Vol. 26. № 2.
5. *Mitchell J.E. et. al.* Cognitive behavioral therapy for compulsive buying disorder // Behaviour Research and Therapy. 2006. Vol. 44. № 12.

Городская идентичность и образ города молодежи поликультурного региона с разным этническим статусом

Тучина О.Р.

ФГБОУ ВО КубГУ, Краснодар, Россия,
tuchena@yandex.ru

В современной науке город рассматривается как сложный социокультурный феномен и бытийное пространство личности, где формируются и проявляются ее ценности и смыслы [1]. Исследование особенностей восприятия городской среды и идентичности с городом проживания является важной научной и практической задачей. В нашем исследовании мы будем использовать термин «идентичность с городом», понимая под ним внутриличностный конструкт как результат осмысления и переживания человеком принадлежности определенному месту с его культурно-историческими и географическими особенностями. В полиэтническом регионе образ города и городская идентичность молодежи во многом определяется принадлежностью к определенной этнической группе и положением данной группы в городском социуме [2].

Цель работы – исследование особенностей идентичности с местом проживания и визуального образа города и связь этих факторов с психологическим благополучием молодежи Краснодара – представителей этнического большинства (русских) и этнического меньшинства (армян).

Выборку исследования составили 287 респондентов, постоянно проживающих в Краснодаре в возрасте от 18 до 26 лет ($M = 20,3$, $SD = 2,6$); 156 русских, 131 армян.

Для исследования восприятия образа города была использована методика «Биполярный семантический дифференциал», за основу которой были взяты пары противоположных по смыслу прилагательных, полученных в результате ассоциативного эксперимента. Для исследования идентичности с городом была использована шкала Дроселтис и Вигнолес в авторском переводе [3], где были выделены такие аспекты идентичности с городом проживания как возможности самореализации в городской среде и ощущение города как своего,

подлинного, отвечающего их глубинным ценностям и личностным смыслам. Для исследования психологического благополучия – шкала психологического благополучия К. Рифф. Для обработки данных был использован эксплораторный факторный анализ, дисперсионный анализ, корреляционный анализ.

Для формирования шкал исследования образа города был проведен пилотажный опрос жителей Краснодара с целью выявить ассоциативные характеристики визуального образа города при помощи авторской анкеты. Для структурирования образа, полученного в результате психосемантической оценки, был проведен эксплораторный факторный анализ. Семантическое пространство оценки визуального образа города краснодарцами включает четыре фактора, объясняющее 64,7% дисперсии. Первый фактор был назван «Позитивная оценка», поскольку в восприятии образа города у реципиентов доминировали положительные характеристики: повседневные удобства (комфортный, зеленый, ухоженный, уютный, чистый), городскую атмосферу (добрый, веселый, гостеприимный, культурный, атмосферный, интересный, яркий), силу проявления (сильный, яркий, свежий, светлый) и безопасность. Второй фактор, «Динамичность», объединил характеристики большого современного города: активный, энергичный, динамичный, изменчивый, ритмичный, современный, быстрый, развивающийся и, большой. Третий фактор, «Климат» включает шкалы, характеризующие природно-климатические особенности города (жаркий, теплый, солнечный). Четвертый фактор, «Разнообразие», объединяет шкалы многонациональный, эклектичный, многолюдный, шумный.

На следующем этапе был проведен дисперсионный анализ результатов респондентов, относящихся к этническому большинству и меньшинству, чтобы выявить различия выраженности городской идентичности, оценки образа города и психологического благополучия. Как показывают результаты исследования, в группе армянских респондентов значимо выше оценка возможности самореализации в городской среде ($p \leq 0,01$). Оценка города как своего, подлинного, отвечающего личностным смыслам в данных группах значимо не различается. У русских респондентов также выше оценка динамичности городской среды ($p \leq 0,01$). Уровень психологического благополучия в группе русских ($M = 4,87$, $SD = 0,62$) значимо выше, чем в группе армян ($M = 4,39$, $SD = 0,55$) ($p \leq 0,001$).

Тот факт, что представители этнического меньшинства выше, чем представители большинства, оценивают возможности самореализации в городе, можно объяснить тем, что кубанские армяне, с одной стороны, относятся к «укорененному» меньшинству, то есть полностью адаптированы, имеют высокий уровень социальных связей и родственных отношений. С другой стороны, это в основном представители второго-третьего поколения мигрантов, их старшие родственники оценивают переезд в Краснодар и адаптацию в городе как жизненное достижение и активно способствуют реализации в городской среде наших респондентов.

Затем в данных группах респондентов был проведен корреляционный анализ уровня идентичности с городом, оценки факторов образа города и психологического благополучия.

Исследование выявило, что у русских респондентов наблюдается корреляция выраженности благополучия с обеими шкалами идентичности с городом и фактором позитивной оценки города. У армян выявлена связь благополучия с уровнем идентичности с городом, фактором позитивной оценки города, с оценкой климата места проживания и разнообразием городской среды.

Выводы.

Для молодежи Краснодара, представителей этнического большинства (русских) и этнического меньшинства (армян), характерно активное использование возможностей городской среды для повышения своего психологического благополучия.

У армянской молодежи с психологическим благополучием связана оценка города проживания как более климатически благоприятного и культурно разнообразного.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда (проект 24-18-20075 «Культурный код города: визуальный аспект»)

Литература

1. Аванесов С.С., Федотова Н.Г. Город: в поисках идентичности. СПб., 2022.
2. Тучина О.Р., Аполлонов И.А. Визуальный образ города в представлениях горожан (на материале исследования жителей Краснодара) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 4.
3. Тучина О.Р. Адаптация опросника идентичности с городом (на материале исследования жителей Краснодара) // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 4 (139).

Использование интернационализмов в аспекте преподавания РКИ слушателям из Африки

Фекличева Н.Л.

Финансовый университет, Москва, Россия
nata.feklicheva@mail.ru

В настоящее время Российская Федерация активно взаимодействует с разными регионами Африки в образовательной сфере. Граждане африканских стран могут получить стипендию Правительства Российской Федерации и учиться на бюджетной основе в ведущих университетах России (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, РУДН, НИУ ВШЭ, МАДИ и другие).

Перед поступлением в университеты граждане африканских стран в течение года изучают русский язык на подготовительных факультетах. Мы провели опрос среди слушателей Подготовительного факультета Финансового

университета при Правительстве РФ из Замбии, Бенина, Чада и Гвинеи и выяснили, что 90% считают русский язык сложным (многозначность слов, наличие уникальных понятий, сложности с понимаем оттенков значений, диминутивы). У слушателей снижается мотивация, поскольку за короткий срок нужно запомнить большой объем информации.

Чтобы повысить интерес к обучению, необходимо использовать аутентичные медиатексты на занятиях по РКИ. О.В. Данилина отмечает, что «работа с минимальным по объёму, но максимально репрезентативным для современного российского медиапространства аутентичным материалом доказала свою мотивирующую и познавательную ценность. Работая с подобным видом языкового продукта, учащиеся погружаются в более близкую с точки зрения ментальности молодого человека среду, которая людьми этого поколения воспринимается более органично» [3, с. 47]. Чаще всего аутентичные медиатексты используют на продвинутом этапе обучения. Мы считаем, что применение этих текстов является целесообразным уже на начальном этапах обучения, поскольку они способствуют формированию всех составляющих коммуникативной компетенции.

На начальном этапе обучения необходимо использовать аутентичные медиатексты, включающие интернационализмы (слова-помощники). Данные лексемы знакомы слушателям из их родного языка. Учащиеся поймут, что уже на начальном этапе изучения русского языка они могут понимать аутентичные тексты. Процесс обучения станет более интересным. Мотивация учащихся повысится. Преподаватель, используя на занятиях аутентичные медиатексты, включающие интернационализмы, создаст ситуацию успеха, которая является «неотъемлемой частью личностно ориентированного обучения, а также стимулом развития и повышения мотивации к изучению предмета» [3, с. 47]. М.А. Сокол и К.А. Лукьянова отмечают, что «в африканской аудитории очень хорошо работают такие помощники, как интернациональные слова. Они намного менее полезны с арабами и почти бесполезны с китайцами» [5, с. 155].

В настоящее время особенно активно интернационализмы проникают в сферу моды, поскольку модные бренды и дизайнеры часто заимствуют термины из других языков, чтобы обозначить новые концепции, стили и тренды. Африканские студенты проявляют интерес к сфере моды. Из 30 опрошенных нами учащихся 28 считают тему «Мода» актуальной.

В рамках данного исследования мы разделили 30 слушателей, говорящих на английском или французском языках и владеющих русским языком на уровне А2, на две группы. Слушателей из первой группы мы попросили прочитать 5 коротких медиатекстов о моде, содержащих интернационализмы (мода, стиль, коллекция, милитари, топ, тренч, слаксы), и затем выполнить упражнения (какие из утверждений являются верными, исправить неверные утверждения, ответить на вопросы к текстам, придумать собственные заголовки к текстам). Второй группе мы предложили сделать то же самое, однако в предложенных учащимся аутентичных медиатекстах о моде не было интернационализмов. Слушатели из первой группы быстрее справились

с упражнениями, допустили меньше ошибок, чем слушатели из второй группы. Кроме того, слушатели из первой группы проявили больший интерес к материалам, поскольку интернационализмы облегчили понимание аутентичных текстов, повысили мотивацию учащихся.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что представляется перспективным разработать систему обучения слушателей из Африки восприятию и пониманию аутентичных текстов на русском языке с использованием интернационализмов.

Литература

1. Бурчик Е.В., Наумчик Р.П. Создание ситуации успеха на занятиях по РКИ как стимул развития и повышения мотивации к изучению предмета // Актуальные проблемы довузовской подготовки: материалы VI междунар. науч.-метод. конф. Минск, 2022.
2. Гриднева Н.А., Владимирова С.М. Использование аутентичного песенного материала на начальном этапе обучения РКИ // Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер. Психолого-педагогич. науки. 2020. № 2 (46).
3. Данилина О.В. Из опыта использования медатекстов на занятиях РКИ в группе студентов-филологов 4 курса МГУ-ППИ (Шэньчжэнь) // Litera. 2023. № 6.
4. Казакова М.А., Евтюгина А.А. Аутентичные текстовые материалы в обучении иностранному языку // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2016. № 4.
5. Сокол М.А., Лукьянова К.А. Особенности преподавания русского языка в африканской аудитории // Морозовские чтения: Междунар. науч.-практ. Семинар. Иваново, 2022.

Этническая идентичность как основа формирования межкультурной компетенции у будущих педагогов

Хохлова Н.И., Муллер О.Ю.

СурГУ, Сургут, Россия

Hohlova-ni@yandex.ru, olga_megion@mail.ru

Обобщенно межкультурную компетентность можно рассматривать как «способность человека эффективно функционировать при общении с представителями различных культур и в разных культурных средах» [2, с. 71]. Исходя из подхода К. Леунга и его коллег [2], акцентируем внимание на одном из составляющих компонентов – «межкультурные черты – наиболее устойчивые индивидуально-личностные образования, определяющие те или иные паттерны поведения человека в условиях межкультурного взаимодействия» [2, с. 71]. Временная перспектива личности, включающая представления о прошлом,

настоящем и будущем, также имеет культурную обусловленность и тесно связана с этнической идентичностью.

Коренные малочисленные народы Севера представляют собой уникальные этносы с самобытной культурой, языком и мировоззрением, сформированными в течение многих столетий в особых природно-климатических условиях. Для представителей коренных малочисленных народов Севера характерно циклическое, а не линейное восприятие времени, обусловленное традиционным укладом жизни, тесно связанным с природными циклами. Это проявляется в особом отношении к прошлому, которое воспринимается не как нечто ушедшее, а как постоянно присутствующее в настоящем через традиции, ритуалы и обычаи. Будущее же рассматривается не как абстрактная перспектива, а как продолжение и развитие настоящего в соответствии с установленным предками порядком. По мнению В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной «мысль ханты более обращена в прошлое, чем в будущее. Они редко строят планы даже на ближайшее время и изменения в своей жизни производят скорее под давлением обстоятельств, чем в соответствии с заранее обдуманной программой. Не случайно в языке, например, пять видов форм прошедшего времени» [1, с. 11]. Перед педагогом, ориентированным на формирование средств межкультурной коммуникации, стоит задача обобщения культурных средств и формирование этнической идентичности, как основы понимания и уважения к различным этническим группам.

Цель исследования – выявить особенности взаимосвязи между типом этнической самоидентификации и восприятием собственного временного «я» как компонента межкультурной компетентности у студентов педагогических специальностей. В ходе исследования использовались следующие психодиагностические инструменты: «Типы этнической идентичности» (С.В. Рыжова, Г.У. Солдатова), «Опросник временной перспективы личности» Ф. Зимбардо, свободное интервью. Статистический анализ выполнен с помощью факторного анализа.

В исследовании приняли участие 45 респондентов (21–52 лет), обучающихся на базе Сургутского государственного университета, из которых 30 человек – будущие педагоги, обучающиеся в магистратуре (Г1), а 15 – проходят курсы повышения квалификации по обучению хантыйскому языку (сургутский диалект) (Г2), ориентированных на сохранение культурных традиций. В Г1 преобладают представители славянского этноса (87%), а в Г2 – ханты (100%). В группе респондентов 87% женщины, остальные мужчины. В двух группах выражена позитивная этническая идентичность, что соответствует позитивному отношению, как к собственному, так и другим народам.

Предполагая, что формирование идентичности взаимосвязано с представлением себя и своего народа в пространстве и времени, мы провели факторный анализ в программе SPSS 23.0. В обеих группах прослеживаются взаимосвязи между этнической идентичностью и отношением к прошлому. Специфика различия была определена по следующим параметрам:

- *отношение к прошлому*: Г1 – позитивное отношение к своему прошлому, этническая индифферентность при позитивной оценке прошлого, а «негативное прошлое» как отдельная характеристика; Г2 – негативная оценка прошлого связана с гипертрофированными национальными чувствами;
- *гипоидентичность и гиперидентичность*: Г1 – наблюдается гипоидентичность, выражается в минимизации черт собственной этнической группы; Г2 – гиперидентичность связана с негативной оценкой прошлого и усилением этнической идентичности, что приводит к разделению на «своих» и «чужих»;
- *ориентация на будущее*: Г1 – ориентация на будущее не коррелирует с типом этнической идентичности; Г2 – ориентация на будущее как часть позитивной этнической идентичности.

Выявление взаимосвязи между типом этнической идентичности и особенностями временной перспективы личности имеет культурно-историческую природу и не является фиксированным состоянием. Это означает, что её развитие может меняться в зависимости от социальных условий и контекста, поэтому и важно особое внимание уделять педагогам, работающим с детьми коренных малочисленных народов.

Выбор эффективных инструментов для достижения таких целей, как освоение социальных навыков взаимодействия, создание комплексного представления о себе в обществе, изучение событийного развития собственного народа, способствует успешной педагогической деятельности в процессе развитии собственной и формировании у детей позитивной этнической идентичности.

Литература

1. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв.: этнографические очерки. Томск, 1977.
2. Хужлаев О.Е. и др. Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2021. Т. 18. № 1.

Межкультурная компетентность южнокорейских работников в России: вызовы и перспективы

Цой Г.

Финансовый университет, Москва, Россия
gtsoj@fa.ru

Введение. В условиях активной глобализации и трансформации трудового рынка в России наблюдается растущий интерес к изучению межкультурной компетентности иностранных работников. Особенно важным представляется исследование южнокорейских специалистов, работающих в России, поскольку их опыт и навыки могут служить моделью для более широкого понимания взаимодействия с азиатскими диаспорами. В частности, в последние годы возросло количество китайских и северокорейских работников в России, представляющих азиатскую часть миграционного потока. Несмотря на культурные и социальные различия между ними, анализ поведения и компетенций южнокорейцев позволяет получить ценные сведения, которые могут быть адаптированы для эффективного взаимодействия с иными азиатскими группами. Это особенно актуально для компаний, которые стремятся выстроить продуктивное сотрудничество в мультикультурной среде.

Актуальность исследования заключается в том, что мультикультурализм в России с 1990-х годов существенно усилился, чему способствовало не только увеличение числа иностранных рабочих, но и формирование мультикультурных семей. Увеличение миграционных потоков требует от российских предприятий и организаций разработки механизмов адаптации и взаимодействия с иностранными сотрудниками, препятствующих культурным барьерам и обеспечивающих эффективную работу коллектива.

Межкультурная компетентность выступает как ключевой фактор успешного взаимодействия внутри многонациональных коллективов. Она определяется как способность и умение эффективно коммуницировать и сотрудничать с представителями различных культурных групп. В нее входят такие компоненты, как культурная осведомленность, знание специфики других культур, восприимчивость к культурным различиям и развитые коммуникативные навыки. В России навыки межкультурной компетентности существенны в ряде ключевых областей – образовании, социальной поддержке, а также деятельности правоохранительных органов, где необходимо уважение основных прав человека и эффективное взаимодействие с разнообразными сообществами.

Для южнокорейских работников межкультурная компетентность является одним из важнейших профессиональных качеств. При найме иностранных сотрудников компании должны учитывать не только технические навыки, но и знание ими культурной специфики страны пребывания, что способствует успешной интеграции в российскую рабочую среду. В условиях глобальной

динамики умение работать в мультикультурном коллективе становится необходимостью. Данное исследование направлено на комплексную оценку уровня межкультурной компетентности южнокорейских работников в России, выявление факторов, на нее влияющих, и разработку рекомендаций по повышению эффективности межкультурной коммуникации.

Методология и выборка исследования. В исследовании приняли участие 139 южнокорейских работников, проживающих и работающих в России. Среди них 107 человек были мужчинами и 32 женщины. Изучение владения иностранными языками показало, что все респонденты владеют английским языком, тогда как русский язык знает 93 человека. Из них всего 3 человека владеют им в совершенстве, что свидетельствует о необходимости языковой поддержки для большинства специалистов.

Результаты исследования. В разделе, посвященном мультикультурному опыту, выявлено следующее: 71 человек проживал за границей более шести месяцев, 8 человек имели опыт работы за пределами родной страны, 63 респондента сообщили о наличии иностранных друзей, а 44 человека впервые оказались за рубежом именно в России. Эти данные иллюстрируют развитие и расширение межкультурного опыта южнокорейских работников, что положительно сказывается на их адаптации в новой социальной среде.

В блоке, касающемся опыта многокультурного обучения и профессионального развития, всего 18 человек участвовали в волонтерской деятельности за границей, включая программы типа «работа и учеба за рубежом», 4 – проходили профессиональное развитие, связанное с межкультурным обучением; 18 человек изучали подобные курсы в рамках бакалавриата. Большинство респондентов не имели профильного образования, направленного на изучение межкультурных аспектов, что указывает на потребность в развитии специализированных образовательных программ.

Исследование организационных параметров и ресурсов показало, что 68 человек обеспечили себе услуги переводчика для работы в России, остальные же либо работают на английском языке, либо обладают знаниями русского языка. Это свидетельствует о наличии языковых барьеров и значимости перевода как ресурса для адаптации и эффективного взаимодействия.

Полученные данные подтверждают необходимость системного подхода к развитию межкультурной компетентности среди южнокорейских работников в России. Разнообразие уровней владения русским языком и сравнительно невысокий уровень профильного обучения подчеркивают важность создания программ повышения квалификации, ориентированных на межкультурное обучение и развитие коммуникативных навыков. Помимо этого, работодателям целесообразно предусматривать организационную поддержку, включая переводческие услуги и развитие кадровых стратегий, способных учитывать культурные особенности иностранных сотрудников.

Таким образом, исследование подчеркивает значимость межкультурной компетентности как условия успешной интеграции и улучшения

сотрудничества с южнокорейскими специалистами на российском рынке труда, а также демонстрирует потенциал для расширения знаний и практик в обращении с другими азиатскими диаспорами. Формирование таких компетенций способствует повышению эффективности работы мультикультурных коллективов и укреплению международного партнерства на базе взаимного уважения и понимания культурных различий.

Взаимосвязь копинг-стратегий и отчуждения от тела у мигрантов

Цылакова Е.А., Шорохова В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
elisatsy@mail.ru, shorohovava@mgppul.ru

Глобализация и рост миграционных потоков делают проблему адаптации мигрантов особо важной. Миграционные трудности отражаются на психо-эмоциональном состоянии людей. В условиях массового распространения феномена отчуждения [1] изучение копинг-стратегий и отчуждения от тела важно для выявления психологических механизмов адаптации. Исследование отчуждения помогает понять природу телесности и способы восстановления целостного самовосприятия.

Терентьева Д.А. выделяет три вида отношения к телу – субъектное, объектное и отчужденное, которые описывают, как человек осознаёт и взаимодействует с собственным телом в разных контекстах [2]. С точки зрения психологии, отчуждение от тела связано с феноменами деперсонализации и диссоциации. Согласно диагностическим критериям DSM-5, деперсонализация проявляется как чувство нереальности или отстраненности от собственного тела [3]. Люди с этим расстройством часто описывают свои переживания как «наблюдение за собой со стороны» или восприятие тела как чуждого объекта.

Отчужденное отношение к телу – это когда отсутствует связь между личностью и телом. Это ведет к ощущению дистанции от собственного тела. Человек может ощущать свою фрагментарность, когда тело и душа кажутся разными сущностями. Это отношение может возникать, например, в состоянии депрессии или при переживании травмы.

Копинг-стратегии – это способы, которыми человек справляется со стрессом, трудностями и эмоциональным напряжением. Они помогают уменьшить отрицательные эмоции, решить проблему или адаптироваться к новым условиям.

Цель исследования – определить характер взаимосвязи между отчуждением от тела у мигрантов и их копинг-стратегиями. Выборка – 61 респондент, родившийся в России и проживающий за рубежом; возраст 18–70 лет; женщины – 32 (52,5%), мужчины – 29 (47,5%).

Согласно результатам исследования, у мигрантов наиболее выражено субъектное отношение к телу. Этот показатель положительно коррелирует

с копинг-стратегиями планирования, принятия, сдерживания, концентрации на эмоциях, активного выражения эмоций, позитивного переосмысления и личностного роста. Планирование и принятие – одни из самых распространённых стратегий у респондентов. При принятии своего тела мигранты в стрессовых ситуациях склонны принимать обстоятельства как есть, адаптироваться, осмысленно выстраивать поведение, разрабатывать детальные планы, избегать импульсивных решений, осознавать и выражать эмоции, и рассматривать стресс как возможность роста. Это свидетельствует, что принятие тела способствует лучшему эмоциональному и психологическому приспособлению.

Субъектное отношение к телу связано с меньшей склонностью к стратегии отрицания. Меньшая частота отрицания у таких мигрантов указывает на более зрелый и здоровый подход к решению проблем: вместо игнорирования они стремятся адекватно воспринимать и прорабатывать стрессовые ситуации.

Наименее выражено отчуждённое отношение к телу. Оно положительно коррелирует с копинг-стратегией отрицания, то есть мигранты с отчуждением могут чаще прибегать к игнорированию проблем. Это может кратковременно облегчать адаптацию, но при длительном использовании не благоприятно для здоровья и благополучия. Мигранты с отчуждённым отношением к телу реже используют подавление конкурирующей деятельности, эмоциональную и инструментальную социальную поддержку. Возможные причины – снижение самооценки, ощущение беспомощности и изоляция, что уменьшает склонность к активным действиям и обращению за помощью, затрудняя адаптацию.

Важно подчеркнуть, что в нашем исследовании не выявлено значимых связей с объектным отношением к телу. Вероятная причина – то, что объектное отношение ориентировано на внешние стандарты красоты и общественную оценку, которые в условиях стресса и адаптации мигрантов могут терять актуальность.

В целом, результаты подчёркивают значение формирования позитивного отношения к телу как фактора, способствующего эффективному совладанию со стрессом и успешной адаптации мигрантов.

Литература

1. Исаченко Н.Н. Отчуждение как социальный феномен современного общества // Вестник ЧелГУ. 2018. № 5 (415).
2. Терентьева А.Д. Связь отчуждения собственного тела с индивидуальными представлениями о здоровье: Дис. канд. психол. наук. Москва, 2013.
3. American Psychiatric Association. 2013. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (5th ed.). Washington, DC: APA.

Развитие межкультурной компетентности курсантов средствами музыкального искусства

Черемисова И.В.

ФКОУ ВО Академия ФСИН России, Рязань, Россия

irinarusa@inbox.ru

Одним из основных принципов подготовки будущих офицеров является воспитание в соответствии с нормами общей морали и интересами воинской службы, уважения к представителям разных национальностей. Исследователи отмечают, что необходимо учитывать специфические национальные традиции, культурные особенности для преодоления негативных явлений на межнациональной почве [2; 3].

Проблематика межнациональных отношений в коллективе военных (в курсантских подразделениях проходят службу представители 30–45 национальностей) находится на пересечении разных предметных областей культурологии, философии, этнологии, социологии, психологии и педагогики: исследования этнопсихологической ситуации в нашей стране, проблем этнопсихологии культуры, исследования особенностей межнациональных отношений в молодежных группах, воинских коллективах и т.д. [2; 3]. Организация воспитательного процесса с учетом поликультурной среды служит надежной основой единства и сплоченности коллектива, укрепления дисциплины, сохранение боеспособности в экстремальной ситуации [3].

Эффективное межкультурное взаимодействие выстраивается на основе общечеловеческих ценностей, в соответствии с совместно выработанными правилами и нормами. Важным критерием сформированности у курсантов опыта межкультурного взаимодействия Е.В. Лигновская определяет когнитивный, который предполагает наличие знания о родной культуре, культуре народов своей страны, других стран [1].

В современных научных трудах подчеркивается, что музыкальное искусство тесно связано с коммуникацией (Р.Ф. Перцовская, 2003); в том числе межкультурной (И.А. Бабич, 2010; И.А. Корсакова, 2015). Богатые выразительные возможности музыки обусловлены тесной связью музыки с речью (Л.А. Джалагония, 2001).

Потенциал музыкального искусства как средства общения в поликультурном образовательном пространстве, отражает реалии сосуществования и взаимопроникновения разных культур (Е.Ю. Ежова, 2011; А.Б. Каяк, 2011; Л.Т. Куртбединова, 2024; Ли Юнь, 2019; Л.С. Майковская, 2009; Р. Мория, 2010; Т.А. Попандопуло, 1985; Та Куанг Донг, 2003; Н.В. Чахвадзе, 2012; И.А. Чжен, 2006; Т.И. Чижова, 2008).

Не отражая во всей конкретности предметную сторону явлений, музыка способна раскрывать общий характер явления действительности, общий характер процессов развития явлений. Все это определяет большое

познавательное значение музыки, ее способность воплощать широкий мир не только чувств, но и мыслей, идей.

На протяжении столетий музыка являлась ярким, выразительным воплощением духовной культуры нации – философских, религиозных, нравственных, эстетических взглядов. Анализ диссертационных исследований последних десятилетий по данной проблеме позволил определить роль музыкального искусства как аккумулятора и транслятора актуальных, социально значимых мировоззренческих и нравственных ценностей, как средства их воспроизводства; способа общения людей, формирующего общественные идеалы; как возможности отражения национального характера и менталитета. Это неотделимо от анализа комплекса архетипичных ценностей, которые являются духовными основами, заложенными в национальной гуманитарной культуре (Т.Э. Батагова, 2012; Е.В. Бочарова, 2002; Н.В. Буслаева, 2006; М.М. Бухман, 2005; А.А. Галкина, 2010; Н.А. Евсюкова, 2019; И.В. Ерещенко, 2001; Л.П. Иванова, 2005; А.Н. Комарова, 2008; Е.Ю. Корниенко, 2011; В.П. Саранин, 2003; О.В. Скобелева, 2003; Г.Э. Тюмбева, 2021; И.А. Чупрова, 2017; К.С. Шаров, 2005; М.А. Шевчук, 2002; А.А. Шибинская, 2025; Е.М. Шишкина, 2011).

Всесторонний анализ особенностей музыкального искусства поликультурного региона, где звучит музыка народов более 100 национальностей и народностей показал, что музыкальное искусство обобщило итоги совместного существования людей на протяжении всей предшествующей истории; впитало и переработало на основе взаимовлияния и взаимодействия их творчества огромное духовное богатство; позволило более адекватно представить духовную культуру народов, проживающих на культурном пространстве поликультурного региона (И.В. Ерещенко, 2001).

В этом контексте массовое музыкальное образование – это пространство формирования многосмыслового мировоззрения человека как способности понимать различные культуры, а также развитие потребности и способности к культурной самоидентификации. Существуют разные системы, разные музыкальные языки, но между ними есть общие черты. Речевые и музыкальные жанры опираются на некоторые общие коммуникативные законы (Ж.Г. Алямкина, 2002; Т.В. Еманова, 1998; А.С. Зиннурова, 2002; Н.А. Лызлова, 2005; Ф.Ш. Пшимахова, 2004; Р.А. Полухин, 2005; Л.А. Яхина, 2000).

Анализ исследований по проблеме формирования культуры межнационального общения курсантов позволил сделать вывод, что общение педагогов и обучающихся средствами музыкального искусства, предоставляет возможности развития способности к диалогу в условиях современного поликультурного образовательного пространства и может повысить эффективность профессиональной подготовки курсантов – будущих офицеров. Развитие художественной культуры личности, поликультурных ориентаций, креативности, диалогического сознания, расширение культурного опыта личности способствует определению собственной культурной позиции в современном поликультурном пространстве в соответствии с процессами современного

поликультурного общества. Особо отметим, что данные исследования проведены в рамках философии, социологии, культурологии, искусствоведения, педагогики. Исследований формирующих потенциалов музыкального искусства для развития межкультурной компетентности личности нам встретить не удалось. Это обеспечивает острую актуальность, своевременность и значимость психологических исследований в данном направлении.

Литература

1. *Лигновская Е.В.* Формирование опыта межкультурного взаимодействия у курсантов военного вуза: дис. канд. пед. н. Кострома, 2005.
2. *Срибный В.Н.* Факторы формирования культуры межнационального общения у будущих офицеров: дис. канд. Культурологии. Саратов, 2012.
3. *Суханов О.Б.* Профессиональная компетентность командиров военных вузов как фактор развития культуры межнационального общения курсантов: дис. канд. пед. н. Москва, 2013.

Обучение монгольских психологов практике работы с детьми: рефлексия профессионального опыта

Чибисова М.Ю.

МПГУ, Москва, Россия
marina_jurievna@mail.ru

В настоящее время в Монголии активно развивается практическая психология, в том числе психологическая помощь детям, подросткам и родителям: психологи появились в государственных и частных школах, в образовательных центрах и других организациях. Растет осведомленность в области психологической помощи и ее востребованность [1; 2], что повышает интерес практиков к повышению квалификации.

С 2023 года автор является приглашенным ведущим краткосрочных программ повышения квалификации психологов, которые реализуются на базе негосударственного учреждения Институт развития психотерапии (директор Н. Бариушанов) в г. Улан-Батор. Программы направлены на повышение квалификации участников в области индивидуальной и групповой психологической работы с детьми и подростками, а также консультирования родителей. Каждая программа длится 24 аудиторных часа, реализуется в очном формате в течение 3 календарных дней. Преподавание ведется на русском или английском языке с последовательным переводом на монгольский, формы работы включают мини-лекции, разбор кейсов и практические упражнения. Участники программы – начинающие практические психологи, в том числе получившие второе психологическое образование.

Данные тезисы представляют собой рефлексию автором опыта проведения данных курсов.

Прежде всего, монгольские участники воспринимают Россию как страну с небольшой культурной дистанцией, часто подчеркивая общность истории и давние социально-культурные связи. Автору неоднократно говорили, что приводимые ею примеры очень близки и понятны (важно отметить, что для монгольских психологов были подобраны кейсы, в наименьшей степени отражающие специфические российские реалии). Также монгольские психологи позитивно воспринимали предлагаемые автором приемы и технологии, причем, после того как начинали их использовать, давали обратную связь об их эффективности. Это касается и приемов коммуникации, и предлагаемых игр, и арт-терапевтических упражнений. Однако не представляется возможным сделать вывод о культурной универсальности данных методов, поскольку в целом монгольские участники курсов погружены в весьма вестернизированную среду (и в рамках полученного образования, и в рамках места работы: многие работают в частных школах, реализующих иностранные программы). Некоторую сложность для понимания и освоения могут представлять техники, максимально отражающие низкую дистанцию власти: например, после знакомства с технологией семейных советов одна из участниц воскликнула: «Как хорошо живут родители в России!» Также в Монголии, по сравнению с Россией, меньше распространены настольные игры, которые отечественные психологи активно используют в психологической практике с детьми и подростками, поэтому освоение настольных игр с правилами требует больше времени (если российским психологам на подобных программах повышения квалификации часто бывает достаточно объяснить общий принцип игры, и они, имея большой опыт проведения данных активностей, могут понять суть игры из краткого описания, то монгольские участники просят продемонстрировать даже самые простые игровые упражнения).

Коллеги автора отмечали, что монгольские участники пассивны и не задают вопросов, однако собственный опыт автора говорит иное: участники весьма активны, задают уточняющие вопросы, приводят примеры. Возможно, это связано со спецификой содержания программы.

Монгольские психологи, особенно молодые, погружены в глобальную культуру, знакомы с наиболее распространенными праздниками западного мира (Рождество/Новый год), видеоиграми, фильмами и в творческих заданиях часто используют символы западной культуры (например, в задании, где требовалось нарисовать дом, рисуют дом из мультфильма «Губка Боб»). Из традиционных символов именно монгольской культуры в рисунках бывает представлена юрта. Практически не используется и не упоминается религиозная (буддистская или шаманистская) символика, что может объясняться социально-демографическими особенностями: возрастом и урбанизированной средой проживания.

К культурно-специфическим задачам, с которыми сталкиваются монгольские психологи, можно отнести необходимость сопровождения детей

из семей, ведущих кочевой образ жизни: до начала школьного обучения они преимущественно находятся в семье, и им необходимо привыкать к школьным правилам и ограничениям. Также специфика монгольской культуры находит отражение в способах реагирования гнева: когда в числе прочих приемов автор предложила рвать и мять бумагу, участники ответили, что в Монголии отрывки бумаги, которые валяются на полу, плохая примета – к долгам. Также к культурно-специфическим особенностям можно отнести отношение ко времени: задержки и опоздания весьма распространены, и сами монгольские участники описывают такое поведение как типичное.

Литература

1. Bayanmunkh B., et. al. Psychological science in Mongolia: Its history, development, and future prospects // Neuroscience Research Notes. 2024. № 7(1).
2. Shairii B. et. al. The engagement of school psychologists in educational transformations // Proceedings of the Conference on Quality Assurance in Higher Education: Transforming education-new generation of learners (QAHE 2023). Atlantis Press, 2024.

Проявление этнической идентичности студентов-психологов в процессе изучения дисциплины «Этнопсихология»

Шабас С.Г.

АНО ВО «Гуманитарный университет»
Екатеринбург, Россия
shabassv@mail.ru

Введение. Интернализация многих сфер жизни современного человека влияет на функционирование личности в поликультурном обществе. Глобализация, рост миграции, расширение культурного многообразия требуют формирования у студентов-психологов этнокультурной компетентности. Для эффективного психологического сопровождения клиентов в мультикультурном мире необходимо обучать студентов-психологов «технологиям сопровождения личности в кросс-культурном пространстве» [1, с. 6].

В условиях массовой миграции необходима психотерапевтическая помощь, способствующая аккультурации и интеграции, формированию адаптивных стратегий поведения людей различных этнических групп. Студентов – психологов необходимо обучать особой включенности оказания помощи для защиты интересов клиента, культурной компетентности и межкультурной осведомленности, т.е. кросс-культурному консультированию [3].

Феномен этнического парадокса современности включает тенденцию стирания культурных и этнических различий, унификацию культуры и экономики и тенденцию роста национального самосознания. Поэтому *актуальность проблемы* этнической идентичности резко возрастает [2].

Основной целью исследования было определение специфики проявления этнической идентичности студентов – психологов, изучающих дисциплину «Этнопсихология».

Методы: наблюдение, контент – анализ, анализ результатов тестирования.

Выборка: студенты факультета психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» г. Екатеринбурга.

Результаты: Многолетнее преподавание дисциплины «Этнопсихология» студентам – психологам позволили выявить следующие тенденции:

1. Этническая идентичность студентов-психологов как осознание себя представителем определенного этноса в современных условиях формируется под влиянием социально-экономических и политических изменений, связанных:
 - с массовой миграцией;
 - этнопреступностью;
 - с формированием негативного образа «приезжих» в средствах массовой информации;
 - личным опытом позитивного или негативного непосредственного взаимодействия с представителями различных этносов;
 - геополитической обстановкой.
2. Восприятие дисциплины «Этнопсихология» зависит от отношения студентов к собственной этнической принадлежности:
 - позитивное приятие;
 - индифферентное отношение;
 - негативное отношение.
3. Отношение студентов к представителям других этносов могут быть:
 - резко негативное («Понаехали тут»);
 - выборочные позитивно-негативное (наш-не наш);
 - нейтральное («главное, какой человек»);
 - позитивное («мы все люди»).
4. Необходимость осуществления психологического сопровождения представителям разных этнических групп, мигрантам, беженцам и переселенцам с учетом их мультикультурных особенностей вызывают у студентов следующие возможные паттерны поведения:
 - нежелание учитывать этноспецифические особенности клиентов («Пусть учат наш язык и соблюдают наши традиции»);
 - полный отказ от психологического консультирования данного контингента;
 - сочувствие и стремление помочь в независимости от этнопринадлежности обратившихся за помощью;
 - желание изучить быт, традиции и обычаи других этносов для эффективной работы с ними;
 - стремление переделать клиентов, заставить их согласиться с верой, традициями и представлениями психолога.

5. В образовательном процессе дисциплины «Этнопсихология» преподаватель и студент могут иметь различную этническую идентичность, несовпадающие взгляды и отношение к представителям других этносов, в результате чего возможны следующие специфические взаимодействия:
- принятие позиции преподавателя и открытое согласие с ним;
 - скрытое сопротивление позиции преподавателя при внешнем согласии;
 - открытое несогласие с преподавательской позицией и конфронтация в процессе обучения.

Выводы: В процессе прохождения курса «Этнопсихология» и формирования у студентов этнокультурной компетентности и обучения кросскультурному консультированию преподавателю необходимо:

- учитывать социально-экономические и политические интересы студентов-психологов;
- помогать обучающимся анализировать собственную этническую идентичность для понимания специфики своего поведения при контакте с представителями других этносов;
- создавать условия для позитивизации восприятия курса «Этнопсихология» в условиях сложной интернализации всех сфер жизни современного социума.

Литература

1. Дугарова Т.Ц. Введение в практическую этнопсихологию: учебно-методическое пособие в 2 ч. М., 2024.
2. Кондрашов А.А. Феномен этнической идентичности: подходы в отечественной и зарубежной психологии // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2024. № 2(35).
3. Нестерова А.А. Кросскультурная психотерапия для мигрантов и беженцев: что важно для терапевта // Этнопсихология: теория и практика: материалы Межд. науч.-практ. конф. / отв. редакторы В.В. Гриценко, О.С. Павлова. М., 2023.

Дифференциация понятия «тьюториал» в английской и отечественной практике и теории

Шановал Н.А.

Школа Фоксфорд, Москва, Россия
nas201718@gmail.com

Российская тьюторская модель имеет ряд отличий от классической, английской, модели тьюторского сопровождения. Одно из таких отличий лежит в основе понятия «тьюториал».

В данной статье будут рассмотрены особенности подходов и понятия, в совокупности своей формирующие отличия понятия «тьюториал», среди них: подходы в определении результатов тьюториала; формулировании целей,

задач и способах их реализации. Также рассмотрен вопрос влияния разности понятия «тьюториал» на формирование, развития института тьюторства в мировой практике. Тьюторские системы России и Англии неразрывно связаны с такими понятиями как тьютор, тьюторант, тьюториал. В то время как содержательная часть понятий «тьютор» и «тьюторант» одинаково трактуется обеими тьюторскими системами, понятие «тьюториал» имеет ряд различий, рассмотрение которых является целью статьи.

Основоположником формы занятий и средства сопровождения тьюторанта как «тьюториал» принято считать профессора Бенджамина Джоуэтта, специалиста по классической филологии и магистра Баллиол-колледжа Оксфордского университета. Тьютриал – форма индивидуального или в малой группе занятия установлена в 19 веке, являет собой систему обучения, основанной на сократическом методе. Тьюториал – ключевой элемент тьюторской системы, являющейся основной в английской образовательной системе – профессорская становится дополняющая тьюторскую. Такой статус она приобретает благодаря Б. Джоуэту, ставшем в 1882 году вице-канцлером Оксфордского университета [4].

Как показал анализ источников, в традиции западного тьюторства, тьюториал – это индивидуальное консультирование, основными задачами которого являются:

1. помощь в освоении академического содержания, задачей которого является улучшение успеваемости учеников, повышение качества обучения тьюторанта [5];
2. развитие критического мышления и метакогнитивных способностей учащихся.

Как пишет Мур в своих работах – «тьютор адаптирует образовательную программу под потребности учащегося есть тьютор», то есть тьютор выполняет роль связующего звена между студентом и образовательной программой учебного заведения. В дополнении к этому анализ интернет-ресурсов колледжей Оксфорда дает такую информацию – «Тьютор помогает ученикам понять, почему они должны посещать определённые занятия в определённой последовательности, какие знания и навыки они могут развить в классах, а также связь между результатами обучения по учебной программе, знаниями и навыками, которые им будут необходимы при дальнейшем обучении и в будущей карьере» [6]. Развитие критического мышления, как вторая важная задача, решаемая на тьюториале, также упоминается в контексте будущей профессии, а именно – с понятием конкурентно способности на рынке труда, и как указано на интернет-ресурсах Оксфордских колледжей – «способ повышения конкурентной способности в будущей, профессиональной деятельности». Вопросу развития критического мышления – метакогнитивных способностей – умению осознавать и контролировать собственные познавательные процессы, что является «мышление о мышлении» уделено большое внимание, так, Пол Эшвин – исследователь, описывающий оксфордское тьюторство – научить студентов думать самостоятельно и доверять их собственным мнениям и выводам [1].

Таким образом, мы можем сделать вывод – задачами тьюториала в традиции английской тьюторской системы является повышение успеваемости учеников, развитие метакогнитивных способностей как компетенции, повышающей конкурентно способность на рынке труда [8]. Реализуются эти задачи на индивидуальных занятиях, важным моментом которых является необходимость подготовки тьюторантом к ним – выполнение домашнего задания.

В условиях российского образования тьюторство развивается по двум магистральным направлениям – институциональный тьютор и тьютор частной практики – самозанятый тьютор. В этой связи задачи тьюториала, способы их реализации могут несколько отличаться, неизменны остаются определение результата тьюторского сопровождения, тьюториала – работа с мотивацией и интересами тьюторанта, выход в лично важные зоны тьюторанта и становление навыка самостроительства. Институциональный тьютор в своей деятельности руководствуется Профессиональным стандартом «Специалист в области воспитания» [7], согласно которому, тьютор помимо прочих должен реализовывать следующее: помогать ученикам и их родителям самостоятельно организовывать индивидуальные образовательные маршруты и проекты.

Важно отметить, что индивидуальные образовательные маршруты составляют, не основываясь на учебную программу образовательного учреждения (ОУ), а используя ресурсы, выходящие за рамки любого ОУ. Таким образом, в данном случае не идет речь об адаптации образовательной программы под потребности учащегося (Мур).

Самозанятый тьютор в своей деятельности опирается на «Этический кодекс тьютора» [10], в котором зафиксирован пункт: «Поддержка самостоятельности тьюторанта», где тьютор «не предлагает готовые решения, идеи, подходы, а сопровождает деятельность тьюторанта по их поиску». Более того, поводом обращению тьюторанта к тьютору может быть «запрос», лежащий не в поле образования. что означает – самозанятый тьютор не выполняет функцию связующего звена, как в традиции классического – английского тьюторства.

В традиции российского тьюторства тьютор на тьюториалах создает условия – среду (Ковалева Т.М.) или пространство «опробования» (Долгова Л.) где происходит «опробование» своих возможностей человеком [3], в которой тьюторант может осуществить переход «от себя, наличному, к себе возможностному» (Эльконин Б.Д.).

Таким образом, задачей тьюториала в российской модели тьюторского сопровождения является создание условий, в которых, с одной стороны, будет происходить процесс формирования мировоззрения тьюторанта; с другой – этот процесс ляжет в основу создания индивидуального образовательного плана.

Подводя итоги, нами было сделано предположение: разница в понятии «тьюториал» в традиции российского и английского тьюторства лежит в поле философского обоснования образования. Эта разница обусловлена тем, что западное, классическое тьюторство сформировалось под влиянием рационалистической философской традиции [9], в концепции которой основным

источником знаний о мире считаются не данные органов чувств, а активная деятельность разума – мышление. Теория получила свое развитие, когда в Европе была осознана ценность разума. Основная цель западного тьюторства – развитие метакогнитивных способностей учащихся. В то время, как отечественной культуре российское тьюторство нацелено на формирование мировоззрения (философского) [2]: формирование мировоззрения как постепенного процесса, который включает в себя формирование системы оценок, взглядов и представлений человека о мире и своём месте в нём, отношение к действительности и к самому себе, принципы, идеалы, которые придают деятельности человека смысл и задают цель.

Исследуя вопрос влияния российской тьюторской модели на общемировое, можно сделать вывод о том, что западная, классическая модель тьюторства, благодаря работе отечественных педагогов, тьюторов, может начать реализовывать функцию по формированию мировоззрения тьюторантов.

Литература

1. Андреева Е.А. Суть и содержание традиционной модели тьюторства. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/sut-i-soderzhanie-traditsionnoy-modeli-tyutorstva/viewer>
2. Баркова В.В. Становления концепта «тьюторская деятельность» в философии образования средних веков. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-koncepta-tyutorskaya-deyatelnost-v-filosofii-obrazovaniya-crednih-vekov/viewer>
3. Игнатьева И.П. Тьюторское сопровождение как педагогический феномен. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/tyutorskoe-soprovozhdenie-kak-pedagogicheskiy-fenomen/viewer>
4. Инкина И.И. Достижение личностных и метапредметных образовательных результатов средствами технологии тьюторского сопровождения в тьюторской среде. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnyh-i-metapredmetnyh-obrazovatelnyh-rezultatov-sredstvami-tehnologii-tyutorskogo-soprovozhdeniya-v-sredney/viewer>
5. Кармен Дэйр. URL <https://greenesoxford.com/>
6. Маркхэм Ф. Система наставничества и её будущее URL <https://www.new.ox.ac.uk/tutorial-system>
7. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации Приказ «Об утверждении профессионального стандарта «специалист в области воспитания»». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=444827>
8. Сергеева М.Г. Тьюторство в зарубежной и российской педагогической практике. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyutorstvo-v-zarubezhnoy-i-rossiyskoy-pedagogicheskoy-praktike/viewer>
9. Соловьев Ю. О двух традициях в философии. URL: <https://proza.ru/2015/05/05/1129>.
10. Этический кодекс тьютора. URL: https://presto-fest.ru/images/kodeks_tutor.pdf

Кросс-культурные особенности мигрантов из Центральной Азии и их влияние на терапевтический альянс

Шацкая В.И.

АНО ВДПО МОСГУ, Санкт-Петербург, Россия

Valeria_sh90@mail.ru

Фундаментальные принципы, лежащие в основе многих западных психотерапевтических моделей, часто неявно опираются на культурные ценности индивидуалистических обществ, которые могут вступать в глубокое противоречие с культурным кодом мигрантов из Центральной Азии. Этот культурный диссонанс создает существенные, но часто неосознаваемые барьеры на пути формирования прочного терапевтического альянса.

Проанализируем, как три ключевые культурные детерминанты – коллективизм, стиль коммуникации и религиозность – системно влияют на каждый из трех компонентов терапевтического альянса по модели американского психолога Э. Бордина.

Культуры Центральной Азии являются преимущественно коллективистскими. *Влияние на согласование целей:* западная психотерапия часто ставит своей целью индивидуализацию, развитие автономии и самоактуализацию клиента. Эта цель может прямо противоречить коллективистской ценности взаимозависимости и групповой гармонии [5]. Попытка терапевта сфокусироваться исключительно на индивидуальных желаниях клиента может быть воспринята как непонятная, эгоистичная или даже как угроза семейным устоям.

Влияние на согласование задач: иерархическая структура общества проецируется и на терапевтические отношения. Клиент склонен воспринимать терапевта как авторитетную фигуру, эксперта, обладающего знаниями и мудростью, подобно старейшине или учителю [1]. Если ожидания клиента на директивное руководство не оправдываются, это может вызвать фрустрацию, разочарование и ощущение, что терапевт «некомпетентен» или «ничем не помогает», что подрывает соглашение о задачах.

Коммуникация в культурах Центральной Азии, как и во многих азиатских культурах, является высококонтекстной [4]. *Влияние на Связь:* терапевт может неверно истолковать культурно обусловленные сигналы: вежливость и кивки – как полное согласие с его интервенциями; не прямые, метафорические высказывания – как уклонение от ответа; а молчание – как сопротивление, пассивность или отсутствие мыслей. В свою очередь, клиент может воспринимать прямые вопросы терапевта как бестактные, а его аналитические интерпретации – как критику. Такой диссонанс разрушает доверие – основу эмоциональной связи [2].

Стоит также упомянуть о роли религии и традиционных верований в терапевтическом процессе. Для многих людей религия – это не просто набор

ритуалов, а всеобъемлющая система мировоззрения, которая даст объяснение причинам страданий и предлагает пути их преодоления.

Влияние на альянс (Цели, Задачи, Связь):

- Цели: цель психотерапии, такая как «снижение симптомов» или «повышение самооценки», может показаться клиенту второстепенной или даже бессмысленной по сравнению с его главной, духовной целью – обрести душевный покой через принятие божественного предопределения или укрепить свою веру. Попытка терапевта игнорировать или обесценивать эту духовную составляющую может привести к разрыву в согласовании целей.
- Задачи: с точки зрения клиента, наиболее эффективными «терапевтическими задачами» могут быть молитва, пост, паломничество или обращение за советом к имаму. Предлагаемые терапевтом техники, например ведение дневника мыслей, могут восприниматься как менее действенные или даже противоречащие его убеждениям.
- Связь: доверие и эмоциональная связь с терапевтом, который не разделяет или не проявляет уважения к религиозному мировоззрению клиента, могут быть серьезно подорваны. Клиент может опасаться, что специалист будет пытаться «исправить» его веру или отнесется к ней с пренебрежением [3]. Отсутствие у терапевта базовых знаний об исламе и его роли в жизни клиента становится значительным барьером для формирования аутентичной и доверительной связи.

Осознание культурных различий – это лишь первый шаг. Эффективная терапия требует активной адаптации стандартных подходов для создания альянса, который будет прочным и значимым для клиента из Центральной Азии. В качестве рекомендаций можно предложить: рефрейминг целей в терминах улучшения отношений в семье, использование системного подхода, рассматривая возможность привлечения к работе ключевых членов семьи с полного и осознанного согласия клиента.

Для преодоления коммуникативного разрыва терапевту необходимо развить специфические навыки: активное слушание контекста, переосмысление молчания, техники «сохранения лица» [6].

Проведенный анализ убедительно показывает, что формирование и поддержание терапевтического альянса с мигрантами из Центральной Азии является сложной задачей, требующей от терапевта глубокого понимания и учета культурного контекста клиента.

Литература

1. Kuo B.C.H. Interdependent and relational tendencies among Asian clients: Infusing collectivistic strategies into counselling //Guidance and Counselling. 2004. Т. 19. № . 4.
2. Building Trust Across Cultures. URL: <https://erinmeyer.com/building-trust-across-cultures/>
3. Counseling Muslims: A Culturally-Informed Approach. URL: <https://www.whylislam.org/counseling-muslims-a-culturally-informed-approach/>

4. Culturally-Competent Treatments for Asian Americans: The Relevance of Mindfulness and Acceptance-Based Psychotherapies. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3208524/>
5. Morris K. The Impact of Cultures of Origin on Attitudes Toward Mental Health Treatment. URL: <http://research.monm.edu/mjur/files/2019/02/MJUR-i01-2011-5-Morris.pdf>
6. The Nuances of Cross-Cultural Communication. URL: <https://ideas.darden.virginia.edu/the-nuances-of-cross-cultural-communication>

Роль религиозной идентичности в отношении к межстрановой интеграции

Шорохова В.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия; НОЧУ МИП, Москва, Россия
shorokhovava@gmail.com

На фоне активно развивающихся процессов глобализации одним из наиболее дискуссионных вопросов является проблема межстранового сотрудничества, а одним из способов выстраивания тесных экономических и культурных взаимосвязей становится межстрановая интеграция. Данный процесс может происходить как на уровне государств, так и в конкретных сферах. Однако отношение населения различных стран к интеграционным процессам может быть различно. С точки зрения социальной психологии одним из наиболее очевидных факторов, формирующих отношение к процессам межстрановой интеграции, является социальная идентичность человека, то есть осознание индивидом своего членства в социальной группе (или группах).

Согласно теории Г. Тэжфела и Дж. Тёрнера, люди распределяют себя и других по социальным группам на основе общих характеристик, таких как этнос, нация, религия, профессия, пол, возраст и др. Таким образом, в структуре социальной идентичности могут выделяться различные типы идентичности, такие как этническая, гражданская, глобальная и религиозная.

Позитивное представление о той или иной социальной группе, например, религиозной, удовлетворенность членством в ней, желание принадлежать ей дают индивиду ощущение психологической безопасности и стабильности. Если же группа, к которой принадлежит индивид, утрачивает для него свою привлекательность и/или имеет низкий социальный статус, он будет стремиться дистанцироваться от данной группы как психологически, так и физически [4]. Иными словами, отношение индивида к группам членства, важность для него членства в них, желание оставаться в этих группах или их покинуть, может выступать важной детерминантой его отношения и социального поведения.

На примере исследовательских работ, посвященных религиозной идентичности и интеграционным процессам, представляется возможным сделать выводы о неоднозначной роли, которую может играть религиозная идентичность.

Так, религиозные ценности и высокая значимость религиозной принадлежности, с одной стороны, является фактором, отрицательно взаимосвязанным с принятием глобальной идентичности и глобальных европейских ценностей. С другой, – если некоторые из ценностей, значимые в рамках конкретного вероисповедания (например, ценность справедливости в исламе) находят отражение в глобальных ценностях (аналогичная европейская ценность справедливости), то это может способствовать более положительному принятию глобальных ценностей и, как следствие, выстраиванию положительного отношения к межкультурным интеграционным процессам [3].

Кроме того, высокий уровень включенности в религиозное сообщество может так же выступать в роли фактора, формирующего положительное отношение к интеграционным процессам в случае, если религиозное сообщество поддерживает интеграцию. Таким образом, религиозная идентичность представителей сообщества может быть дополнена глобальной (европейской) идентичностью. А оба вида социальной идентичности не будут противопоставлены друг другу [1].

Еще одним фактором, отражающим роль религиозной идентичности в формировании отношения к процессам межкультурной интеграции, является неоднородность религиозных сообществ. Так, например, анализируя отношение мусульманских сообществ Сербии и Хорватии к Европейской интеграции, следует отметить, что представители обеих групп демонстрируют достаточно положительное отношение к интеграционным процессам и идентифицируют себя как Европейских мусульман, противопоставляя свои группы – мусульманам-иммигрантам. Таким образом, европейская идентичность становится значимым фактором, объединяющим мусульманские сообщества стран Европы и противопоставляющих их мусульманам–«неевропейцам» [2].

Таким образом, роль религиозной идентичности как фактора восприятия процессов межкультурной интеграции может быть достаточно неоднозначной. Она может выступать в качестве ресурса, на основании которого будет формироваться межкультурная гражданская идентичность, так и в качестве ограничения, при котором религиозные ценности могут вступать в противоречие с ценностями глобальными. Данная проблематика, несомненно, требует более подробного изучения.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-01020, <https://rscf.ru/project/25-18-01020/>

Литература

1. Glazer E.K., Brezovec E. Religious Identity as a Contributing Factor to the Integration of Middle Eastern Immigrants Into Croatian Society // Multidisciplinary Journal of School Education. 2018. Vol. 2. № 2(14).
2. Ilić A. Both Insiders and Outsiders: Identity and Interreligious Dialogue in the Discourse of Islamic Communities in Croatia and Serbia concerning European Integration // Journal of Ecumenical Studies. 2015. Vol. 50. № 1.

3. *Malik M.U.I., et.al.* Global Citizenship Education in a Local Context: Building Cross-Cultural Competency through Islamic Religious Education // *Proceedings Series on Social Sciences & Humanities*. 2025. Vol. 24.
4. *Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict // *The social psychology of intergroup relations* / W.G. Austin, S. Worchel (Eds.). Monterey, CA, 1979.

Профессиональная идентичность как фактор адаптации мигрантов в новой социокультурной среде

Узойкина А.И.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

uzoikina.ai@gmail.com

В современных условиях растущей глобальной мобильности особое значение приобретает вопрос интеграции специалистов-мигрантов в новые социокультурные и профессиональные среды. Профессиональная адаптация становится важной социальной задачей принимающего общества, решение которой невозможно без понимания профессиональной идентичности участников миграционного процесса.

Целью теоретического исследования стало изучение роли профессиональной идентичности в успешности профессиональной адаптации, механизмов ее трансформации в результате миграции.

Изучение профессиональной идентичности в зарубежной науке претерпело существенное изменение. Если мы обратимся к более ранним работам Т. Парсонса, В. Мура и др., то увидим, что ученые, как правило, акцентировали свое внимание на изучении влияния образовательной среды и социального контекста на содержание и формирование профессиональной идентичности. В современных условиях размывания профессиональных границ интерес исследователей смещается в сторону изучения трансформации идентичности (например, при смене должности или миграции), проблемам профессионального статуса, гендерной специфики проявления профессиональной идентичности [2].

В иноязычной среде проявляются особенности несформированной профессиональной идентичности. Человек с навязанной или неопределенной профессиональной идентичностью выделяет значимость своей национальной принадлежности (иногда даже в агрессивных формах) [1]. Сформированная профессиональная идентичность, в свою очередь, сочетается с позитивной этнической идентичностью и с позитивным отношением к другим народам.

Поддержка со стороны значимого, авторитетного лица выступает важным фактором профессионального развития сотрудников с формирующейся профессиональной идентичностью [3]. Значимая социальная поддержка способствует успешной адаптации сотрудника и дальнейшему формированию

профессиональной идентичности в новой среде. Долгосрочная занятость, в свою очередь, укрепляет чувство принадлежности к профессиональному обществу [5].

Работы по посвященные изучению трансформации идентичности показывают, что изменение профессиональной идентичности вследствие миграции происходит по двум различным траекториям. Стратегия «вынужденного забывания» характеризуется намеренным отказом от прежних установок и стереотипов и усвоением новых в принимающей стране. То есть происходит ассимиляция и разрыв с прошлым опытом профессионала. Противоположный процесс «осознанного запоминания» может быть описан намеренным и активным взаимодействием с собственной культурой сотрудника-мигранта [4]. Этот процесс включает в себя внедрение знакомых практик, знаний и навыков, культуры в профессиональную деятельность и развитие связей с другими людьми. Таким образом, этот путь способствует интеграции прошлого и настоящего опыта в формировании профессиональной идентичности.

В современном мире глобальной миграции профессиональная идентичность, как вид социальной, является одним из ключевых факторов профессиональной и социальной адаптации мигрантов. Ее трансформация и формирование – активный процесс, результат выбора между ассимиляцией («забыванием») и интеграцией («осознанным запоминанием»).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-01020, <https://rscf.ru/project/25-18-01020/>

Литература

1. Волкова Т.Г. Особенности профессиональной идентичности личности в иноязычной среде // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Т. 2. № 9.
2. Корчагин Е.Н. Профессиональная идентичность: обзор зарубежных исследований // Педагогика и психология образования. 2023. № 1.
3. Thompson J., Cook G., Duschinsky R. “I’m not sure I’m a nurse”: A hermeneutic phenomenological study of nursing home nurses’ work identity // J. Clin. Nurs. 2018. Vol. 27. № o. 5-6.
4. Xu, Y. et. al. The construction of professional identity among immigrant early childhood educators: a systematic review // Journal of Early Childhood Teacher Education. 2025.
5. Yip S.Y., Saito, E., Diamond Z.M. Professional identity and agency in immigrant teachers’ professional transition to work in Australia // The Australian Educational Researcher. 2024 Vol. 51.

Развитие межкультурной компетентности студентов в контексте образовательной среды Узбекистана

Юлдашева М.Б.

ФГУ, Фергана, Узбекистан
myuldasheva229@gmail.com

Современное образование невозможно представить без системной подготовки личности к жизни в многонациональном и многокультурном мире. В Узбекистане, где усиливаются процессы академической мобильности, внедряются международные стандарты и расширяются межуниверситетские связи, вопрос формирования межкультурной компетентности приобретает стратегическое значение. В этой связи возрастает роль психологической составляющей в формировании у студентов устойчивых установок, навыков и стратегий эффективного межкультурного взаимодействия. В условиях глобализации и модернизации образовательной системы Узбекистана развитие межкультурной компетентности становится ключевым фактором успешной интеграции студентов в международное академическое и профессиональное сообщество. Психологические основы формирования межкультурной компетентности, акцентируют внимание на личностных и когнитивных детерминантах, а также на практиках, применяемых в высшем образовании.

Понятие «межкультурная компетентность» впервые было сформулировано в рамках гуманистической и когнитивной психологии. Согласно Г. Триандису, межкультурная компетенция представляет собой «комплексную способность личности воспринимать, интерпретировать и адекватно реагировать на культурно обусловленные поведенческие модели других» [1].

Р. Стернберг и П. Эрли выделяют ключевую роль культурного интеллекта, включающего когнитивный (знания о других культурах), мотивационный (интерес к взаимодействию) и поведенческий (способы адаптации) компоненты [2]. Э. Холл и Г. Хофстеде также подчеркивают значимость контекстуального восприятия культуры и культурных измерений при формировании межличностной и межкультурной коммуникации [4].

Российскими учёными была разработана и апробирована новая методика «Интегративный опросник межкультурной компетентности», предназначенная для оценки способности эффективно взаимодействовать с представителями различных культур и в разнородных культурных средах. Инструмент был создан на основе интеграции 52 конструкторов, выделенных из 14 существующих методик измерения межкультурной компетентности. Он включает четыре субшкалы: 1) Межкультурная стабильность – личностные качества, обеспечивающие устойчивость к стрессовым ситуациям межкультурного общения; 2) Межкультурный интерес – готовность и желание взаимодействовать с представителями других культур, интерес к культурным различиям; 3) Отсутствие

этноцентризма – установка на уважение и принятие культурного разнообразия; 4) Управление межкультурным взаимодействием – владение широким набором коммуникативных навыков, значимых в межкультурной коммуникации. Эмпирическая проверка подтвердила его надёжность и валидность (внутреннюю и внешнюю): выявлены значимые связи с результатами расширенной шкалы культурного интеллекта, числом межкультурных достижений, уровнем адаптации иностранных студентов, выраженностью эмоционального выгорания и показателями самооффективности у педагогов, работающих в мультикультурной среде [7]. Значимым предиктором межкультурного взаимодействия становится также этническая идентичность в тех случаях, когда ситуация общения воспринимается как существенно угрожающая, как явно дискриминирующая либо одновременно как угрожающая и дискриминирующая [3].

В узбекском контексте проблема межкультурной подготовки студентов получила развитие в трудах исследователей, анализирующих психолингвистические и этнопсихологические аспекты изучения иностранных языков, социализации и академической адаптации в интернациональной среде [5; 6].

Для уточнения данной проблемы мы провели эмпирическое исследование. В основе исследования лежит междисциплинарный подход, сочетающий принципы когнитивной психологии для изучения знаний и культурных установок, дифференциальной психологии для учёта индивидуальных различий, социальной психологии для определения групповой динамики и идентичности.

Эмпирическая база исследования включает анализ образовательных программ Ферганского государственного университета, а также анкетирование студентов ($n = 210$) и преподавателей ($n = 64$), участвующих в программах международной академической мобильности. По результатам личностных предикторов выявлено, что развитие межкультурной компетентности в значительной степени зависит от таких черт личности, как: открытость новому опыту ($r = 0.54$, $p < 0.01$); эмпатия ($r = 0.47$, $p < 0.01$); когнитивная гибкость ($r = 0.53$, $p < 0.01$); толерантность ($r = 0.44$, $p < 0.01$). Студенты с высоким уровнем этих качеств демонстрируют более высокий уровень межкультурной осведомлённости, стремление к диалогу и способность к саморефлексии в процессе культурных столкновений.

Была использована адаптированная шкала Cultural Intelligence Scale, которая выявила, что студенты, прошедшие обучение в мультикультурных группах, демонстрируют значимо более высокий уровень культурного интеллекта, чем те, кто обучался в моноэтнической среде. Основными психологическими трудностями при межкультурной коммуникации стали страх быть непонятым (74% опрошенных), стереотипизация и предубеждения (39% опрошенных), недостаток знаний о культуре партнёра (57% опрошенных). Таким образом, необходима систематическая психологическая подготовка студентов к межкультурным ситуациям.

В западной литературе действительно устойчиво показано, что открытость новому опыту, эмпатия, толерантность и когнитивная гибкость связаны с развитием межкультурной компетентности. Однако наш вклад в количественной и контекстной спецификации этих связей на студенческой выборке

Узбекистана: (а) указаны конкретные коэффициенты корреляции (открытость $r = 0,54$; когнитивная гибкость $r = 0,53$; эмпатия $r = 0,47$; толерантность $r = 0,44$) и (б) выявлен уникальный профиль барьеров (страх непонимания – 74%, дефицит знаний о культуре партнёра – 57%, стереотипизация – 39%), который по пропорциям отличается от типичных западных выборов. Эти два пункта вместе демонстрируют, что степень влияния известных предикторов и структура препятствий в Узбекистане имеют свою специфику, требующую иной конфигурации интервенций.

Специфика связей предикторов МКК в узбекском контексте проявляется в следующем:

1. Открытость новому опыту → МКК. В наших данных связь выражена заметно ($r = 0,54$). На уровне механизма это указывает, что открытость превращается в реальные поведенческие стратегии (контакт, инициативность, экспериментирование с новыми нормами) при условии снижения страха быть непонятым. Иначе говоря, страх непонимания выступает модератором: при высоком страхе даже высокая открытость даёт меньше прироста в поведенческой МКК. Отсюда вытекает прицельная задача интервенций – парадокс толерантной уклончивости (готовности «принять, но не вступать в активное взаимодействие»).
2. Эмпатия → МКК. Эмпатия ($r = 0,47$) сильнее «работает» тогда, когда студент систематически практикует культурный самоанализ (рефлексивные дневники, «смена перспективы», пост-контактные микрорефлексии). В противном случае воздействие эмпатии ограничивается вежливой адаптацией, не переходящей в поведенческую гибкость. В контексте восточных норм «сохранения лица» эмпатия требует специально заданных безопасных форм обратной связи (анонимные кейсы, рег-коучинг), чтобы не активировались защитные реакции группы.
3. Когнитивная гибкость → МКК. На фоне двуязычия и частого код-свитчинга в академической среде Ферганы когнитивная гибкость ($r = 0,53$) особенно связана с метапрагматическим осознанием: пониманием, «как именно» меняются правила в зависимости от статуса собеседника, возраста, контекста. Это указывает на эффективность тренингов индиректности или прямо-ты, «мягких отказов», управления паузами и темпоритмом.
4. Толерантность → МКК. Толерантность ($r = 0,44$) в восточном контексте нередко выражается как избегание конфронтации и «согласие ради гармонии». Такая форма снижает риск конфликта, но может замораживать навыки продуктивного межкультурного разрешения разногласий. Значит, тренинги должны переводить толерантность из плоскости «терпеть и молчать» в плоскость конструктивного диалога (скрипты признания различий, «я-сообщения», техники мягкой несогласованности).

Исходя из результатов эмпирического исследования для успешного формирования межкультурной компетентности в вузах Узбекистана целесообразно интегрировать психологические тренинги по развитию эмпатии,

толерантности, навыков культурного самоанализа; использовать ролевые и симуляционные игры, отражающие реальные сценарии межкультурного взаимодействия; внедрять формирующее оценивание межкультурной компетенции с помощью портфолио, самоотчётов, поведенческих кейсов; обеспечивать сопровождение студентов-первокурсников со стороны тьюторов и психологов в рамках программ адаптации; обучать преподавателей основам межкультурной педагогики, культурного медиации и эмоционального интеллекта.

В заключении хотелось бы отметить, что психологическое сопровождение развития межкультурной компетентности в образовательном пространстве Узбекистана является неотъемлемой частью успешной подготовки молодых специалистов. Оно позволяет не только расширить знания студентов о других культурах, но и формирует устойчивую внутреннюю готовность к диалогу, пониманию, принятию и сотрудничеству. Межкультурная грамотность – это не только знание «о других», но и понимание самого себя в зеркале культурной разности.

Литература

1. *Triandis H.C.* Culture and social behavior. Mcgraw-Hill Book Company, 1994.
2. *Earley P.C., Ang, S.* Cultural intelligence: Individual interactions across cultures. Stanford Business Books, 2003.
3. *Гриценко В.В., Шорохова В.А., Хухлаев О.Е., Новикова И.А., Черная А.В., Первушина И.М., Любитов И.Е.* Воспринимаемая угроза и дискриминация как модераторы связи этнической идентичности и эффективности межкультурного взаимодействия иностранных студентов в России // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4.
4. *Хофстеде Г.* Культуры и организации: Программное обеспечение ума. М.: Альпина, 2004.
5. *Уразбаева Г.Б.* Межкультурная чувствительность как компонент межкультурной компетентности // Вестник КазНПУ, 2021.
6. *Нишоновна Н.Т.* Психолингвистический аспект формирования межкультурной компетенции у студентов // Психология и образование, 2022, № 1.
7. *Хухлаев О.Е., Гриценко В.В., Макачук А.В., Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Усубян Ш.А., Шорохова В.А.* Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акжигитов Равиль Бакирович, аспирант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Александрова Елена Андреевна, кандидат культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Аль-Хаяни Муаадх Г.М., магистрант, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия.

Аполлонов Иван Александрович, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.

Арестова Ольга Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия.

Афанасьева Юлия Александровна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия; ФГБОУ ВО Северо-Осетинский государственный университет, Владикавказ, Россия.

Ахметов Казбек Раимбекович, магистр, докторант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Балтезаревич Радослав, доктор экономических наук, профессор, старший научный сотрудник Института международной политики и экономики Центра международного права и экономики, Белград, Сербия.

Балыков Вячеслав Витальевич, педагог дополнительного образования Подготовительного факультета, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия.

Банищикова Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук, руководитель психологической службы, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия.

Барабанова Екатерина Денисовна, студент, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Брянск, Россия.

Баранова Наталия Геннадиевна, аспирант, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия.

Барский Кирилл Александрович, директор, Фонд по профилактике социально-значимых заболеваний «Шаги», Москва, Россия.

Басимов Михаил Михайлович, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского», Москва, Россия.

Бекасова Екатерина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Москва, Россия.

Беловолов Валерий Александрович, доктор педагогических наук, профессор, Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета, Новосибирск, Россия.

Беловолова Светлана Павловна, доктор педагогических наук, профессор, Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета, Новосибирск, Россия.

Берри Джон, профессор Королевского университета, Кингстон, Канада.

Берриос Кальехас Соня Александра, аспирант, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Бикбулатова Ирина Анатольевна, магистрант, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Буланкина Елена Александровна, студент Пекинского университета международных исследований, Пекин, Китай, психолог Ставропольского государственного Университета, Ставрополь, Россия.

Булковская Софья Станиславовна, студент, АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия.

Бульцева Мария Александровна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Бурлаченко Лариса Сергеевна, младший научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», Краснодар, Россия.

Бутовская Марина Львовна, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующая Центром кросскультурной психологии и этнологии человека, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая», Москва, Россия.

Бычкова Полина Александровна, кандидат психологических наук, ассистент, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», Москва, Россия.

Ваганова Юлия Александровна, магистр, проектный менеджер, Центр развития бизнеса и команд, Москва, Россия

Ван Жуйхань, магистрант, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия.

Вознюк Анастасия Владимировна, бакалавр, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Москва, Россия.

Войно Аглая Дмитриевна, студент, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Воробьева Татьяна Сергеевна, научный сотрудник, ГБУ ДПО «Челябинский институт развития профессионального образования», Челябинск, Россия.

Гавронова Юлия Дмитриевна, кандидат психологических наук, преподаватель, ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств», Смоленск, Россия.

Голубятникова Екатерина Анатольевна, магистрант, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Гребень Наталия Фёдоровна, старший научный сотрудник, ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья», Минск, Беларусь.

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Гуриева Светлана Дзахотовна, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия.

Дагбаева Соелма Батомункуевна, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», Чита, Россия.

Данчевская Оксана Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Москва, Россия.

Двойнин Алексей Михайлович, кандидат психологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Деснич Исидора, выпускница магистратуры кафедры психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы», Москва, Россия.

Джурад Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва, Россия; Национальный исследовательский университет «Московский государственный строительный университет», Москва, Россия.

Дзоу Д., выпускник факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия.

Дронова Дарья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая», Москва, Россия.

Жумадилова Валентина Калбаевна, директор Института психотерапии Жумадиловой Валентины, Алматы, Казахстан.

Заварницина Александра Евгеньевна, преподаватель, ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск, Россия.

Задорин Вячеслав Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия.

Зверовская Яна Павловна, магистр психологии, специалист по учебно-методической работе, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Звонова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», Москва, Россия.

Ивенков Вадим Эдуардович, магистрант, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Каверина Вера Алексеевна, аспирант, ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск, Россия.

Карев Кирилл Андреевич, магистр психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Кауненко Ирина, доктор психологии, доцент, Независимый Международный Университет Молдовы (ULIM), Кишинёв, Республика Молдова.

Керимова Изумруд Агаларовна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный педагогический университет», Москва, Россия.

Ким Ольга Игоревна, независимый исследователь, Москва, Россия

Коренев Дмитрий Александрович, специалист по социальной работе, Фонд по профилактике социально-значимых заболеваний «Шаги», Москва, Россия.

Кривуть Марина Леонидовна, заведующая лабораторией «Центр идей и практик в целях устойчивого развития», УО «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь.

Кривцова Анна Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Кудинов Станислав Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы», Москва, Россия.

Куликов Сергей Павлович, аспирант, преподаватель НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Куликов Сергей Павлович, аспирант, преподаватель, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Лепишкова Зарина Хизировна, кандидат психологических наук, главный научный сотрудник, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Лобанова Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Россия.

Лямин Денис Петрович, старший преподаватель, УО «Белорусский национальный технический университет», Минск, Республика Беларусь.

Ляпина Татьяна Евгеньевна, аспирант, «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия.

Майский Дмитрий Олегович, аспирант, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Мамедова Ирана Октай кызы, доктор философии по педагогике Ph.D, старший преподаватель, Азербайджанский государственный педагогический университет, Баку, Азербайджан.

Матвеев Алексей Викторович, PhD, независимый исследователь, Москва, Россия.

Матвеев Денис Евгеньевич, кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия.

Маховская Ольга Ивановна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия.

Мацакова Наталья Петровна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», Элиста, Россия.

Машкова Алиса Сергеевна, магистр, ассистент, НИУ «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия.

Мезенцева Анна Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр кросскультурной психологии и этологии человека, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая», Москва, Россия.

Мещерская-Робустова Елена Витальевна, кандидат исторических наук, доцент, Покровский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Покров, Россия.

Миронов Андрей Валерьевич, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск, Россия.

Митина Ольга Валентиновна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия.

Миткинова Наталия Борисовна, магистр психологии, психолог, ГОО «Московский дом ветеранов войн и вооруженных сил», Москва, Россия.

Михайлова Ольга Борисовна, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», Москва, Россия.

Морозова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Москва, Россия.

Мохнатли Дарья Камал оглы, аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», Москва, Россия.

Музыченко Юлия Николаевна, аспирант, главный исследователь, Университет Джеймса Кука, Таунсвилл, Австралия.

Муллер Ольга Юрьевна, кандидат педагогических наук, директор Института профессионального образования коренных народов Югры, БУ ВО «Сургутский государственный университет», Сургут, Россия.

Мураценкова Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Муха Виктория Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», Краснодар, Россия.

Назарова Наталия Рафаэлевна, кандидат психологических наук, преподаватель, Международная школа арт-терапии, Санкт-Петербург, Россия.

Нестерова Альбина Александровна, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Государственный Университет Просвещения» (ГУП), Мытищи, Россия.

Низовцова Анна Николаевна, кандидат психологических наук, магистрант ФГБОУ «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Новгородова Юлия Олеговна, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, Россия.

Новиков Алексей Львович, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», Москва, Россия.

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», Москва, Россия.

Орсоо Туяя, базовый тренер, Международная ассоциация позитивной транскультуральной психотерапии, Улан-Батор, Монголия; Москва, Россия.

Осипенко Ирина Михайловна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный медицинский университет», Смоленск, Россия.

Остапенко Виктория Андреевна, студент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Отмани Валентина Юрьевна, магистр психологии, психолог-консультант, НП СРДП «Перекресток», независимый исследователь, Москва, Россия.

Панич Ольга Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Парушина Александра Евгеньевна, магистрант, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Пучкова Любовь Михайловна, кандидат медицинских наук, врач-инфекционист, Фонд по профилактике социально-значимых заболеваний «Шаги», Москва, Россия.

Ратов Тихон Юрьевич, студент, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Романов Максим Юрьевич, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Ростовцева Виктория Викторовна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр кросскультурной психологии и этнологии человека, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая», Москва, Россия.

Руденко Светлана Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», Донецк, ДНР.

Садик Мухаммад, магистрант, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Салех Юлия Алексеевна, магистр психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», Чита, Россия.

Светкина Анастасия Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Уральский институт Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», Екатеринбург, Россия.

Сидякова Екатерина Юрьевна, магистрант, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Скляр Сергей Владимирович, кандидат медицинских наук, директор Центра психотерапии Сергея Скляра, Алматы, Казахстан.

Смолина Татьяна Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, НОУ ВПО «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов», Санкт-Петербург, Россия.

Соколовский Максим Леонидович, кандидат психологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия.

Стошич Лазар, доктор компьютерных наук, профессор, декан факультета компьютерных наук, Университет «Юнион – Никола Тесла», Белград, Сербия; ведущий научный сотрудник, Управление информационно-публикационной деятельности, Центр научных компетенций, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Стручкова Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, декан, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Якутск, Россия.

Сугакова Анастасия Александровна, студент-бакалавр, ГАОУ ВО «Московский государственный университет спорта и туризма», Москва, Россия.

Судницикова Алёна Владимировна, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В.Г. Короленко», Глазов, Россия.

Суханов Алексей Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», Чита, Россия.

Сухарев Александр Владимирович, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия.

Ся Бинюй, аспирант, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», Москва, Россия.

Татарко Александр Николаевич, доктор психологических наук, директор Центра социокультурных исследований ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Титова Ольга Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт МВД России», Красноярск, Россия.

Ткаченко Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Троянская Анна Игоревна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, Россия.

Тувина Ирина Сергеевна, магистрант, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Тучина Оксана Роеальдовна, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», Краснодар, Россия.

Узойкина Алена Игоревна, магистрант, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Фекличева Наталья Леонидовна, педагог дополнительного образования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Хорозова Лариса, доктор психологии, доцент, Комратский государственный университет, Комрат, Гагаузия, Республика Молдова.

Хотинец Вера Юрьевна, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, Россия.

Хохлова Наталия Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, БУ ВО «Сургутский государственный университет», Сургут, Россия.

Цой Гунвон, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при правительстве РФ», Москва, Россия.

Цуй Ж., выпускник факультета психологии, «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия.

Цыплакова Елизавета Александровна, магистрант, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Черемисова Ирина Валерьяновна, доктор психологических наук, профессор, ФКОУ ВО Академия ФСИН России, Рязань, Россия.

Чибисова Марина Юрьевна, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Москва, Россия.

Шабас Светлана Георгиевна, кандидат психологических наук, доцент, АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия.

Шаповал Наталья Анатольевна, тьютор частной практики, сертифицированный тьютор, Школа Фоксфорд, Москва, Россия.

Шацкая Валерия Игоревна, кандидат политических наук, доцент, АНО ВДПО «Международный открытый социально-гуманитарный университет», Санкт-Петербург, Россия.

Шевельденова Байсана Саналовна, студент, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы», Москва, Россия.

Шорохова Валерия Альбертовна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Юлдашева Махлиё Бахтиёровна, PhD по психологическим наукам, доцент, Ферганский государственный университет, Фергана, Узбекистан.

Этнопсихология: теория и практика

Материалы Международной научно-практической конференции
(21–22 ноября 2025 г.)

Подписано в печать: 09.10.2025 г.

Формат: 60х90^{1/16}, Гарнитура Times.

Усл. печ. п. 15,8. Усл.-изд. л. 14,6.

Сетевое издание электронного распространения.

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сretenка, д. 29; тел.: (495) 632-90-77; факс: (495) 632-92-52